

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики,
прозы и поэзии

«... из пламя и света рожденное слово!»

М. Ю. Лермонтов

№ 13

апрель - май

Санкт-Петербург
2019

ББК XX.YY

Редакционный Совет

Главный редактор
В. И. Чернышев

ISSN xxxx-xxxx

©Чернышев В. И., 2019
©Редакционный Совет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ НРЖ №13

I. УВЕРТЮРА к СИМФОНИИ ПОЭЗИИ, ФИЛОСОФИИ, КРИТИКИ	
В. И. Чернышев. Странички из дневника	6
ВЕСЕННИЕ СТИХИ.	7
Владимир Меньшиков. Мы свет зари (из последних стихов Чернышева).	10
На Кировском заводе (стихи).	18
Станислав Копенкин. Стихи.	32
Маргарита Токажевская. Стихи из книги «Белые голуби».	38
Алексей Грякалов. Слово о стихах (Из письма Овсянникову).	54
В. А. Овсянников. Философия света.	56
Философия и поэзия.	58
Людмила Сергеевна Шишкина-Ярмоленко. Из письма.	61
II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Евгений Попов. Мучители и жертвы, творцы.	63
В. А. Овсянников. Версии прочтения.	66
Владимир Меньшиков. <i>О книге Евгения Попова «Открытое дерево».</i>	70
Критические материалы о творчестве Е. Попова и Б. Краснова:	
Друг травы.	75
Что не красит Краснова?	80
Надежда Перова. Женская тема в творчестве Владимира Меньшиков.	84
Геннадий Муриков. Петербургский взгляд.	89
Замогильные Записки. Обложка.	90
Вл. Серг. Печерин. Замогильные Записки. Текст.	91
III. ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
А. В. Осипов. Философия и Революция. (Окончание. Гл. 3, 4, 5,6).	96
Хронология Крымской войны.	129
М. В. Гаевская. Три примечания к статье.	132
IV. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБ	
К СТОЛЕТИЮ со дня рождения А. И. Солженицына	
Владимир Меньшиков. Зажравшийся узник совести.	140
В. И. Чернышев. Речь в защиту А. И. Солженицына.	146
V. ЛИЧИНЫ, ЛИЦА, ЛИКИ	
«Вот и ты запросился в просторы небес»	172
Николай Астафьев. Вспоминая поэта Глеба Горбовского. Стихи.	174
А. Михайлов. Мой Глеб.	177
В. Чернышев. Мой друг Гена Дюбин.	178
VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ	
М. П. Чернышева. Спектакль Народного театра «Глагол» СПбГУ..	200
О театре-студии СПб Гос. Университета.	204
Геннадий Муриков. Достойн ли смерти Жан-Поль Марат?	210
Т. М. Лестева. Молодые таланты Петербургской сцены.	213
Рождение Сталина?	217
VII. НАД ЖИЗНЬЮ	
Н. И. Калягин. Отрывки из «Чтений».ТЗ. МЕЙ.	222
Галина Дюмонд. Лейтенант и Лелечка.	236
Л. Л. Бубнова. Искусный диалог.	261
Анвар Абдураимов. Налетели ветры злые.	266
В. Чернышев. Расставание на лето.	268

І. СИМФОНИЯ ПОЭЗИИ, ФИЛОСОФИИ, КРИТИКИ

В. И. Чернышев

(странички из дневника)

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

СТРАНИЧКИ из ДНЕВНИКА. Март - апрель 19г

20 марта, 6-00. Проснулся в половине шестого, уже сделал зарядку... Лягу еще поспать, в сравнении с вчерашним мне лучше. Сват Юра умчался на такси в аэропорт, летит в Венгрию. А я буду становиться устойчивее, начну писать Вторую книгу Исповеди и Азбуку математики.

21-30. Весь день бегу, с утра с компьютером, потом у кардиолога, примчался домой, сходил на почту, сходил за хлебом, сварил картошку (вкусить ее не успел), помчался на концерт, играла Машенька, я ей вручил журнал, признался в любви – и радовался, что стихи мои ей нравятся, у нас философский роман или *школьная дружба...*

30 марта, суббота, 6-14. Конечно, в половине шестого мне стало страшно. Я говорю себе: *Плохо не всё, погоди горевать, Надо на время лишь сон свой прервать, Сделать зарядку, мотор завести, Сердцу усталому молвить: Прости! Сесть за привычный компьютер... – ну вот, Жизнь продолжается, воз мой везет... В гору, по ямам, в враждебной стране, С богом, без бога – внутри и вовне...*

Напишу страничку философии, и еще продолжу ночной сон, прерванный аритмией ...

15-35. Доехал до метро Приморского, оттуда до Мичурина, Быкова, там нас накормил шикарным обедом хозяин, бывший генерал-лейтенант МВД, оттуда меня привезли в город и теперь еду в трамвае домой.

Паша (пять лет) вчера сказал: *Я хочу создать усиливающую машину, чтобы просверлить землю насквозь и увидеть облака на той стороне!!!*

12 апреля. Возвращаюсь домой с заседания Секции. Я призывал спорить, ругаться, затевать склоки, стремиться к странностям в жизни и в литературе. Жизнь не всегда рутина, а литература? А литература начала напоминать учебник чистописания, она рассказывает о том, о чем мамы объясняют своим детям, что такое хорошо и что такое плохо и как надо правильно вести себя в обществе и в школе. Всеобщий сон овладевает нами...

21 апреля, воскресенье. Два дня в Москве были благодатными, несмотря на телесные неполадки. Приставал к красивым девушкам: в «Новой опере» (бывший театр «Эрмитаж»), там мы слушали оперу «Ромео и Джульетта» Гуно, и я поговорил с девушками, продающими программы и книги, одна из них была восхитительна, и ко мне благосклонна. В партере приставал к соседке сзади... Потом приставал в микроавтобусе по дороге от метро, на следующий день ездили в город в музей Васнецова и я успел *пристать* к микроавтобусу и тоже пользовался успехом ...

Впрочем, Музей – чудо, кажется временами, что жить – стоит, несмотря ни на что!

30 апреля. Смотрели фильм 48 года про Жанну Д'Арк, в котором играла Ингрид Бергман, девушка красивая. В конце фильма были превосходные сцены и они нас утешили. Жанна спорит с судьями, пытаясь сохранить себе жизнь, и вдруг понимает: **Чтобы спасти Францию, надо умереть!**

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

* * *

Я поднимаюсь. Жизнь – поход.
То камни из-под ног,
То пот, то страх, – уж я не тот,
Но кто-то нас наверх ведет –
Народ, Природа, Бог.

Преодоление невзгод,
Смятенье, пустота.
Пусть я не тот, и ты не та, –
Но внемлет мир, и Бог не спит,
Мечта о небе говорит.
Безмолвен лишь народ.

Сбивая ноги в кровь, бредем,
Меж скал на Высший суд?
Одно и то же: сон, подъем,
То мы несем, то нас несут,
Вдвоем или втроем.

Но вдруг вершина. Чу, привал!
Горит из звезд костер.
Так кто же нас сюда зазвал,
То вел, то медлил, обнимал,
И бросил среди гор?

Стоим в небесной вышине,
И откровенья ждем.
Подножный мир горит в огне,
То ль наяву, то ль в чудном сне.
Громовый глас воззвал ко мне:
Вставай! Мы ввысь идем!

* * *

Захотелось умереть,
Но никак не умирал.
Может в шелку подсмотреть
Свой трагический финал?

Вслед за темной кутерьмой:
Утро, завтрак, снегопад –
Свыкся с бытом и с тюрьмой,
Стал искать дорогу в ад.

Отчего ж моя печаль,
Если ад меня манит?
То ли прошлого мне жаль,
То ли сердце вновь болит?

Или я хочу уснуть,
Так, чтоб звездным был конвой,
И счастливый выпал путь...
Не в острог, а в город свой!?

Через годы, так и быть,
Мы с экскурсией в раю!
... Почему нас тянет жить
Средь теснин и на краю?

* * *

Что наша жизнь? Страданье злое,
Сон в ожидании страданья?
Нет, поиски! Ищу просветы,
Где не покрыто небо мглою,
Где исполняют обещанья
И на вопросы есть ответы.

Итак, *я вышел в путь с зарею,*
Иду и днем, и в вечер хмурый,
Осталось, кажется, не много.
Местами скрыто небо мглою,
Уже и сам иду понурый,
Не видя истину и Бога.

Но все ж иду. Копаю, строю,
Пишу стихи, мечтаю, спорю,
О, как далек я от блаженства!
Ищу ль Руно, Евтерпу, Трою,
Всем прежде ищущим лишь вторю,
Ищу ль свободу совершенства?

О, мир мой грозный и надменный!
Так много в нем бесчинств и горя!
И часто – глупости и страха
И все же знак мой: *свет блаженный,*
Я – сын Пути, рожден из праха.

* * *

Сила произрастанья во мне иссякла,
Стремления и желания притупились,
Голос души поник, и душа обмякла,
Страсти, даже не бывшие, уже забылись.

Вот он, тупой топор, давно не точен,
Беден даже словарь мой, слова истерты,
Мир обнимал мечтою, но мир просрочен,
Горек уже как уксус, и вышел к черту.

Ночь теперь не зову я, ночные крылья
Носят меня не лучше, чем зайца ноги,
Боги меня оставили, покрыты пылью
Даже страницы книги, где жили боги.

Старой тропою звери ходят испить водицы,
Может быть, встречу юность, ту, что не знала страха?
Ах, прорастают в памяти лики, личины, лица,
Помнит ли чаровница, *с нитью волшебной пряжа?*

Что же теперь мне делать? Пойти ль на гору,
Ту, где со мной встречались когда-то феи?
Смею ли к ним приблизиться? Если смею,
Значит, и крылья впору, хоть бездна впору...

Владимир Меньшиков

МЫ – СВЕТ ЗАРИ...

(Из последних стихов В. И. Чернышева)

Василий Чернышев – довольно сильный и своеобразный поэт. Кто еще может своему лирическому циклу дать название «Стихи о несчастной жизни»? Кто, издавая серьезный литературно-философский «Русский журнал», рискнул бы обратиться при этом к ветреному писательскому жанру, каковым в некоторых ученых кругах считается поэзия, и в стихотворной форме раскрыть цели и задачи журнала? А он написал:

Наше направление

Здесь собрались мы неспроста!
Тот, кто несчастлив, только молод,
Кому упал на палец молот,
Кем движет жажда или голод,
Чья совесть в язвах иль чиста...
Нет лишь надменного перста!

Здесь собрались мы наугад,
Я не искал в бору меж сосен,
Взял тех, кто мил и кто несносен,
В ком страсть, смиренность, гнев и лад,
Не столь неровным меж откосин –
И тем в неровном мире рад!
Здесь мы свои, сестра и брат.

Одно ли нас стремление водит,
Одна ли цель, один лишь свет,
Земной, небесный ли завет, –
У нас у всех один билет,
Журнал всем ищущим угоден,
И вместе мы – сомненья нет!

И мало ли что он в строке из прочитанного только что нами произведения «В ком горный дух, кто без креста» как бы упоминает о безбожниках, но и на самом деле о боге не забывает. Познакомимся со стихом, по ходу прочтения которого убедимся, что для писателя Чернышева, постоянно упрекаемого за так называемые богохульство и очернительство, Всевышний вовсе не лишний:

Нет в жизни счастья, как в эфире
Нет плоти. Лишь случайно рядом
Согласное расположение
То окон дома с диким садом,
То в шуме звезд ночного бденья.
Всё удивительно, и в мире
Произрастанье и цветенье
Сопряжены с числом и мерой.
Как боль сомненья с жгучей верой –
И мир достоин восхищенья!

Пусть жизнь пугает мраком ада
Пусть мы дрожим пред властью тленья,
Подвластно даже тленью Лире!
Ночные сны, дневные звуки
Соединяют чьи-то руки...

Прочитав по ходу набора на клавиатуре несколько раз это чудное произведение, я задался лукавым вопросом, а усек ли sos-редоточенный читатель в начальной строке знаменитую, коряво – татуированную надпись «нет в жизни счастья», которую носили на своих кистях многочисленные мужчины не такого уж и отдаленного советского времени? Так что перед нами еще одно значительное достижение Чернышева-Светлова: сложение или сопоставление «лагерного» и духовного, низкого и небесно-высокого, реального и эфирно-эфемерного. А от последних строк этого же вроде совсем несобытийного стиха «Ночные сны, дневные звуки/ Соединяют чьи-то руки...» рукой подать до другого стиха, уже с более низкой нравственно-социальной ответственностью:

Даже если гульнула ты с бесом –
Мы и сами не с тем же ль замесом?
Здравствуй, лето, природа-краса!

Умеет Чергушка Иванович на контрастах сыграть, а это ли не признак умелого литератора! Но дальше больше. Прочитывая еще одно крестьянско-дворянское стихотворение Василия Ивановича, опять, как при наваждении, вижу чернильную татуировку на деснице «нет в жизни счастья», но только в этот раз рука автора запечатлена в движении, поэт-философ, проживающий в сельской местности, словно в ссылке за политические прегрешения перед царским правительством, растапливает в своей деревенской избушке-развалюшке печурку:

Нет счастья в жизни, всё не так,
Дрова сырые сохнут плохо,
Нас злая мучает эпоха,
Горит печурка кое-как,
Любой болван нас одолеет?
Хороший вряд ли порадеет,
Пока с горы не свистнет рак.

Но все же в комнате тепло,
Даль расширяется с рассветом,
В окошке высохло стекло,
Надеюсь: доживу до лета.

Направлюсь утром в огород,
Где вскрикнут розы и тюльпаны:
Ты разуверился, ну вот
А мы с утра от солнца пьяны.

Еще немного потерпи,
Пока дождем дороги вспенит.
Ну, бабу снежную слепи,
Она до лета не изменит.

Пока что разжигай дрова,
И, глядя, как огонь неистов,
Послушай Гайдна, Брамса, Листа,
Забудь про деньги и права!
А там, глядишь, мир поумнеет,
Добро неправду одолеет,
И даже высохнут дрова!

Вот она спасительная философия обычного деревенского жителя «А там, глядишь, мир поумнеет». И она в данном случае стопроцентно соответствует возрасту и пошатнувшемуся здоровью бывшего ленинградского «бугозора без призора» Василия Ивановича Чернышева. Куда уж ему? Разогреть печь, забраться на нее, укрыться тулупом и тупо думать, как «народнику» 21 века о России, да все про них – Гегеле и Гоголе, но не о литературной премии имени Гоголя. Уж слишком он непритязательный и скромный в отношении литературных похвал и награждений. Надо бы отмыть добела Чернышева, пардон, кобеля награждения для! Виртуально отмоешь, приведешь по бумагам в чистенький вид, а где он сам? Ищи-свищи по опустевшим деревням да пыльным районным дорогам. Остается только что посвятить ему стихотворению или написать непосредственно о нем, безумце дорог и друге шоферов, местных и дальнобойщиков, которым дарит свои философские книги и читает лирико-политические строки. Хотя у меня уже имеется такой стих, называется он «**На дорогах**»:

Не тарантайки и не дроги,
А иномарки ездят тут.
Теперь хорошие дороги
В районный городок везут.

Поменьше стало привидений,
И грязь не хлопает внизу.
Поменьше с кладбищ нападений
При полнолуние и в грозу.

Убавилось «дворянской жути»...
Испуг иного образца,
Муссируя, добавит мути
В мозги шофера-молодца.

Все это нервы или «невро».
Доехать б только без стрельбы
Да в кабачок стандарта «евро»,
Где выпить водки без гульбы.

Те заведенья без клиентов,
Хотя бывают в них пиры.
Нет спившихся интеллигентов
Советской вермутной поры.

Шоферу даже душу не с кем
Здесь бесконфликтно отвести.
А, может, выпить просто «Неска-
фе» с федерального пути.

А коль хотите, пейте, жуйте
Под мерный звон автоключей.
Нет старосвет... советской жути,
Нет милых спившихся врачей.

Здесь пил биолог иль ботаник
Из школы, зная обо всем
От лошадей и до бот Танек,
И «муть» зажевывал овсом.

Как зоофил начала века
Знал о соитии людей
Со Зверем, чтоб Сверхчеловека
Создать к защите соц-идей...

Нет стихотворца из глубинки,
Что мог «разлиться» по столу,
И чьи дырявые ботинки
Опять бы «чавкали» к селу.

Вот и Чернышев такой же, ни дать, ни взять бродячий «народник» дореволюционной России, «политический человек», но все же не пораженный в гражданских правах и имеющий возможность в любое время податься в нынешний Петербург времен Полтавченко-Беглова. Вот так и бегаёт Василий Иванович, то от Петербурга в деревню, то от деревенских в невиский град. При этом пишет довольно сильные стихи:

Опять бездорожье, а после – дорога, –
Но в мире приемлю мужицкого бога,
Отчасти Сварога, отчасти Ярилу,
В них все хорошо, по-хорошему мило.

Перо и лопата... ну, бес «топорливый»,
Пила – в черных перьях, пирую на диво,
Армяк подпоясан, и гвозди в кармане,
Жена ищет ложку, чай стынет в стакане...

Хорошая рифма была, завалилась
Под лавку, за печку... Ах, прежде как пилося!
Кума с пирогами, кум трезвый – с дороги,
А слева то бесы, но справа всё боги.

Соседка явилась... Что ль выпить охота?
Я трезвенник ноне, как турок! Вот то-то!
Ну, ладно, за шутку не требуй расплаты,
Садись ко столу, то нальем, чем богаты.

... Вот так мы и жили! Перо и лопата!
Соседи, соседки... и бес вороватый...
Бывало, без хлеба, бывало – без бога,
Вдоль солнца льняного до лунного рога.
Деревня большая – от моря до моря,
Всего в ней хватало, и счастья и горя.

Понятно, что у Василия Ивановича в голове, как и у меня, то же село, те же деревенские тараканы. Тезки мы по многим ощущениям, сокращенно «тёзы», и живем тезисом, что поэзия живет не в городе, а в деревне, чему доказательство такой великолепный стих Чернышева, написанный, как утверждает автор, именно в сельской местности:

Вернулась осень, вопреки
казалось, усыпленью тлена.
Веков протянутой руки
мы не заметили. Подмена
объяла нас как страшный сон
"в разворочённом бурей быте".
Разбитое окно в «Главлите»
хлестнуло выстрелом в висок
и я очнулся. Есть ли Бог? –
Он повод^ырь для Исаака?
Бегущий ли единорог
в полях, воскресших в кущах мака?
От Аристотеля до нас
куда, народные витии,
вы поведете скользкий сказ?
К победе ль, к гибели России?
О, *энтелехия зари,*
телеология рассвета!
Я не велю богам: умри! –
Но нов я в вихре Первоцвета,
И старый мир и зла прорыв
я обнимаю мыслью внове,
Россию воссоединив
на грани увяданья в слове.
Мы, книжники, мы свет зари,
От Аввакума до Толстова,
Светило властное – гори! –
сквозь ткань небесного покрова!

Меньшиков Владимир Петрович

**НА
КИРОВСКОМ ЗАВОДЕ
(стихи)**

Владимир Меньшиков родился в Пинежском районе Архангельской области в сентябре 1953 года. После школы работал в лесостроительной экспедиции, служил в армии, потом закончил Ленинградский пединститут, факультет истории. Живет в Петербурге. Член СП России с 1993 года.

Автор поэтических книг «Оккультная оккупация», «Звероисповедание», «Гармонь снопа», «Стихотворения», «ГОЭЛРО горла», «В начале тысячелетия», «Русский простор», «Прорыв», «Приладожье», «Похвальная грамота», «Предыдущий оратор».

Лауреат литературных премий России (1997) и (2002).
Награжден юбилейной Есенинской медалью

НА КИРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Сельская думка

Эх, вы, церкви-синагоги!..
Что за муть на путь легла?
В год Есенина Сереги
Отказался от села?

Да на мелкие каменья
Раскатись, петровский град.
Надо тискать без сомненья
Стих о поле без оград
И о воле без решеток
И чекистских городков,
Прорывая цепь красоток
Да пивточечных рядков.

На крестьянские мотивы
В год Поэта – сельский зуд,
Но к Избе локомотивы,
Теплоходы не везут.

Крепко держат договоры
Да поденщина и найм.
Перекрыты коридоры
Городской работой нам.

Бегай шавкою косматой
В космоПитере, курьер,
А в село – простись с зарплатой
Всем есенинцам в пример.

Я на Кировском заводе –
При окладе неплохом.
Здесь я целый день в народе,
Трусоватом, не лихом.

Июльское утро

Вино любовно-классовой борьбы
Разлиго на постели не для смеха...
Не прикурить от «кировской» трубы
И флагов «замороженного» цеха.

Воспламенять не хочет Желтый Кремль,
А Кировским заводом-зажигалкой –
Пощелкали да бросили на земь
В соседстве с фанта-стической свалкой.

Чтоб выбить хоть какую-то искру,
Столкнуть заводы трубами и лбами,
Об Любку потереться по утру,
Иль друг об друга потереть гробами?..

Начать общепромышленный ремонт
Зовет солист сталепрокатных спевок,
Поэтому на простынь как рев.мот
Кладу мотор, свечу его и... девок.

Я числюсь в литделах как зампотех,
Но православно-бородатым лицам
Не спится и стараются во грех
Вменить любовь к заводам и к девицам.

Святоши от высот удалены,
А небеса, подумав о провале,
Наручниками солнца и луны
Меня к себе на случай приковали –
Использовать по воле, по судьбе
Мое агропромышленное соло...
Прикован дымом к питерской трубе,
А гусеницей тракторною – к селам.

Парк, пруд, кладбище...

Вышло б все, наверно, по-другому,
Если б не подобие леска,
Если бы не парк, цветы и омут,
Если б не июльская тоска.

Вышло бы, наверно, иначе,
Если бы не кладбища видок,
Если б в магазинчике при сдаче
Дали брошку «траурный венок».

Если бы пошла с рабочим классом,
Взяв троцкистский митинговый том,
А не то – с буржуем Карабасом,
Ведая, что кукол бьет кнутом.

Думала, что выколотит денег
Запросто из дяденьки-мешка,
Но ломал, как веточки на веник,
Он таких на краешке леска.

Нет бы загуляла с Буратино,
Длинноносым, с золотым ключом.
Завелась с другим. А нынче – тина,
Омут, что в ужасном обличен.

Вышло б все, наверно, по-другому,
Если бы не этот Барабас,
Кукольный театр, березы, омут
И пропившийся рабочий класс.

Гражданская, братоубийственная...

По щеке течет горяче слезонька
Шириной в Ефграфовку точь-в-точь.
Не сумели Гена и Сереженька
Мне с квартиркой в Питере помочь.

Втиснут в общежитье, где со стиркою,
«Дальняком» и кухнею этаж,
Где на всех, хотя кривлюсь и фыркаю,
Общим пьедесталом – унитаз.

Разве после скажуг: совесть чистая
У предпринимателей-братьёв,
Потому-то имидж тракториста я
И танкиста родственных боев
Дико и велико культивируя,
Обещаю классовый наезд...
Словно сын язычества квартиру я
Пропил бы – да в сельщину и в лес?!

Ждет меня страна Одеколония?
Выходишь по Нарвской и узришь,
Что азербайджанская колония
Накупила питерских жилищ.

Пусть они трущобно-коммунальные
Или общежитские пока,
Но у мусульманства планы дальние
На десятилетия, на века.

Погибал, сражаясь, в революцию
И в блокаду пролетарский класс,
Чтобы нам увидеть эволюцию
Возвышения приезжих масс.

Уклонизм пришьют за то, что в «клоны» я
Позачислил смугленьких детей.
Дружная диаспора. Колония
С подкупом милиции, властей.

Про меня, считай, забыли братики,
В общежитье сраное заслав.
Может быть, пойдет в танкисты-ратники
Хмурый мой сыночек Вячеслав?...

То что я безденежный, убытственный
Станет веским поводом вдвойне
К беспощадной и братоубийственной
Классовой, классической войне.

Эпопеи родовой гибели
Начинаются не на показ
С разницы в доходах или прибыли
Между братьевьями в сотни раз.

Достопримечательности

Что нам Невский, если Кир. завод
Затмевает остальные виды
И оголодавших зовет
Быстро не проглатывать обиды.

Хватит их глотать и пропускать
По прямой кишке с кошачьим паром.
Богатеям из-за прод.куска
Как-нибудь ответим рев.ударом.

Возле Исаакиевского собора

Отделявали офис возле храма
Оккультно-оккупантских божьих сил...
Смурным рабочим про Адонирама*
Во время перекура говорил.

Легенды и мистические были
Подталкивают к бунту бедолаг...
Адонирама вечером убили
Лихие из лишенцев-работяг.

Копая исторические дали,
Забыл, что упомянутый ремонт
Мои родные братья возглавляли,
И что не здесь Отечественный Фронт.

По дереву стучал, чтоб не накаркать,
Но думалось, наверно, что готов
Под инструменты пролетарской кары
Подставить предприимчивых братьёв.

Сквозь пыльное стекло напротив солнца
Показывал на близкий «Англетер»,
Где некогда повесили мasons
Крестьянского поэта СССР.

А позже был расстрелян и закопан
Борис Корнилов – песенник-пророк.
Эх, вмазать за сирень бы да за копать
Их деревенско-пролетарских строк!

На сергие-борисовском примере
Жидо-чекистов перечислил я
И машинально обернулся к двери,
Где хмурились начальники-братья.

Теперь я с ними – добрыми – в раздоре
За мигиговщину, за гневный рот,
Чуть не побили в офисе-конторе
За то, что снова подстрекал народ.

*) Адонирам – гл. строитель мasonicкого Храма

Кировский район

Сторона рабочая, былинная,
А названья уличные здесь:
Тракторная да еще Турбинная,
И сама Промышленная есть.

Добрая советская умышленность,
Чтобы и теперь задор тут был:
На Промышленной –
цела промышленность,
На Турбинной – выпуски турбин.

Тараторить хочется о Тракторной,
Выходящей нынче на лицей,
Где как выступавший в «зале актовой»
Танцевал с улыбкой на лице
С пышною молоденькой училкою
И решился, – как о коробок,
По грудям головушкой почиркаю,
Словно первый «искровец» Стрибог.

Сладостно охватит страстным пламенем,
Лепестками, нежной простыней,
Не ржавеющим рабочим знаменем,
Что ко всем, как Троцкий, пристаёт.

Вышли, улыбаясь, на Турбинную,
Где нас завертело не в пустяк,
Что я захотел с училкой Ниною
Пошалить немножечко в кустах.

Не сумел добиться и на Тракторной,
Где само название – экстаз,
Жаль, что не добрались до Терактовой,
Где терроризировать как раз.

Все же пролетарско-деревенское
Извинила теплотою глаз,
Ведь желает «закопаться» в женское
После железак рабочий класс.

Общежитские видения

Немногословен я, невесел,
Хотя признания достиг.
Проносится сварожий ветер
Над Петербургом, словно «МиГ».

Вот-вот языческие бомбы
Взорвут Генштаб церковной мглы...
Сдаюсь. Отходим в катакомбы
И в петербургские углы.

Над православием победа
Изменой видится порой...
В Углу повешенная кеда,
Как бы повешен Красный Строй.

Мне бы сидеть над книгой ярой,
Но толстомордый важный мент
Дубинкой черной, как сигарой,
Отсюда «выкурит» в момент.

В моем Углу уклейку счастья
Не изловить, не снять с уды.
Проходят при моем участьи
Над патриотами суды.

Иду в СП, где главный довод
Христос и божие пути.
Берут меня за горло-провод,
Но начинает их трясти.

Вторая красненькая кеда
В углу болтается, грязна.
Ведь над язычеством победа
России тоже не нужна?

Кто за Спортсмена, за Актера
В театре тьмы: Сварог? Христос?
От русского абсурда, вздора,
От грязных кед воротим нос.

Дожливый август

Все-таки по Петербургу
Надо культурней гулять.
Разве крестьянского урку
Изображаю опять?

Просто штаны из экрана
Сшиты Натахой по мне.
Дождь хлестанул, как из крана.
Дожили... Тошно в стране.

Но не проходят призывы,
Словно пивные пары,
Как по реке через ивы
Катер советской поры.

Вновь перебои в зарплате.
Дело с работою – швах.
Год как уже на подхвате,
Всё нелегалка, «левак».

Чтоб в Петербурге Фаине
Тренькать, – из клуба в «зиллок»
Средь алкашей пианино
Я по ступенькам волок.

Или почти что под стоны
Сварщику, что ренегат,
С хрипом таскаю баллоны
Или качу агрегат.

Были серьезней заботы:
Хоть не механик-монтер,
Но починил для работы
Лирики сельской мотор.

В селе о Петербурге

1

Вновь дожди на села льют,
Но куда сильней, чем прежде.
Близ окна сию и тут
Придаю видок одежде.

Изощряюсь, старый гад...
Срочно выгравировать надо
Лозунг-ключ «За Ленинград!»
На игле, как на снаряде.

А слабо «За Петербург!»? –
Сам себя же вопрошаю.
Отложил труды и – юрк –
За конфетиною к чаю.

Я – подвижный старичок,
Но шустрей Гагарин Юрка,
За бычок или значок
В бесконечный космос юркнул.

«Ремеслуху» он кончал,
Я учился... на портного?
Утром кожанку тачал,
Поколот себя немного.

2

На игле «За Ленинград!»
Срочно выгравировать надо,
А снаряды-то летят
В нас из каменного Града.

Залп, другой по деревням
И по темным, кислым селам,
Мол, не ровня, не родня
Петербуржцам невеселым.

Мол, пытаются давно,
От села отгородиться,
А не то плывет го...но,
Чтоб в культурное рядиться.

Этот новый Петербург
Для иных мини-отчизна.
Было здесь немало бурь
Наглого сепаратизма.

От провинции заслон.
Мол... с моралью нынче худо.
Только город населен
Так же иностранным людом.

Их не трогают, им благ.
Это нам запрет, нагрузки.
Чтобы жил без русских град,
Чтобы Русь была без русских?

Охранник квартиры-офиса

Дежурю здесь, держа в кармане «пушку»,
Свихнувшись на желании одном:
Слепить пятиметровую лягушку
Из снега под заляпанным окном.

Пусть бродит по дворам зима босая,
Открыв шизофренически свой рот,
Пускайлягушка снежная, большая
Частушки лета, квакая, поет.

Весной она легко зазеленеет,
Растает или спрячется в кусты,
И, распрощавшись на полгода с нею,
Мы песенно пораскрываем рты.

А, может быть, откроем днем из окон
Кровавую безумную стрельбу,
Приходится поквакать и поохать,
Когда доверил городу судьбу.

Наган – в кусты или заткнуть за пояс
И, плюнув на коммерческую рать,
Сесть в пропитой, провинциальный поезд
И в трудовую сельщину удрать?

Ночной фигурист

Поединок «поэт и народ»,
Ясно всем, в чью закончился пользу.
Был я выдавлен мощно на лед
За вождистско-крестьянскую позу.

Город выжал на Финский залив,
Где теперь, изскользясь, в раскоряку,
Я держу на «сплошной позитив»
Путь за то, что не так вякнул-брякнул.

Ну и каторга ж этот ледок
Безо всяких вериг с кандалами.
А на воле-то ночь, и видок
Никакой. Нет людей с факелами.
Нет подсветки с военкораблей,
Ни прожектора с всплывшей подлодки.
Только вьюга сильнее, белей
Для скольженья курса, наводки.

Может быть, – к стадиону «Газ-пром»
(Нет б строительный кран подал руку),
Но рабочие приняли бром,
Чтоб во снах позабыть лень и скуку.

Поползу-ка, пожалуй в Кронштадт,
Вдруг Орлов – председатель наш – будет
Стихотворцу отчаянно рад
И на пьянку – весь город разбудит.
Коль в Кронштадт поползу, то зачем:
Брать его? Иль держать оборону?
Мне сейчас бы буденовский шлем,
Револьвер да медальку – к фасону.

Вьюга воев. Дела не о'кей.
Все ж со мною расправились дурно.
Я на льду. Не сыграешь в хоккей,
Не займешься катаньем фигурным.

Да и ладно, сморкнусь и свалюсь
С оговоркою, что не замерзну,
А пока почитаю вам «Русь»
Да послушаю азбуку Морзе.

Сон о ПТУшной общаге

«Народа нет в общаге.
На похоронах все.
Наклонены два флага
В трагической красе.

Близ гроба «препод» Гриша
Поднял ружье б/у.
Мальчиша-Кибальчиша
Хоронит ПТУ.

Проснувшись, слыша залпы,
Я понял: сон, кино.
Головушку сорвал бы
И выкинул в окно.

Сугроб, что недалече,
Ее бы охладил.
Спустился б и – на плечи
Приделал, приживил.

В окне совсем не флаги,
А красная заря.
Припомнились «путяги»
Или общаги зря?

За 60 уже мне,
Я – красно-бледный дед,
Но не могу без джема
Тех сладких, славных лет.

В башке моей – машинка,
Которой врать не лень,
В противовес – горчинка
Про похоронный день.

«Мальчоночка убитый
Бандитскою рукой.
Портрет. Гроб незакрытый.
Залп. Слезоньки рекой.

Приспущенные флаги.
Над холмиком – звезда.
Народа нет в общаге,
Сорвались кто куда...».

Брат Геннадий

Форель! Форель! Звучит, почти как трель,
А, может, как соната иль кантата!
А у меня по жизни – канитель,
А я, как в окружении Антанты.

Весь в санкциях, хоть снова «Крым – верни»,
Не потому ли вспомнил слово «ридна»?
Я напрочь всех забыл в такие дни,
Мне за себя и стыдно, и обидно.

Вот Гена-брат, он всем хорош и мил,
Не забывает матушку-старушку,
В субботу развсего ей закупил,
А мне – игрушечные «пестик», «пушку».

Учась стрелять, сумел попасть в луну,
Ночную высь в ее крови измазал.
Люблю я революцию одну,
И за нее держу и флаг, и мазу...

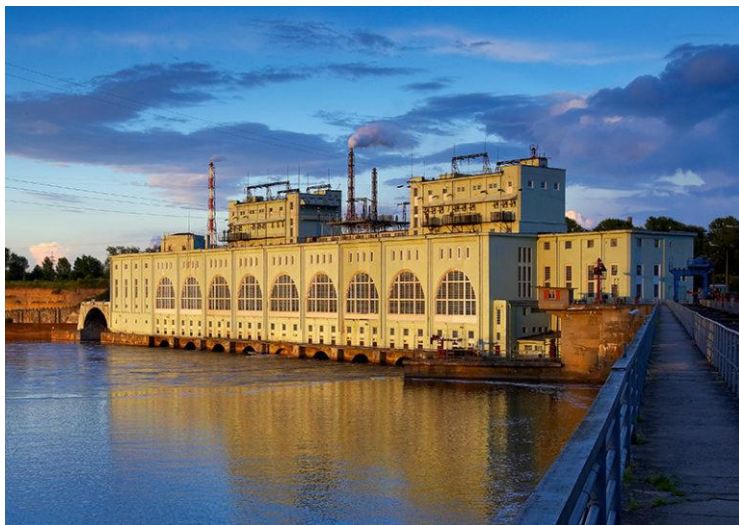
Геннадий смотрит, чтоб в его родне
Не знали доли бедной и ужасной.
Не где-то там парит. Не на луне
Живет, а вкальвает в фирме частной.

Ну, вкальвай, хвали капитализм,
Как можно больше заработай денег.
Молись и ратуй, я ж не из подлиз,
Тем паче политически-идейных.

Геннадий, бывший коммунага, так
Поет ему и льстит, забыв про ужин,
И аплодирует, что я-бедняк
Так не могу ругать, во всю матюжить...

Станислав Копенкин

СТИХИ

г. Волхов Волховская ГЭС

*Станислав Копенкин – поэт, рок-музыкант, прозаик,
35 лет, Волхов-Петербург)*

Триединство

Да бог его знает, с какой буквы пишется "Бог",
Там все проще: ему все равно
На сужденья, на смелость в глазах,
на привычку читать между строк
И вычитывать там вопреки и назло
То, что стерлось от времени, рассыпалось в прах
иль осталось давно за бортом
Ледоколов, и шлюпок, и потрепанных морем плотов.

Бесконечность – не просто восьмерка,
что тщетно пытается встать
И покинув пространство, замкнуть одиночества круг.
Бесконечность – есть степень неосознания себя
В череде промежуточных станций, где даже маршрут
Той восьмерке дарует еще одну боль бытия.

Бог его знает, с какой буквы пишется "Я".
Канцелярские ластик "я" превратят в пустоту.
От любви до полочки, от сна до стакана вина:
Я – от форте до пиано установленный графиком путь,
Совмещающий с дрожью подкожною
пальцев своих, не спеша,
Одиночество струн. И рождается звук.

Бог его знает, с какой буквы пишется "Смерть".
Если цель – триединство понятий, то разве резон
Делать ставку слепую на тождественность только фоном,
Забывая о сути, с которой преступно знаком
И невинный младенец, и старый задумчивый дед.
Чтоб завить – нужны голос и боль. Непреложный закон.

Восприятие – это не только попытка каких-либо чувств
Из пяти, стать на миг чуть надменной и выше иных.
Восприятие – шанс в триединстве поймать саму суть
Бытия, чтобы стать завершающей мыслью строки
И забыть, как дышать, по привычке готовясь ко сну.

Башня одиноких сердец

Если собрать в одном месте все одинокие сердца в мире,
Из них можно будет построить новую Вавилонскую башню –
Выше небоскребов, выше даже небесной сини.
И тогда одни скажут: "Прелестно!",
Но промолвят другие:
"Это поистине страшно..."

Башню назначит Восьмым Чудом Света
взявший ее под охрану ЮНЕСКО,
Спецрепортеры будут брать интервью
у других людей с титулом "спец".
Около нее станут продавать попкорн, устраивать шоу,
например, с клоунами, ходящими по леске,
А туристы, лоснясь от загара,
будут фотографироваться на фоне одиноких сердец.

Потом, конечно, начнется промоушн, продакшн и
прочий по-змеиному шипящий маркетинг:
Навыпускают открыток, магнитиков,
устроят у подножия башни благотворительный концерт.
Самые любопытные станут лапать сердца,
оставляя на них жир бестрепетных пальцев. А дети,
Достав нож, кряхтя от усердия,
будут вырезать классическое: "Вася был здесь".

Даже не стоит сомневаться, что по поводу башни
нагонят лишнего пафоса,
И какие-то непонятные люди будут вещать:
"Мы сделали небо ближе для одиноких сердец!".
А башня станет памятником человеческому равнодушию,
как дети-сироты или томик Маркеса,
Но это останется тайной: в тусовке спецов не найдется
по Человечности спец.

И со временем башня, не сумевшая быть укором,
станет символом единства или творческой дерзости.
И люди будут повторять: "Мы молодцы,
мы помогли одиноким узреть вблизи небеса!",
Так и не поняв – чтобы стать ближе к небу,
нужно всего одно одинокое сердце,
Долгий вечер, тишина, темнота, холод
и робкая надежда на возможность сна...

Очередь

Господи, конечно!
Твои сыновья и дочери
Обязательно передерутся в очереди
У врат Твоих –
Больше им
Не остается ничего,
Ведь больно им,
Страшно им,
Вытряхивать перед Тобой
Грехи свои
Из рюкзака души...

Больно нам
Выцарапывать, выклянчивать вольную
У сеньора Помидора – сколькими
Обойдется нам монетами тоски
И одиночества?
Все едино: что хула нам, что почести,
Но вот к горлу подбирается очередь,
И тогда руками белыми да тощими
Начинаем хвататься за жизнь...

Погляди:
Ну какие мы неспелые да смелые –
Не тебе, Господь, нас с веток рвать следует:
Зреем быстро сами, сами и сгнем
В дожди
Новой осени,
Не дожив ни до молитвы, ни до проседи,
Мы становимся в длинную очередь:
Под рубахой крест, в глазах любовь,
А в руках блестят ножи...

Господи, конечно!
Твои сыновья и дочери
Обязательно передерутся в очереди?..

Решения 20-го съезда ЦК мозга
(сокращенный вариант)

После очередного эмоционального передоза,
Когда ты очухиваешься мучительно
и долго, как от наркоза,
На экстренном пленуме, принимая напряженные позы,
Выносит постановления Центральный Комитет
твоего головного мозга:

"Ты больше не имеешь права наматывать на кулак сопли,
Ты должен вспомнить, что ты мужчина, и срываться на вопли
В минуты горечи и отчаяния тебе не пристало. Помни:
Чтобы убить себя, нужно не так уж много тоски
и не слишком много водки.

Чтобы быть достойным счастья,
уважения и, самое главное, – жизни,
Если ты не разучишься относиться
к каждому новому дню, словно к тризне,
То однажды твои пальцы начнут набирать
кнопки "0", "3" и затем кнопку "вызов",
И спустя какое-то время, ты будешь расшифровывать,
что там накорябал врач в твоём эпикризе.

С сего момента тебе разрешено засунуть в задницу
все твои капризы, загоны, обиды.
И членов ЦК твоего мозга не волнует:
настоящие ли они или высосаны из пальца для вида,
Потому что в любом сценарии бейсбольного матча
ты будешь лишь воздухом между мячом и битой,
Потому что ты ни хрена не шар для боулинга,
а люди, что рядом – не кегли. Ну как, обидно?

Если ты будешь читать решения 20-го съезда ЦК
твоего мозга от 20-го года,
И начнешь в возмущении бить кулаком по столу
и кричать: "Тут же одни запреты, уроды!"
Генсек ЦК позвонит тебе из гипоталамуса
и скажет: "Вчера у роженицы отошли воды,
А сегодня ты услышал первый крик младенца –
твоей долгожданной внутренней свободы".

Вечер после боя

– Кому фляжку?
– Передавай по кругу,-
Вспомним имена друг друга
На привале.
Не время уставать,
Останавливать бег сердца
И переходить
Из разряда стали
В разряд ваты.
– Кто солдаты?
– Мы солдаты!
– Аты-баты?
– Аты-баты!
– Товарищ майор,
Принесли наших!
– Живы?
– Никак нет...
– Сами виноваты!

Блокпост. Разговор:
– Я слышал,
Они берут в плен,
А потом отрезают уши!
Сдохнуть лучше!
– Дурак ты, Трофимов,
С нами уже
Поступили гораздо круче:
Взяли за шкуру
Словно щенков,
Да в самую гущу –
Отрезали душу!

Маргарита Токажевская

СТИХИ

Из книги «Белые голуби»

Редакторы-учредители журнала
Маргарита Токажевская и Мария Амфилохиева

Из книги «Белые голуби»

Жадные воспоминания
Не отпускают меня.
Кресла кажутся прежним
Отсутствием кресел. Бусы
Янтарные ждут, когда
На фоне чёрного платья
Станет заметно их
Отличие от обычных.
Бусы делал художник,
Вплетая капельки солнца
В кружево макрамэ,
Словно осколки меня
В одиночество.

Жаль брошенных животных и людей,
Они всегда похожи, их глаза
Живут отдельно от, и здесь позвольте
Продолжить так: отдельно от идеи
Найти съестное, ласку, пониманье,
Сочувствие то в форме подаянья,
То в форме взгляда, скользкого, как рыбий.
Их в никуда летящие глаза
Уже предвидят взгляд, что их простил
Заранее, до первого рожденья
Души, на безразличье обречённой
Со стороны иных бессмертных душ
Здесь, на земле.
Такое не забудешь.

В зелёной коробке из-под бумаги,
Тюбики красок, льняное масло.
Коробка стоит на гладильной доске.
В комнатке маленькой места нет
Для ещё одного стола.
Ночь,
Не могу уснуть.
Кажется, что с мольберта
Напрасно сняла картину.
Помнится собственный голос,
Когда сердилась, напрасно ль,
Неважно, теперь мученье –
Считаю себя несносной.
Фантазии не хватает
Придумать себе героя,
Которого можно будет
Впустить в опустевший сон...
Запах краски. Абстракций
Причина – переполненье
Энергией созиданья.

Доказательство жизни
Любого предмета,
Большого или маленького,
Его тень
Меняет форму,
Цвет,
А иногда,
Когда предмет особенно неподвижен,
Кажется, что тень плачет.

Сегодня, медленно плывущее
В очаровательное завтра.
Оставшийся на память голос,
Уже не синий, а с прищуром
Стареющего хитреца.
Снег, неожиданный хозяин,
Спокоен, иногда ревнив
К высоким каблукам.
Сегодня
Ты что-то ел, молчал о чём-то
Со мной и говорил с другими.
Я поняла, что не люблю
Того, к которому привыкла
И что привыкла я к тому,
Которого любила больно
И сладостно.
Тебе спасибо или
Тому, кто так спокоен,
Как
Учебник, вышедший из моды
Чуть прежде, чем его открыли
На непрочитанной странице.
Сегодня утешалось сердце
Лишь музыкой.
Сегодня, завтра...

Стану ли я другой,
Не той, что любила ночи
Светлого вдохновенья,
Дни неземной печали
И вечера свиданий
С голосом одиноким.
Стану ли я слабее
Лишь для того, чтоб ты
Смог защитить меня
От силы, что есть во мне.
Солнце встает. Зима.
Утро. Какое утро.

О Господи
Спасибо тебе
Ты помог мне
Разлюбить человека,
Который выдержал характер
И ни разу не обнял меня.
Спасибо тебе и за то
Что разлюбила человека
Который своими объятиями
Стискивал мою свободу.
И за то спасибо
Что думаю о человеке,
О котором знаю немного
Только то, что он другой.

Опять закладка
На той же странице.
Здесь, трепетнее
Всех остальных,
Поселились слова –
Парами, тройками,
Поодиночке.
Все они знают друг друга,
Но никто не в обиде,
Что первое и последнее
Больше запомнятся.

Ты грубил мне
Оттого, что боялся,
Что я не полюблю тебя,
Что любить тебя не за что,
А я улыбалась тебе,
Как маленькому ребёнку.
Пусть всем всегда везёт
На такие улыбки.
Не бойся

Если Господь разрежет
Одну судьбу на две,
Как буханку хлеба,
Выкатанного и испечённого
Собственными руками,
Получатся две неравных половинки.
Какую из них выберешь:
Маленькую, где забудешь меня,
Как лепесток жасмина,
Сейчас уносимый ветром,
Большую, где будешь
Изо всех сил стараться
Запомнить,
Как
Это
Огромное небо
С пурпурно-чёрным солнцем...

Не обижай меня, незнакомую!
Мне за тебя заранее больно.

Колю грецкие орехи.
Пытаюсь быть здесь,
А меня нет.
Я там,
Где ты.

Тикающей совестью
Дешёвый будильник
Не менее больно,
Чем если бы это были
Швейцарские часы
Или гигантские каменные,
Когда из вулкана
Время стремится вверх

Армения

Древняя галька Севана,
Бусы
Из
Куриных божков,
Гордая кровь
Времени,
Камни разрушенных храмов

В гостях замёрзла.
Дома интересно.
Пора чудес и боли,
Запах сосен,
Отсутствие,
Присутствие,
О страсти
Бесстрастия прислуге?
О
Зелёной,
С оттенком снега
Пряже
Древних Родин
Карен Джангиров?
Озеро Севан
И небо над
Уснувшим Монреалем...

Многоточие точнее точки.
Инструменты:
Небо,
Остро заточенный луч,
Лапка лягушки,
Запах лепестков души,
Светлое предчувствие
Воспоминания.
Я сумею спасти тебя.
Одинокий закат.

Рождество

Столько нежности...
Заснеженный Царский Город,
Прикрытый Царским Селом
С тыла.
И с высоты
Смотрит Небесный Царь.
Белые, белые голуби.
Прячутся. Их не видно.
А во дворе ребёнок
В розовом комбинезоне.

Только бы не ушло.
Мольберт, вязание, кресло,
Которое вечно пустует,
Поможете удержать
Нить моего спасения
Из лабиринта бесчувствия?

Беспечное
Мы обязательно
Будем
Вместе в этом году
Бабочка
Номер иглы
Проткнувшей уснувшее
Только
Живи дольше долгого
Уходящего в бесконечность

Отдыхай,
Теперь моя смена.
Пишу о тебе.
А завтра
Выпей чаю с лимоном.
Только бы мне удалось
Разглядеть сквозь дымку тумана
Древний скрипторий

Московский дворик. Середина века.
Двадцатого. Наряды аскетичны,
Но в этом есть особенная прелесть.
Воротнички по вечерам крахмалят
Подростки-ученицы. О стихах
Беседуют студентки на скамейке
Под тополем, который распустился
Зеленовато-жёлтой листвой.

Всё ново: неизбежное молчанье,
Старинный чайник, ложечка заварки,
Свет, неожиданно погасший
И пятнышко, что появиться
Должно на вязаной салфетке.
Зачем-то опустели души,
Не знавшие своей свободы.
Дождь, индевея на глазах,
Смеётся, словно мудрый старец.
А где-то в матовом рассвете
Не слышно даже первой чайки...

Всё упрощается
Сложные наваждения
И простые эпитафии
Монахи по-прежнему
Знают что такое лопата
А ласточки не договариваясь
О прошлом и будущем
Всегда повторяют одно и то же
Появись исчезни

Отчаянье, о, ты не уходи!
Возможно, за тобой одни и те же
Посредственные правила бесправья
И шёпот восхитительных притворств.
Как ты красиво милосердно
Справляешься с инерцией и тенью
От первых слов, которые когда-то
Обидели упрямого ребёнка

Халаты, обувные полки,
Скрипучие полы обмана
На уровне полов и окон.
Корзина, полная цветов,
Вязальных ниток.
Совершенство
Понятия могу вязать.
Клинок на память – слово солнце –
Воспользоваться торопись
Воткни его в ночное сердце,
А то растает.

Иголки. Иглы. Торопливость
Изголодавшегося сердца:
Сумей не полюбить сильнее...
Но, но и но –
Ночь управляет
Кружением вокруг тебя
Прозрачной тайны исцеленья.
Что иглы – ей они не страшны,
Она великая швея,
И нитки втягивает в ушки,
И звёзды пришивает снова
К их потерявшему окну.

Чтобы всё изменить
Для того, чтоб осталось как прежде,
Нужно в завтра вернуться
И слово забыть именное,
Ноты ясеня в пальцевый трепет вплести
И исчезнуть на жизнь,
И на смерть появиться внезапно.

Детский рисунок,
Чудный
Своей одинокой незаконченностью.
Вкус вечности на губах пришедшего
К уходу

Жёлтая тишина
Игнорирует оседание зноя
И превращается в лимон,
Нарисованный зелёным фломастером...

Глубокая синь
Исчезающего предчувствия,
Выпитая белым телёнком дня,
Заброшенный дом,
Паутинные сплетни тумана
На то и печаль,
Чтобы, не понимая, за что,
Понимать забывших
Исчезновение предчувствия...

Непоэтичные предметы
И книжный перекрёсток лет
Когда-нибудь отобразятся
На поселённом в круг квадрате.
Влюблённые качают небо,
Как будто это их ребёнок...

И голуби по-прежнему здесь,
На старой голубятне.
Дик Богард. «Особая дружба»

Та женщина
На ступеньке дворца,
Один листок на дереве –
Вот и поняли мы друг друга,
Отчаянные счастливицы,
Насовсем подарившие свои сумерки
Утренним голубям

Сегодня приснился голубь,
Бело-зелёный голубь,
Голубовато-зелёный,
Если точнее взглянуть
Из этой зимы напоследок.
Он уже умирал,
Но я его оживила.
Он задышал, обернулся
В мгновение ока серым
Пушистым волчонком-подростком,
Бегущим в будущий август
С синими берегами
Реки, у которой я
Нашла бескрылую птицу.

Эта ночь не оттого ли так ветрена,
Чтобы мне дописать
Безветрие ожиданья
Встречи на сильном ветру...

Несмотря на морозную зиму,
Несколько цветочков фуксии
Тоненько напевают
О том, что весна настанет.

Сбегать я умею.
Сбежала однажды
От одного человека,
Который знал, что люблю
Его глаза и дыханье.
Он знал, что я уезжаю,
Не попросил остаться.
Трудно сбегать тогда,
Когда никто и не держит...

Ты любишь меня так сильно,
Что можешь выдержать всё –
Даже то, что я не терплю одиночества,
Такое, где нет тебя –
А тебя никогда нет рядом со мною.
Ты всё выдержишь, зная, что я
Плаваю в море и ем черешню,
Смеюсь и плачу,
Зная, что я люблю тебя...
Гордые, никогда не попросим
Жалости и любви. Зачем?
Ведь они, есть они между нами.

Кто ожидает, дожждётся пусть
Весны в одуванчике первом,
Пробившемся сквозь асфальт
Навстречу синему солнцу.
Моцарт. Симфония номер сорок.
Симфония номер сорок.
Я думаю о человеке,
Который меня не знает.
Хранящий тайну живую,
Пусть он её рисует,
Пишет и вышивает
Нитями золотыми
Снов, принесённых снегом.
Письма ему пишу.
Славный эпистолярый
Может составить время...

Взгляд людной площади – ребёнок
Гоняет птиц – ему по нраву крылья,
Когда они трепещут, разрезая
Пружинистые струи солнцепёка...
Беседа с краю – неземные люди,
Две маленьких старушки, улыбаясь,
Любуются на этого ребёнка...
И, светлой красотой замороженный,
Фонтан смеётся неостановимо...

Алексей Грякалов

Слово о стихах (Из письма Овсянникову. 9 марта 19).

В. А. Овсянников

Философия света

Философия и поэзия

Из письма В. А. Овсянникову.

Людмила Сергеевна Шишкина-Ярмоленко

Алексей Грякалов

Слово о стихах (Из письма Овсянникову. 9 марта 19).

...«Поэт, называющий имена вещей, и философ, знающий истинный вид вещей, приходят к одному и тому же. В терминах Хайдеггера здесь отворяется *просвет*, исходно задаваемый складкой *говоримого* и *зримого*. Поэтическая дефиниция феномена принимает форму единства *имени* и *света*.

Однако форма этого единства задается *третьим*, изъятым из нее элементом, который отступил в неизреченное и невидимое, чтобы дать место сплетениям слов и вещей. Это смещающийся, ускользающий, неуловимый и безотносительный элемент. На внимательном отслеживании следов, которые он оставляет за собой, на фиксации тонких вихрей в строе сущего и в слоях языка, на выслушивании перезвона тишины ("das Gelaut der Stille") уникальными сверхчувствительными ушами Хайдеггер выстраивает проект грядущего мыслителя... Как таковой, в отличие от философа и поэта, он персонаж внеисторический, его путь сквозь массив истории – путь через точки событийных сгущений.

Те, что внемлют перезвону тишины,
веряют ли себя приходу дальней милости?

Где мы...

Где мы,
Когда устремлены
последовать завету Рильке: **
«Будь впереди разлук...»?
Мы обогнули смерть?
Нетронутая целина
конца и края лишена.
Неслышимый звук
Начала, уловимого
в чистом Ничтоженье:
прообраз Бытия,
уничтоженью недоступный;
в двоенье Одного:
последний край
ближайшей близи.

Основательней...

Основательней поэзии,
Обоснованней мышления –
благодарение.
Умеющих благодарить
оно влечет назад
к присутствию нездешнего,
которому мы, смертные,
свои с истока дней.

Это не слова вопроса или ответа, не слова призыва или мольбы, не слова сомнения или утверждения, не слова признания или упрека. Это слова благодарности. Существо поэзии связано с именовани­ем, философии – с вопрошанием, но обе возможностью существования оказываются обязаны благодарности.

Закономерности складки* строятся так, что мотив благодарности оказывается самым глубинным, исконным, неискаженным и чистым из всех мотивов. Он звучит без потерь и искажений, достигая того, что Хайдеггер называет недоступным. Слово, которое оказывается на призыв быть впереди всех разлук, есть слово благодарности... Благодарение же в пределе всегда обращено к тому, кто приходит с обратной стороны мыслимого горизонта. И разве не всякая вещь становится нам близка, когда мы обращаемся к ней с благодарностью?».

* Графически стихотворение Хайдеггера строится по типу дислокативной складки (Zweifalt). Возникает эффект смыслового дрейфа, семантического двоения, внутреннего сдвига в процедуре означивания.

** Сонеты к Орфею.

*«И кто же поет: что за
не
ведомые постояльцы?»*

На внимательном отслеживании следов, которые он оставляет за собой, на фиксации тонких вихрей в строе сущего и в слоях языка, на выслушивании перезвона тишины ("das Gelaut der Stille") уникальными сверхчувствительными ушами Хайдеггер выстраивает проект грядущего мыслителя... – *мыслитель как свидетель*. Как таковой, в отличие от философа и поэта, он персонаж внеисторический, его путь сквозь массив истории – путь через точки *событийных сгущений*.

Это не слова вопроса или ответа, не слова призыва или мольбы, не слова сомнения и ли утверждения, не слова признания или упрека. Это слова благодарности. Существо поэзии связано с именовани­ем, философии – с вопрошанием но обе возможностью существования оказываются обязаны благодарности.

Закономерности складки* строятся так, что мотив благодарности оказывается самым глубинным, исконным, неискаженным и чистым из всех мотивов. Он звучит без потерь и искажений, достигая того, что Хайдеггер называет недоступным – *невозможным свидетельством*. Слово, которое оказывается на призыв быть впереди всех разлук, есть слово благодарности... Благодарение же в пределе всегда обращено к тому, кто приходит с обратной стороны мыслимого горизонта. И разве не всякая вещь становится нам близка, когда мы обращаемся к ней с благодарностью?».

Апостол Павел: «За все благодарите...».

*В. А. Овсянников. **Философия света***

«Одетые в свет идут, не таясь».

Алексей Грякалов

Сборник стихов Алексея Грякалова «Одетые в свет» производит необычное впечатление. Зная, что автор стихов по профессии философ, профессор, доктор философских наук, невольно захочешь искать в них не столько поэзию, сколько философию. Но если в стихах есть поэзия, то надо ли в них искать еще и философию? Поэзия самодостаточна. И в стихах Алексея Грякалова она, бесспорно, присутствует. Уже в самом названии сборника. Кто это такие – «одетые в свет»? Праведники, святые? Или это все, живущие на божьем белом свете? Раз живут на этом свете, то, естественно, и одеты в свет. Или, может быть, это некие чудесные существа, чье присутствие невидимо, недоступно для обычного зрения? Как невидимы ангелы. Как невидим Христос на горе Фавор, скрытый от глаз блеском своего сияния. Как скрыт Бог в горящем терновом кусте и в молниях на вершине Синая? Переживание одновременно и философское и поэтическое. Переживание первичности, «когда слова еще не отбросили тени». Какую форму оно выберет – однозначность понятия (философия) или многозначность образа (поэзия)? Здесь стихи, язык поэзии со всеми присущими ему средствами выражения.

В первом же стихотворении сборника задается тема обреченности на существование на свете и в свете, в высвеченности:

Природа обрекает на любовь и оставляет
Голому в пустыне в парче из снов
Стоять перед любовью...
Но воды сна не знают географий,
Рассвет уже пыгает естеством,
Что в день из сна холодное явилось.
Храни нас бог!

Любовь здесь – природный принцип света. Любовь не столько освещает, сколько высвечивает и просвечивает, как рентген. Человек перед любовью гол, он в пустыне мира стоит перед ней, как на страшном суде совести. Он обречен на любовь, как на смерть. «Ибо крепка, как смерть, любовь». Человек – жертва жестокого природного принципа, он гол и беззащитен в мировой пустыне, и вся его одежда – сны. Так, может быть, «одетые в свет» это еще и «одетые в сны»? Человек обречен стоять в пустыне перед любовью, прожигаемый ее лучами. «Неподвижное солнце Любви» Владимира Соловьева, отсвет дантовского «Рая». Страшное стояние! Или еще страшнее враждебная человеку стихия сна? «Холодные воды сна, в которых мы плывем». Вспомним образы сна в древних поверьях и в мировом искусстве. Все они демоничны. Сны лживые и сны вещие. У Шекспира в «Буре»: «Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном окружена вся наша маленькая жизнь». А Гойя предупреждает в своих «Капричос»: «Сон разума порождает чудовищ...». У Алексея Грякалова «сон» – один из фундаментальных образов сборника. Человек одет в холодный, лунный свет снов. И естество сна, охлаждающее ужасом, переходит из ночи в день. И рассвет пыгает сознание и душу

человека все тем же ночным наваждением, тем же демоническим просвечиванием. И у человека вырывается вскрик мольбы: «Храни нас бог!»

Так начинается разговор на сокровенную для автора тему. Поэтический разговор о серьезных философских вещах. Или, скорее, это попытка диалога образа с пониманием. И диалог этот вести не легко, трудно им найти общий язык. Смысл высказываний зачастую затемняется, делается герметичным. Риск герметизма очевиден в перегрузе абстракций и при намеренно туманном способе выражения, предназначенном для посвященных. Но поэзия противится эзотерическому уставу, она берет свое в звукописи и аллитерации, в точно подмеченных образах и картинах из реальной жизни. «Валун дорогу рвет», «Скворешню миновал сиреневый скворец», «Гадюка на припеке майском млеет», «Табун копытил отмели все лето», «Прорезал почву желтый гость... синеет лес, белеет кость». «Гармонист калиной украсил кепку набекрень», «Тлеть угольком в серой золе», «Ломтями поля желтеют, как в сотах мед», «У белой хаты на гребне Дона девичий вид», «Цыганское солнце в печальных напевах навеки», «Шмель в трудах-боренье и крыльца с бирюзой», «Отарой овец тонкорунных украшен жестокий пейзаж», «Спасавшийся уж перетекал, чернея, среди зацветших луж». И так далее всего не перечесать. Поэзия своим клеймом щедро отметила стихи Алексея Грякалова в его сборнике «одетых светом». Там, где смыслы выступают крупно, требуя себе понимания, они одеты в ясность, а не в темноту «Невысказанных призраков говоренья».

И я могу песню спеть,
Пусть никто и не слышит –
Дикого терна цвет
Ветер ночной колышет.
Он никому не нужен
И никого не ждет,
В белом мае завьюжен –
Сам для себя цветет.

Но то, что, казалось бы, цветет для себя, на самом деле цветет для всех. Еще один природный принцип. Или все тот же. Холодные, трезвые воды философии и пламенный бред поэзии – как часто они сходятся эти «лед» и «пламень» на перекрестках враждебных сил, в катастрофах духа. И разве не Мартин Хайдеггер, философ нового зрения, тот, кто заглянул в первичный ум знака, пытался спасти разорванную душу поэзии Пауля Целана? Но река времен у моста Мирабо оказалась сильнее Времени и Бытия.

А русская душа видит свою реку времени:
Я один пропадаю –
Черный
декабрьский Дон.

Где милосердие на Донбасской земле?
Родники железом забиты.

В стихах Алексея Грякалова есть еще одна важная тема: тема войны. И нынешней, и той, Великой, которая семьдесят пять лет назад опустошала этот

*В. А. Овсянников. Философия и поэзия**«Понять, значит, выразить».*

Новалис

Суровая сова мудрости на плече Афины Паллады и соловьиный хоровод Муз, ведомых лирой Аполлона в священной роще. Герменевтика Ганса Гадамера и мерный накат гомеровских гекзаметров. Сушь термина и живой голос стиха. Строгий язык категорий и темная символика пифических прорицаний. Что между ними общего? Древность предпочитала загадку и притчу. Рассуждения – не ее стиль. Логика в железном венце силлогизмов воцарится позже. Возведенная на престол Истины Аристотелем, она правит мышлением до сих пор. О, логика теперь высоко взлетела! Что Аристотель! Ее неотвратимые алгоритмы скоро отцифруют каждый каприз и курьез мысли. Но поэзия, как известно, не очень-то в ладу с логикой. Об этом у Платона: «Кто владеет своим рассудком, тщетно стучится в двери поэзии. Творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых. Поэт, когда садится на треножник Музы, уже не находится в здравом рассудке, но дает изливаться своему наитию, словно источнику, нередко противореча самому себе и не ведая, что из сказанного истинно, а что нет. Относительно поэтов вот что я узнал: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям; не зная того, о чем говорят».

Вот этой-то «немудростью» и мыслил древний мир. Мыслил мифически и поэтически. И почему-то, в противоположность Платону, считал единственно возможной, подлинной мудростью. Поэт и мудрец в древности – одно лицо. Мысли о мире и о себе пелись космогонической поэмой и гимном в устах певца-прорицателя. Мудрецы Риши древних ариев, создатели Вед, нашли образ мирового первочеловека Пуруши не в логике рассуждений и математических постулатов, а в гармоническом строе священного языка, в звуках санскрита. Первочеловек Пуруша принес в жертву свою целостность, чтобы из членов его тела возник мир и все вещи и существа. А семь мудрецов Риши превратились в семь звезд Большой Медведицы, чтобы их лучезарная мудрость всегда светила с небес людям.

Ибисоголовый Тот, бог мудрости в древнем Египте, бог письма и счета, владыка великих чар и целитель, создатель священных книг, «Книги дыхания» и «Книги мертвых». Он же вдохновитель жрецов и писцов. Бог Тот на суде Осириса в загробном мире записывает результат испытания: на одной чаше весов сердце умершего, на другой – перо истины. Что же это, если не поэзия? Не от него ли, великого Тота и наш славянский Велес, играющий на пастушеской свирели мудрости, бог-чародей, владыка царства мертвых и покровитель поэтов-певцов, вещих Баянов. В «Слове о полку Игореве» вещий Баян назван: «Велесов внуче».

Еще раньше, на заре цивилизаций, мысль Шумера и Вавилонянина создала удивительно поэтический и загадочный миф о могучем герое Гильгамеше, искателе истины и бессмертия. Прототип духовных искателей всех времен.

Великие мудрецы Китая Лао-цзы и Чжуан-цзы свое учение излагали не в скудной диалектике понятий, а в грандиозных поэтических образах.

Священная книга древних иранцев Авеста, собрание молитв и гимнов, написана стихами, как и Библия.

Певучая мысль древней Эллады также предпочитала выражать себя в поэтической форме, вверяя свои прозрения магическим звукам легендарного Орфея. Учение орфиков пелось и передавалось в гимнах. Пифагор изложил принципы своего мировоззрения ритмически – знаменитые «Золотые стихи Пифагора». Первые философы Греции, Ксенофан, Парменид, Гераклит, Эмпедокл мыслили стихами, передавая из рук в руки одно и то же название «О природе». Римский поэт Тит Лукреций Кар, завершитель этой традиции, создал в стихах свою грандиозную поэму «О природе вещей» – целый космос античного умозрения. Отец греческой философии Фалес утверждал: «Всё есть вода». Так мог сказать только поэт. Это был золотой век Мысли.

Но уже Платон, сам один из избранных Аполлона и сын небес, изгнал поэтов из своего идеального государства. Эту толпу жалких подражателей божественных образцов. И тут произошел роковой раскол. Раздор двух родных сестер. Одна повернулась к знаку, другая – к музыке. И пошли они в разные стороны, каждая по своему тернистому пути, удаляясь друг от друга, дальше и дальше. Вот они уже потеряли одна другую из вида, уже не видят сестра сестру. И тут-то они опомнились. Оглянулись. И, как в поэтическом мифе того же Платона, затосковали разорванные половины, томятся они по утраченной цельности, жаждут опять быть вместе, воссоединиться. Только вот: «Хотел бы в рай да грехи не пускают» – гласит мудрость русской пословицы.

София, премудрость Божия покинула тайну мироздания, оставив ее изысканиям физики атомного ядра. И призрак философского камня уже не тревожит реторты и колбы.

Или не так все больно и трудно на этом кремнистом пути. Еще слышится в мировой поэзии тигриный рык поэта-мистика Вильяма Блейка. Строки Бёме, Новалиса, Гёльдерлина, Рильке помнят рокот первоначальной творящей мысли. И разве не Мартин Хайдеггер, философ нового зрения, тот, кто заглянул в первичный ум звука-знака, пытался спасти растерзанный дух поэзии Пауля Целана? Но река времен, поющая «Фугу смерти» у моста Мирабо, оказалась сильнее Времени и Бытия.

А наш Велемир Хлебников, великолепный Председатель земного шара разве не откликнулся из астраханской степи с призывом вернуться в золотой век древней мысли: «Ты же, чей разум стекал, как седой водопад...»

И Евгений Баратынский, строгий поэт-мыслитель, утверждая высокую моральность мышления, разве не брал в пример древних витийство.

Как же нам быть в наш век расколов и раздоров? Может, последовать примеру тютчевского безумца из известного стихотворения? Приникнуть ухом к земле-матери: слышится ли еще пульс ее вешего сердца – мерный бубен шаманской Сибири, призывающей заблудших овец вернуться в родной дом, к отчему очагу, где горит священный огонь и прародительница вода поет колыбельную песню.

25 ноября 18г. Людмила Сергеевна Шишкина-Ярмоленко

Дорогой Вячеслав Александрович! Не обессудьте за задержку. ПОВЕСТЬ Ваша стала для меня испытанием, к которому, наверно, я давно стремилась. И вот Господь послал. Получив от Вас письмо 10 ноября, я сразу же открыла "В тени Водолея" (Каюся. Трудная осень: врачи, капельницы, болезни внуков, конференции...). Прочитала три страницы и – до сих пор в странствии по Вашей Вести. Вы ведь знаете: читать написанное Вами можно лишь в минуты душевной тишины и свободы. В моей жизни это – редкое счастье, но впечатление от первых страниц было такой силы и необычности (ожидаемой?), что лакуны тишины проявлялись всякий раз, когда я была уже на пределе от невозможности продолжить чтение. После первых страниц я думала, как же печатать такое, как помочь духу читателя прозреть глубины Вашего Слова. Иллюстрировать нельзя, и невозможно: всё будет отвлекать. И вдруг поняла, что равноправен только Веберн. Второй раз я просматривала текст до конца, останавливаясь на абзацах по выбору глаз. Мне нужно было почувствовать целостность. И увидела Веберна... Таких совпадений много даже в пространстве: Вырица, Псковская область, проспект Стачек и – улица Лени Голикова, где я прожила четыре года. Но главное, конечно, композиция и стиль. Вместе они обеспечивают проникновение в смыслы на такую глубину, на которую способен читатель. Я, конечно, плохо знаю современную литературу, но такого, как у Вас, не встречала. Вроде бы ясно: дневник событий значимого для Вас периода. Но это лишь знаки структур повседневности, да ещё в разных масштабах, чем достигается полнота проекций (отдельный разговор – о сквозных линиях). Но эти скупые знаки не только отсылают к образу события, но и к знакам другого, более глубокого уровня, иногда просто указаниям-индексам, иногда – иконическим (к метафоре, например), и, наконец, к символу, расшифровка которого многослойна и обеспечивает восхождение от полноты к целостности. Вы великолепно оперируете этими двумя уровнями знаков и продуцируете возможность их осмысления. Вы инициируете мысль читателя до такой степени, что к каждому из "эпизодов" хочется возвращаться и возвращаться, чтобы осмыслить недоосмысленное и заново увидеть, глубже прочувствовать жизненный мир героя. Мне кажется, что эта сложнейшая знаковая конструкция – структура внутренней речи. Ведь именно в ней рождаются и осознаются думающим в этот момент человеком минимальные речевые единицы как доминанты уже сформированных на уровне языка смысловых тел. "Эврика!" уже произнесено. Кружево доминант проявилось во внутренней речи. Но вместо того, чтобы теперь ... [...] прописать текст как привычную, в меру полную, линейную и по правилам грамматики согласованную проекцию языкового образа, Вы [...] фиксируете на письме вот это самое кружево внутренней речи, сквозь которое открывается дорога смысла. О смыслах отдельный разговор. За многое и многое я Вам благодарна. Многого не знала. Богатый Вы человек! Надеюсь и некоторые вопросы мои прояснить при встрече.

И, конечно, низкий поклон за отзыв о книге. И десятка человек не наберётся за столько лет, которые её читали. А поняли – и того меньше. Разве что студентам каждый год читала кое-что в курсе лингвистической антропологии. Но они – социальные антропологи, их поле – человек в социуме. [...] Но всё не беда, что преодолимо. С Богом!

I I. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Евгений Попов
Мучители, жертвы, творцы
О прозе Владимира Меньшикова
и Вячеслава Овсянникова

Вячеслав Овсянников
Версия прочтения

Владимир Меньшиков

I. По книге Евгения Попова «Открытое дерево»

II. (Критические материалы о творчестве Е. Попова и Б. Краснова)

1. ДРУГ ТРАВЫ

(По поводу рецензии Л. Воробьевой
на книгу Евгения Попова «Открытое дерево»)

2. ЧТО НЕ КРАСИТ КРАСНОВА?

(из последних стихов)

Надежда Перова,
член союза писателей России

Женская тема в эссеистике Владимира Меньшикова

Геннадий Муриков
Петербургский взгляд

Евгений Попов

Мучители, жертвы, творцы

О прозе Владимира Меньшикова и Вячеслава Овсянникова

Два сводных брата. Литературные родственники. По существу – жертвы 90-х. Но не считают себя таковыми. Они сумели заново произрасти сквозь свои жертвенные тела, расцвести и даже произвести плоды. Плоды сочные, но с горьким привкусом и духом времени.

Итак, Владимир Меньшиков. Певец среднего класса. Пишет не средне, а своеобразно. Его голос звучит болезненной насмешкой над собой, временем, нами всеми. Маргинальность его героев не стоит приписывать автору, хотя присутствие одного в другом очевидно.

Меньшиков классический (!?) постмодернист, примазывающийся к советским реалиям, высмеивающий их, но и боготворящий. Получается эпос минорный. Складень с заложенной в него монтировкой.

Главный герой его прозы Владимир, он же медведь (белый), язычник, сатанист, звероисповедальщик, зверь-язычник, участник 5 колонны и т.д.

Сразу представляются красные пиджаки, сопровождаемые куражом. И непременно – язычество. Соответственно и антихристианство. Но антихристианство, притягивающее автора к Христу. Но и язычество, и антихристианство тоже как элемент постмодерна.

Меньшиков – не мастер композиции, но зато в любой момент легко умеет вскочить на подножку проходящего мимо грузового политрамвая. Проза его напоминает нанорезину. Вытягивается. На зависть Чубайсу её можно намотать на кулак, пропустить через игольное ушко, округить ближнее пространство. Её навязчивые повторения преследуют читателя, создавая атмосферу дискомфорта, он хочет бросить её, но она липнет к рукам, глазам. Издаётся без редактора.

Дикий и странный средний класс в повседневных проявлениях. Авантюризм, карнавал, непредсказуемость. Чего стоит, например, провозглашение Старой Ладогой столицей неоязыческой Руси...

На пути к Старой Ладоге поохотились с пистолетом на человека... Правда, по сюжету – насильника. А всё свелось к организации несанкционированного митинга перед местной церковью с вытканием флага Змеи в малюсенький округлый проём церкви. (При этом герой представляет, что поразил Георгия Победоносца...)

Для освещения же такого «знаменательного события» (объявления столицей Старой Ладогой) в СМИ подкупаются местные журналисты-алкаши. Сам же факт подкупа преподносится как обыденное событие. Да и подкуп ли выставление «лечебных» препаратов жажущим?

Впрочем, город Волхов – миниатюра российской фантазмагории.

Представим, что мы попали в музей. Это круговая миниатюра-панорама-летопись, внутри такого круга действуют почти античные персонажи местного калибра. И весь этот трагикомичный пафос очень развлекает автора и цепляет читателя, которого при этом и тошнит, и смешит. Я не знаю, кАрсис ли это или кАтарсис. Но очевидно, что автор ничего не выдумывает. Он следует за событиями, подробно описывает детали происходящего. Это скорее разновидность орнаментальной прозы.

Вот такой маргинальный рассвет в провинциальном Волхове, колыбели советской электроэнергетики, происходит на фоне геополитической перестройки и героев уже не сказочного «Изумрудного города»: здесь бегают Страшилы с примесью Великих и Ужасных Гудвинов наших времён (Джонстоно-Трампов).

Частная жизнь героя Меньшикова не менее гротескна. Там и жена, и любовницы, и другие персонажи вполне соответствуют современным гендерным пропорциям, а великолепные куски прозы чередуются с тусклыми, но подсвечивают их, доводя общее свечение до приемлемого, и раздражённый читатель с облегчением дочитывает книгу, с удивлением замечая, что всё-таки одолел этот труд, оснащённый крупным портретом автора на обложке. Автор как бы произносит глазами, почти всерьёз, название книги: «Жизнь моя печальная, шальная...» Но, тут же, как будто и добавляет: «А вам – фиг! Правда, с маслом!..» И, как он любит шутить в своих текстах, приговаривает: «А может с мослом (слом, колом)...»

Вячеслав Овсянников со своим «Человекопадом» – запечатленный ужас переломной эпохи. Его герои – крепкие ребята. Именно они проходят проверку на прочность. Это почти былинные герои. Время их долго перелаживает и ломает. Или просто уничтожает. Герои то маются, путешествуя, не находя себе места, то, погружаясь в криминальную действительность, сами становятся ходячим ужасом. Их борьба за справедливость соответствует среде, в которой они находятся, и часто выливается в дикие поступки. Эти персонажи могут плюнуть под ноги начальству, могут носить в кармане гранату, использовать её в подходящий момент как холодное оружие. А могут помешивать борщ пистолетом. И часто они уничтожают сами себя, сходя с ума, или ликвидируются посредством параллельной действительности.

Мощный Загинайло, выпивающий разом литр водки и стреляющий после этого из пистолета в мишень со стопроцентной точностью. Он борется с врагами, а враги оказываются рядом – в той же, что и он милицейской форме, в одном даже подразделении. И борется он не только с ними, убившими его брата, а и с самим собой. Идёт процесс самоуничтожения. Или опять происходит катарсис? От этих людей избавляется общество, природа?

Лирический герой Овсянникова тоже мучается. Он помещён в то же непроходимое время. Но для него это время вполне терпимо, а вот

женщины... Его женщины женственны и таинственны. Он их любит, но не вполне понимает. Он изучает их авторскими ухищрениями. Телеграфно-дневниковым стилем. Или это лабораторный журнал? Он наблюдает их как учёный? И они сменяются, как собаки Павлова?

Или это собаки изучают наблюдателя...

Мрачная музыка, угрюмые запахи «Человекопада» несколько оттеняются, высветляются автобиографической канвой, линией рода. Там – сильные и умелые деды. Там есть могучий, вечно под сильным градусом отец, орденосец, прошедший войну. Сильный большой добрый человек, хороший руководитель и неумелый семьянин. Потом – странный и хозяйственный отчим, долготерпеливая мать, сумасбродный дядя... Вокруг добрые люди, почти каждый со своим вывихом, вправить который, кажется, невозможно.

Проза Овсянникова трудная. Это испытание для читателя. Хотя бывает и не совсем понятно, кому она адресована: то ли интеллектуалам, то ли любителям чернухи. Так и хочется попросить Вячеслава Александровича: «Вы ведь талантливый. Выходите в осветлённое настоящее». Так он и вышел, создав гимн Виктору Сосноре – книгу «Прогулки с Соснорой». Иногда, правда, кажется, что с этих прогулок В. Овсянников ещё не вернулся.

Но что бы мы тут ни говорили, Овсянников пустяков не пишет, потому что умеет писать. А стихи его в этом томе как светлое окошко из потустороннего мира.

Значит, и там что-то есть...

Овсянников и Меньшиков – наши люди, с хорошим чувством слова. «Все они поэты...» Их одежды тёмные, но глаза сверкают азартно, того и гляди выхватят кого-то из окружения и увековечат. Так что берегитесь!

Вячеслав Овсянников

Версия прочтения

Книга стихов Бориса Краснова «Летоисчисление» состоит из стихов, написанных в разное время, за период более 20 лет. Стихи разделены на три цикла. Такое построение не случайно, оно имеет свой смысл. Получается триптих. Или трехчастная симфония. Недаром стихи Бориса Краснова отличается большая музыкальность. В целом колорит книги довольно-таки сумрачен, преобладает меланхолическое настроение. Возникает аналогия с книгой Баратынского «Сумерки». Подведение итогов своей жизни. У Баратынского: «...к мечтам, страстям, трудам мирским... скопленные презренья...». У Бориса Краснова свой, не менее горький опыт:

Пустота – это страшное слово.

Пустота – это то, что итожишь...

Это то, для чего ты не нужен.

Это то, что не нужно тебе.

Так и скомпонованы стихи в книге, чтобы наиболее отчетливо прозвучала эта тема жизненного итога. Первое стихотворение задает тональность всей книги. В нем символично сконцентрирован трагизм, который будет разворачиваться в последующих стихах. Не случайно в нем встречается тютчевская строка: «В небе тают облака». У Тютчева:

Чудный день! Пройдут века –

Так же будут, в вечном строе,

Течь и искриться река

И поля дышать на зное.

У Бориса Краснова:

Нет ни плуга, ни коня,

Нет ни Бога, ни меня.

Лишь паук висит на нитке

Среди тающего дня.

Удастся ли автору найти в таком пейзаже спасение от мучающих его ненужных, мертвых слов и разочарований? Для этого ему надо вернуться к земле, к природе, от которой он оторван.

Скорей, скорей на божий свет,

Что перемешан с божьей тьмою!

Там, в бухгалтерии примет

Найди письмо берестяное...

В лесу, где воздух тленья чист,
Где корень семени не помнит,
Тебя пронзит летящий лист
И словом грудь твою наполнит.

Мир людей слишком душен и тесен!
Если станет мне пусто и дико,
Я спиною в траву упаду...

Сомнительное спасение. Взор автора всматривается в микромир насекомых и видит там картину не более утешительную, чем в мире человеческом: все жрут друг друга. Паук муху, а паука грызет личинка другой мухи. Так что и тут все та же тоска и тщета существования.

Ну что ж – пора сливать чернила,
В ломбард сдавать карандаши...
На горизонте – ни души.

И ничего, кроме отчаянного одиночества не остается, ни в этой зиме, ни в другой. Зима кажется вечной.

И ты бредешь по белым плитам
И тянешь черные следы.

А идти и некуда. Край жизни. Последняя остановка. Дальше поезда не идут.

У жизни на краю
Стоишь, обезголосев,
А снег любовь твою
Заносит и заносит.

В этом стихотворении, написанном совсем недавно, в 2018 году, звучит какое-то запредельное отчаяние.

Ноты пессимизма и безнадежности достигают наивысшего накала в центральном цикле «Другая зима». Если даже покинуть этот, погрязший во зле и лжи, мир, картина для воспарившей души останется безотрадной.

И глядя вниз из горней точки,
Ты ужаснешься и поймешь –
Как страшно жить без оболочки,
Без слов, что прикрывали ложь.

Автор видит и себя и мир без прикрас, и в этом прямом, честном взгляде беспощаден и к себе, и к миру. Голый человек на голой земле. Все мы странники в этом мире. Так где же твой дом, путник и странник? В каких временах, в каких племенах? Если здесь правда с ложью и добро со злом так перепутаны, что их уже перестали различать. Тупики, тупики. «Правды праведный тупик» – с горьким сарказмом замечает автор. Вернулся он в родной дом, и кто ж его там встретил?

Ну, вот я и дома.
 Я – дома!
 Сомкнулась времен полынья.
 И смерть из дверного проема
 Печально глядит на меня.

Итог исторической жизни человечества, да и всей жизни на Земле ничуть не оградней, чем итог своей личной, глубоко сокрушенной жизни. В последнем цикле этой книги Бориса Краснова предлагается «альтернативная история» мира, вечные обманы бытия. История переписывается и переписывается по-своему каждым новым поколением. История – палимпсест. Стираем старый текст начисто, на его месте пишем новый. По Джорджу Оруэллу.

И пусть твердят зубрили дошлые
 Про Разум, про Авторитет –
 Лишь потому, что лживо Прошлое,
 И в Настоящем – правды нет.

В каждой формуле спит красота, обгаренная ложью.
 Вот, оказывается, в каком чудесном мире нам предложено жить-быть.
 Уже не смешно. Здесь даже черная кошка, перебежавшая нам дорогу, тут же издыхает.

И какой же у нас итог, дотошный палеонтолог?
 Что ты хочешь прочесть на рифленной кости,
 На узорчатой створке морской?..
 Ни концов, ни начал в этой мгле не найти –
 Бог не хочет делиться с тобой...

Итог горький. Тщета любви, тщета добра и труда. Тщета познания.
 Мрачнейший пессимизм и агностицизм.

Но прочитаем внимательно последнее стихотворение. Оно, как мы надеемся, скажет нам о подлинном смысле всей книги.

Внутри отдельно взятой немоты,
 Лишенной избирательного права,
 Слова роились жуткой густоты
 И неопределимого состава.

Они вспухали, словно желваки,
 Выпячивая звуки ударений,
 Желая стать энергией строки,
 Чтоб побежать по руслам повторений.

Они сплетались в схватке корневой,
 Безжалостно друг друга убивая,
 И человек метался, как больной,
 Ни мира, ни себя не понимая.

В нем напрягались мышцы и хрящи,
И ужас тек в распахнутые веки.
И древние гигантские хвощи
Уже свои к нему тянули ветки.

Так вот к какому всеобщему смыслу привело подведение итогов своей личной, отдельной жизни. Как бы ни был ужасен и чудовищен мир, и как бы ни было мучительно и страшно слову рождаться в таком мире, и жить в нем, – ему предназначено в нем родиться и стать в нем энергией строки, энергией стиха. И ветка древнего хвоща тянется к слову человеческому, желая быть названной.

И это уже не пессимизм. Это катарсис, разрешение скорбей, которое дарует болящему духу поэзия. Это поэтические образы, явленные в лучших стихах Бориса Краснова:

Свет стоит за высокими шторами,
Словно в длинном стакане – вода.

Владимир Меньшиков

по книге Евгения Попова «Открытое дерево»)

Как и обещал, в этот раз пишу статью-эссе непосредственно по рецензируемой книге, по всему ее объему. Книга небольшая, гибкая, в полете крылато – или пропеллерообразная. Впрочем, я никуда не собираюсь закидывать ее даже после того, как прочитаю. Но знакомиться, перелистывать не спешил, – еще и потому, что давно ничего не читал поповского (в том числе церковно-библейского). Дополнительное недоверие вызвало название книжки – «Открытое дерево». Подумал, что автор имел в виду открытую Книгу, но ведь перед тем как большому дереву переформатироваться в маленькую книгу, ему надо пройти стадии колоды, чурки, измельчиться в тупые поленья, щепки-ущербки. Во-вторых, открытое одинокое дерево – это скорее всего дуб. В третьих, открытое дерево можно метафорически представить в виде округлого гигантского микрофона, в который со всех сторон с пеной на губах могут спешно высказываться одновременно сотни страждущих и жаждущих излить души. Но в первую очередь надо дать слово самому автору. Что он выскрипит, каковы его исповедальные спичи, монологи?

Чукча поет. Слышите, господа,

Ведь главное, чтобы по бездорожью вела тема...

Или:

Гексогенетика срабатывает часто...

А вот уже парочка подарочных строф из стихотворения Евгения Попова, забравшегося ночью на выпуклую маку-ку-ку-шку дерева и создающего заумное околосозвездное поэтическое пространство:

Мужчине и женщине звездочка эта грозит,
 Над их пикником висит космический лед.
 Но плавится лед и тоскует в дождях не Париж,
 В Париже на евры свои эта парочка не проживет.
 Он хоть и подавлен – как будто бы с полки упал –
 Мужчина – но в данном контексте скажу человек –
 Ей, глядя в глаза, над космическим веком привстал,
 Слова произносит свои, не из избранных библиотек.

Нет, я думаю, что мужчине и женщине небо ничем особенно не грозит, а вот автору книги, явно «словившему звездочку» или «звездняк», рекомендую очень и очень опасаться от читателей резкой критики на изысканную, как Франция, рифму «грозит – Париж», которой он беспечно воспользовался, насмешливо полагая, что если спросят, то как-нибудь отобьется, отговорится. Но как, вот так лихо рифмуя, с важным видом потом идти учить стихосложению литературный молодец? Легко заявить, что в данном четверостишии можно обойтись без рифмовки, но ведь в следующей строфе

все строки зарифмованы, хотя уж совсем анекдотично: «упал – привстал», попутно, видимо, отжался? Да за такой глагол «привстал» должен вызываться литературный пристав, который, вводя санкции, еще бы публично объявил, что если автор так безответственно карябает, то не требуется никакой доказательной базы для его справедливой критики.

При первом да и при последующем чтении этот стих показался полуночным бредом. Подтверждений сему выявилось несколько и все они убеждали в том, что я прав. Да и взятые из контекста слова «как будто с полки упал» говорят в мою пользу. Ну да, упал с дерева-микрофона, с дуба рухнул. И какая тут лунная трапедия, если надо вести разговор о трепанации черепа с изменением названия «Открытое дерево» на «Открытый кровотокающий мозг».

«Открытое дерево» отодвинулось в сторону, и замаячила закрытая элитарная больничка «Только для гениев Евгениев», – самозабвенно и масштабно думающие обитатели которой за общим обеденным столом начинали на полном серьезе считать свои кулаки яблоками и хрустяще откусывать от них. Правда, автор описывает этот процесс поглощения в более мягкой, но не в менее жуткой трактовке:

То ли яблока два лежат,
То ли два кулака.
Небосвод задумчиво дымами зажат.
Это тоска.

В книге чересчур много жути, но для автора жуть и мусть – это путь. И поэт, как ему кажется, довольно умело ведет нас по этому хоженому-перехоженному тракту ужасных вторичных или даже третичных открытий:

То ль трава шуршит, то ль журчит ручей,
То ли люди шагают туда-сюда.
Но хрустит песок и гранит границ
Переходит опять тихих звезд орда.
Не ходи, Шекспир, в этот мир иной,
Здесь в дубовой мгле водород иуд...

Нет, обращение к Шекспиру в русской сказочно-лубковой манере – это опять изошренно, как сама Англия, а водород да еще «иуд» – это вода или разлитая жидкость литературного рода.

Да, широко берет Евгений, глубоко черпает и даже не воду, а песок из иудейской пустыни. Какой диапазон широт и высот, их перепад. Давление на мозг автора и читателя запредельное, «хоть чело отбей». Наверное, для того, чтобы лоб молящегося (на всё подряд) остался цел, и чтобы сбить накал и напряжение предложенного к чтению материала, автор начинает иронизировать и не очень ловко и не вполне корректно шутить:

Драма спешащих горизонтально. Эссе
Вертикального крана,
цепляющего панели и души за ноги.

Иногда поэт Попов, чтобы встряхнуть читателя или только его голову, как лампочку или пузырек с успокоительным лекарством, начинает играть с ним в поддавки, уходя от вечных неразрешаемых тем в злободневное, острое, тугомотно-банальное:

Тропа. Трава. Растяжка Украины.
 Весь мир – Донбасс. А может быть, – Каньон.
 Кора шевелится, когда стреляют в спины,
 И в космосе клюет, и пухнет небосклон.
 Разбег. Прыжок. Кусочек отвалился.
 Там антрацит. Здесь антивещество.
 Там поднялся мертвец. А тут мудрец свалился.
 И пламя факелов свершает колдовство.
 Гуляет золото и оседает тихо.
 Засадный полк в березняке стоит.
 Бумага шелестит. Валютная гречиха.
 Корабль качается, и серый волк ворчит.

Опять суперрифма во второй строфе «отвалился-свалился». Вновь эти пьяные падения, – просто надо пить реже и не опохмеляться, а трезвыми глазами смотреть на свои незавершенные вирши. Кстати, после прочтения данного стиха у меня возник вопрос, на который так запросто, навскидку и не ответишь: а имеются ли в степном Донбассе водные пространства, где бы мог качаться корабль? Вскоре вспомнилось, что Донбасс – бассейн (угольный), там протекает река Донец, недалеко находится Мариуполь-Жданов с крупным кораблестроительным производством. И все равно с очевидным недоумением читаем спустя некоторое время такое четверостишие:

Выйдешь, послушаешь полночь,
 Ветер вздымает корму.
 Что-то родное припомнишь,
 Глядя в могучую тьму.

Опять невесть откуда взявшаяся корма. И что это за легковесный задок (от чего? чей?), если его запросто вздымает ветер? Что все же это за корма, за корм, которым нас потчует Попов Евгений? В коня ли, в нас ли такие щедрые угощения?

Но встречаются в этой книге и довольно «вкусные» и по-настоящему талантливо-аппетитные произведения:

Если темен лес, если брод глубокий,
 Если дети молчат и молчат отцы,
 Если друг затих и подставил бок,
 Когда враг люгует, я слышу Рцы,
 Кто ворочается, кто зело скрипит?
 Кто в глубоком сне прорывает лед?
 Из-под спуда материковых плит
 Бас гремит, вырываясь к нам в огород.

Эту силу хочется взять под уздцы,
Ухватить за жабры Млечный Гольфстрим.
Ощущая гнет, мы знаем: под ним –
Крепкие, хрустящие огурцы.

Обалдеть, куда приводит фантастика. К тому же под гнетом могут находиться вовсе и не огурцы, а предметы, подобные им по форме. Тем не менее, читая книгу, отмечаешь, что вкусовая гамма разнообразна, а выбор продуктов широк. Автор не ограничивается чем-то одним, а, например, после тех же огурцов может попросить сладенького:

Но вслед за этим жизнь войдет
В свет молодых мелодий звездных.
Опять захочется пирожных...
И лес, и поле – все поет...

И вот, если не отведаешь пирожных или ими не напичкаешь природу, то ее птички не запоют? Горько осознавать, что автор не может обойтись без сладостей...

Я вот что предвижу: когда Попов и его друзья будут читать эту статью, то опять заголятся, что ее автор непрофессиональный критик, что его доводы неубедительны. Да профессиональный критик, если по чесноку, в шепки разобьет или разнесет это «Дерево». И тогда понятно, что захочется не чесноку, а эклеров, чтобы засластиться и как-то на самоиронии перебиться...

Поэт Попов, впрочем, Любит пошутить, и над собой тоже. Вспомните, как я в статье «Друг травы» писал о том, что Евгений как постмодернист выбрал для себя новую реальность, новую среду обитания – полевою растительность, в которой якобы пребывает лежа и чуть ли не связанным по рукам и ногам длинными стеблями травы. Он там как новомученик, по которому скачут кузнечики, ползают муравьи.

А по ладони кусачий ползет муравей.
Я говорю ему: время кусачее, брат,
Но от укусов становимся мы здоровей.

Да, это здоровая ирония и над силой муравьиного укуса и над своим якобы необходимым еще кому-то кроме себя поэтическому новомученичеству. Ничего не поделаешь, постмодернизм как направление, обезличивающее человека, традиции и даже Бога, как никто, требует самолишений, жертв.

Нет, все же это неблагоприятное поэтическое направление. В нем на одной харизме или чисто на честолюбии не выедешь. В нем надо быть сумасшедшим, но в меру, многословным, но не болтливым до бульканья, иначе это будет пост-водернизм. Хотя водичку самокритики требуется всегда под рукой держать, иначе может вонюче запылять на страницах, оставленных без присмотра. Евгений Попов как бы и не боится пожара. Пожар ему не помешает для пиара, как некогда А. Блок, отбиваясь от нападений эстетов, резко полыхнул в их сторону вроде бы чужеродной для

него строкой: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!». Кстати, здесь по совокупности признаков и предположений возникает новая расшифровка названия рецензируемой книги. «Открытое дерево» – это дерево, открытое для всех молний во время идеологических гроз, это смелый вызов литературно-критического огня на себя. Мол, назвался модернистом, полезай в огонь...

Но не много ли, не излишек ли критики прозвучало и в этой статье в адрес поэта Попова? Поэт-то он многоопытный, не какой либо начинающий «моден-ист». Поэтому в завершение эссе хотелось бы прямо на ствол Открытого дерева или на один из сучков закрепить лист с отрывком из очередного стихотворения Евгения:

Отчаянье приходит как спасение
В дрожании июльского дыхания,
И облаков застывшее борение –
Итог происходящего братания.
В замедленном движении над птицами,
Над городом, раскрывшимся трапедией,
Над бледно-сумасшедшими арийцами
Мы проплываем файлом Древней Греции.

Но душевно рекомендую равняться не на трапедии и не на файлы Древней Греции, а вот на что (из продолжения):

И, уходя, как в космос, в расширение,
Распахиваем руки картой Родины,
Легко объединяя поколения
Указкой солнца, запахом смородины...
И в этом произволе жизни ветреной,
В смешенье света, лета и усталости
Нам слышен вздох глубокий и приветливый,
Наполненный любовью, грустью, жалостью.

По-моему концовка стихотворения, в которой говорится о Родине, получилась лиричной, сердечной, «нашенской» и за исключением одного-двух случайных слов просто восхитительной! Так и держать в будущем!..

Наконец, о главном. Думаю, мне удалось по-своему расшифровать смысл названия книги Евгения Попова. «Открытое дерево» – это такой гигантский шарообразный Открытый микрофон, к которому дозволено подойти каждому (а так же облепить его со всех сторон), чтобы высказать свое мнение о представленной книге и вообще современной литературе, что автор книги всемерно одобряет.

Вот я и высказался, воспользовавшись вполне услугами и возможностями предложенного мне мегафона...

ВЛАДИМИР МЕНЬШИКОВ

(Критические материалы о творчестве Е. Попова и Б. Краснова)

1. ДРУГ ТРАВЫ

(По поводу рецензии Л. Воробьевой
на книгу Евгения Попова «Открытое дерево»)

*«Я – истребитель супа и друг травы...
Это не бред, ведь я, кажется, кошельком
И резцом Космоса владею».*
Е. Попов

*Ботаники – товарищи травы,
Вы – новые крестьянские поэты?*
В. Меньшиков

Не думаю, что строки эпиграфа являются сложными для восприятия. Не считаю, что камнями преткновения для читателя оказались и сама книга Е. Попова, и сопровождающая ее статья «Играя на струнах Вселенной». Время теперь убирает запросто любые преграды, в том числе межгосударственные, и в середине января 2019 гола по интернету или просто по воздушному пространству, пока не простреливаемому, зимняя птичка принесла в клювике в Петербург конверт со статьей белорусского критика Людмилы Воробьевой, в которой, в частности, утверждается, что на передовые позиции в нашем отделении СП России выходит поэт Евгений Попов, и что это не обсуждается. Автор попробовала в своей пространной работе проаргументировать заявленное, но все доводы свелись к тому, что обретению своего нового, более высокого статуса Евгений Попов обязан усердной и многолетней работе в рамках все того же битого-перебитого, но всепобеждающего постмодернизма. Однако лично мне позиция критика не показалась убедительной и я решил поспорить насчет объективности и достоверности «поповского взлета» в поэтической табели о рангах (ведь если Евгений и его друг Борис Краснов среди первых, то на сколько мест подвинулись вниз другие видные поэты организации, например, та же Ирина Моисеева, Алексей Ахматов?). Итак, к статье. Но в начале для затравки нечто душевное, лирическое и даже песенное:

На дальней станции сойду,
Трава – по пояс!

И хорошо с бывлым наедине
Бродить в полях,
Ничем, ничем не беспокоясь,
По васильковой синей тишине.

Постовых постмодернизма такой традиционный стих и такая милая сельская мелодика не устроит. Следуя принципам этого буржуазного течения (в том числе литературного), поэт, конфликтующий с традициями (песенно-танцевальными тоже) и с реальностью, должен незамедлительно придумать другую действительность и уйти в нее полностью. То есть если ты уехал из большого города к маленькой-маленькой станции, то скрыться там в траве, которая по пояс, совершенно не достаточно. Тебе предстоит в этой траве (забвения) пропасть, стать невидимым. И не должно быть никаких слюнявых ложноромантических мечтаний о том, что ты однажды по-великански вымахашь, возвысишься над этим «народным полем», и тебя приметят, признают, прославят.

Нет, ты станешь крупной величиной, поэтом-Гулливером, только после длительного пребывания, сокрытия среди стеблей в виде провинциального лилипутика или гномика из шестого тома. И находиться в такой гнетущей новой реальности, может быть, придется всегда. Тебе надлежит припасть к земле, впасть (не исключено, что в маразм), три раза отжаться и чем-то заняться. А чем? Наверное, сначала пообщаться с жучками, с паучками...

Хочу сказать, что я ничего о местонахождении и о способах существования постмодерниста в таких условиях не придумываю. Евгений сам написал, что он – друг травы, что общается со всякими наземными козявками, что его литдолг и обязательство теперь:

Надо только ждать и расти.
Это уже потом приблизится небо.
Это уже потом станет ясно,
Что надо было ждать.

К слову «ждать» понятно, что лепятся слова «слава, признание». Но почему бы не скрасить хотя бы на чуть-чуть ожидание, не занять себя в траве чем-либо увлекательным? Например, поползть лилипутиком в травушке-муравушке, поискать в ней те же «кошелек и резец Космоса», возможно, упавшие с небес и затерявшиеся в густой полевой растительности? Насчет кошелька и заглядывания в него не знаю, но верю, что диалог с кузнечиком у него состоялся, о чем поэт доверительно отчитался в стихах:

Царствует в поле кузнечик, кузен мой по скрипке.
Рост его мал, но не знает он долгого горя.
Пилит свое, рукопашной ногой помогая,
В жарком пространстве царит,
Саркастически уши врачаю.

Кстати, откуда Евгению знать, долгое или короткое у кузнечика горе (или счастье), которое тот кует сам? И откуда такая пикантная семейная осведомленность, что он является кузеном по скрипке? И рекомендую в следующей редакции стихотворения в сочетании «рукопашной ногой» на замену ввести эпитет «наукопашной».

И наконец, – «уши врача». Скорее всего здесь подразумевается не стрекот, а звуки, которые образуются, когда кузнецик лупит своими ножками по ушам и по щекам поэта Попова за то, что Евгений увел этого кузничика от его законного хозяина, стихотворца Романа Круглова. Да, не так давно Евгению потребовалась иная действительность и он, а, может быть, с кем-то из поэтических друзей вторгся в зеленую реальность, созданную в «Молодом Петербурге», стал не по годам «зеленым», но по праву старшинства забрал в свою поповско-монастырскую собственность зеленую кобылку – кузничика и стал его, – надо же в траве чем-то заниматься – если не объезжать, то повсюду эксплуатировать. Помните талантливый стих у Романа: «Молчи, кузничик!.. Нет, милый, пой!»? А помните произведение молодой Екатерины Дедух о том, что за ней ходит бармен осени? Так вот с подноса этого тормозного бармена Попов и его ребята увели несколько стаканчиков с увеселительным напитком, чтобы было не так скучно куковать на сырой земельке

Еще раз напоминаю, что такой ход событий с тугомотным пребыванием Евгения в травах перед статусным возвышением и прославлением инспирировал сам поэт, выставив в самое начало книги стихи о пребывании в полевой растительности («И любуюсь золотым полднем», «Царствует в поле кузничик», «Я – истребитель супа и друг травы», «Червячок»). Да и критик Воробьева почему-то сразу клонула именно на эти стихи и на «Червячка», начав с их разбора критическое повествование в духе модернизма, которым она то ли на самом деле одержима, то ли просто прикидывается.

И знаете, такой заход (с начала книги), был бы намного продуктивнее, глубокомысленнее, если бы критик резво не скаканула к дальнейшим стихам автора. Ведь сколько в этом подтравье не духоты, не маяты, не аромата для самого настоящего плагиата, а свободного пространства, в котором легко дышится и в котором прямо-таки роятся новые образы, «не заезженные на кузнечиках мысли»! Как весело мог бы рассказывать Евгений о времяпровождении там: мол, он и его друзья-лилипутики, спев песенку «Там лилии растут», далее верхом на зеленых кобылках подъезжали к крохотным травяным мельницам, лопастями которых являлись лепестки цветов или крылья пестрых бабочек и начинали с ними сражаться.

Попов, попав в сельские травы, мог бы саркастическим величать себя «новым крестьянским поэтом», «новым почвенником», даже неоязычником, но не православным христианином (постмодернизм не признает религии). А если с оглядкой на Запад, почему не назваться бы «зеленым Гринписом»:

Море и небо конечно, это гортань.
Мы ищем песни сначала на дне реки.
Потом начинается пастораль,
И можно всем подыхать с тоски.

Каково! А я тем временем продолжу свое обращение к Евгению: «Смотри, не подохни там с горя-тоски. Топи ее. Гони в травах зеленую волну. Питайся и отстреливайся зеленым горошком. Орите на всю страну, что вы настоящие юные натуралисты, и не один Круглов ботаник, и пусть запустит кто-нибудь

из Петербурга в вас бот анин. Возглавь муравьиное грунтовое движение с лозунгом «Верните Круглову кузнечика!» И прекращай пинать со злости стебли и корни трав. Не смей пенять на новые условия обитания. Ведь модернизм и предлагает создание некой иллюзорной, может быть, даже сорной реальности. Чаще используй свой интеллектуальный ресурс-запас. Сам знаешь, что в потере смыслов обнаруживаются другие смыслы, смелые и интересные продолжении. Если постмодернизм конфликтует с Богом, здесь в новой реальности можешь создать свою новую религию – травную! Оставаясь другом травы, не стань зависимым дружкой и заложником нарко-травки. Только не кури ее. Не улетай преждевременно. Небо еще не готово тебя предъявить.

Не исполняй так часто песенку: «В траве сидел кузнечик совсем, как огурчик!». Вообще-то пой, но когда пьешь, то закусывай хоть огурчиком, хоть любимыми козявами-кузявами. Да загребай саранчу сразу ладонью в рот. Ведь если в схватке реалисты – модернисты победишь ты, то модернисты в СП станут размножаться, словно саранча. Зеленая овечка Долли расстарается, клонов будет словно клоунов или как зеленых вежливых человечков в Крыму.

Спутник бога живет в густой траве.

Он проснется, забегает, закричит.

И зазвучит опять в моей голове

Музыка, которая огорчит.

Что же за музыка может огорчить нашего постмодерниста Е. Попова? Не русская ли, деревенская, балалаечно-традиционная? Но кривиться, капризничать при узнаваемом и общепризнанном звучании в русском поле и на русской литературной ниве – это выставляет скуксившегося либерального эстета в неубедительном, а чаще всего в карикатурном виде. Вот и автор статьи о поповских литературных «сверхуспехах» Л. Воробьева, увлекшись пространном расписыванием достоинств постмодернизма во всех его проявлениях, словно это чудодейственный американский сетевой продукт гербалайф, не заметила, как написала довольно-таки смешную, если не издевательскую картинку: «Пространство постмодернизма – это пространство... с произвольными связями, срезающими до корневища ценностно-смысловые иерархии, о чем говорит критикесса Ягодинцева в предисловии к своей книге.» Не знаю, как другие, а я сразу представил выползшую на четвереньках на нашу равнину некую литературную диверсантку с серпом или секатором в руке, срезающую корневые «ценности» так усердно, что у самой только ягодицы сверкают на все стороны общественно-полезного пространства.

Много чего иронического можно написать по поводу пребывания писателя Попова в травах, которые то ли по поясу, то ли по колену. Забавно было вместе с ним понаблюдать и определить, имеется ли душа у червячка. А как же, конечно имеется, даже у опарышей и червей-навозников, Ведь модернист на то и модернист, чтобы нивелировать и принизить человека, но возвысить нечто ползучее:

Завернувшись в кокон липкий,
Лапками зажавши уши,
Червячок уже не слышит,
Но и он имеет душу.

Так почему бы не устроить Евгению массовый полет червиных душ в небо по примеру улета «воздушных змей»? Или подарил бы этот образ смекалистому И. Лазунину, он бы точно реализовал проект. Но я так и не дождался точного ответа от Евгения, имеет ли конкретно красный, то есть коммунистический червяк душу, чтобы посчитать, что КПСС не настолько ужасна, а довольно-таки привлекательна для рядового россиянина. Но разве дожدهших таких гуманистических утверждений от петербургских высоколобых либеральных писателей.

И вот еще – по поводу червя. Модернизм, обезличивая человека, тем не менее, проводя свои ролевые игры, рядит человека в самые пестрые одежды, примеривает ему самые разные маски. Вот и модернист Попов, общаясь приватно в междутравье с червяком, перевоплощается в некоего знакомого типа, и вскоре догадываешься – в Гамлета. И происходит вопреки модернистским ограничениям выход на традицию, на классику, на Шекспира, только герой стихотворения держит в руке не череп Йорика, не метровую датскую змею, а всего лишь червячка. Несет при этом что-то невнятное, а лучше бы для усиления драматизма или даже трагизма повторил слова Гамлета о том, что мы себя откармливаем для червей. Ведь лучше не скажет ни один литературный экспериментатор.

Модернизм с его нарочитой жанровой анархией, со сбоями размеров и ритмов, безалаберной рифмовкой, а так же с неумением выписывать «второй этаж» четверостишия, что часто встречается у Попова – это от лукавого, это для удобства неубедительных литераторов. Но при помощи всяких уловок и существенной теоретической поддержки либеральных критиков и литературных имиджмейкеров из «Открытого общества» они поднимаются вверх по парадным лестницам популярности и успеха (даже с червями в руках)...

И все же, не до конца решив глобальный вопрос, имеется или нет душа у червя, спешу доложить читателю, что у самого Евгения Попова душа безусловно наличествует, поэтому многие его стихотворения в противовес тому модернизму, о котором я тут долго и, наверное, безуспешно распространялся, человечны и по настоящему гуманны. Он модернист с сердцем, и как многопоживший литератор знает, что отличными могут быть только те стихи, которые проходят не левее сердца. Евгений, имея богатый писательский и редакторский опыт, хорошо разбирается в психологии людей и лучше многих понимает на каких струнах души можно и нужно сыграть. Он во всех тонкостях изучил вопрос, что, в какой обертке и когда надо «подсунуть» читателю (за предыдущие книги не ручаюсь, но в «Дереве» очень заметна его «работа» для читателя и на читателя).

Я полагаю, что Евгений по жизни чисто реалист, поэтому, творя в некоей модернистской изоляции, постоянно переключается с живыми людьми,

переживает, а эхо от действительных событий громко отзывается в его якобы иллюзорных произведениях. Поэт Попов в своей поэтической деятельности постоянно держится ближе к условной границе между реальным и ирреальным. И надо сказать, что все его сильные строки и сильные поэтические места, а их в книге немалое количество, обнаруживаются как раз на участках, на дежурных пропускных пунктах выхода из модерна в реальность. Повторяю, он просто хорошо знает, что и где может резонансно сработать на успех одного стихотворения или на общий успех книги:

Вдруг затихнешь заснеженным полем,
Заколдованной Русской равниной...

Вот написал «Русской равниной» – и русский деревенский поэт Владимир Меньшиков замлел. Да что говорить, такой высокий лирический образ срабатывает «на ура» в любой поэтической направленности и конструкции, хотя стопроцентно взят из реализма. Евгений понимает, что в СП все же собраны не «пещерные люди» и старается не вбрасывать в тексты что попало, что вызовет сразу же отторжение. Он явно дружит с действительностью и держится постоянно за нее, как малыш за юбку матери, что означает – ни шага без мамы, иначе грохнешься, расквасишь нос. Не далеко на самом деле он ушел от народа, от народной литературы да и от пресловутой масскультуры. Никуда не убрел и от Бога. Он же Попов.

2. ЧТО НЕ КРАСИТ КРАСНОВА?

(из последних стихов)

Одно из своих стихотворений Борис Краснов начинает – да, начинает, а не заканчивает – так: «Ну что ж, пора сливать чернила!». Попробуем определить, что за смысл таится в этой строке? Но скоро выяснится, что ларчик открывается так же просто, как поэтическая книга Б. Пастернака, в которой быстро обнаруживается выдающееся стихотворение «Февраль. Достать чернил и плакать!». Сопоставив глаголы «слить» и «достать», взятые из этих двух строк, понимаешь, что «слегка небрежный» Краснов просто-напросто достал и слил нам правдивую информацию о себе, невозмутимо и недальновидно допустил «утечку» пастернаковских образов в резервуар своей водянистой стихотворной тетради, а потом и в собственную книгу. Ларчик или чернильница открываются или разбиваются на раз: автор вляпывается в чернила. И это уже не фиолетово... Теперь сливать уже поздно, так же ушло время «сдавать в ломбард карандаши». Сам признался, что использовал не только канцелярские принадлежности, но и образы Бориса Пастернака.

Подобных заимствований, откровенных или заву-вау-вау-лированных у Краснова предостаточно. Познакомимся с такой красновова строфой:

И в оголенных проводах тоска такая,
Что невозможно жить, слова
перебирая

Опытный читатель понимает правильно, в данном случае автор если не слил, то увел, содрал один в один интонацию у знаменитого Бориса Леонидовича. Лучше бы нашел поточнее рифму, чем «такая – перебирая», а то привыкли на халявных подрифмовках подтанцовывать да «перебирать» чужие образы и определения не из своего словаря.

На коллективных секционных разборах единомышленниками Краснова отмечается его якобы тщательная работа со Словом, но им особо верить не стоит, к их суждениям надо относиться с большой долей неприязни, поскольку такие критики берут свои доводы даже не с заполненных книжных полок, а с голых потолков. О достоинстве и ответственности подобных хвалителей тоже говорить не рекомендуется, как бы потом не пришлось разочаровываться и извиняться за слепое следование их якобы авторитетным трактовкам. Некоторые борины адвокаты да и он сам берут на себя чрезмерно, картинно появляясь перед читателями или в кругу поэтов, как в песенке «Ты вышла вдруг из-за угла, ты много на себя взяла». Ведь на самом деле Борис портачит в стихах не меньше, чем осмеянный им же советский партработник...

Кажется, только ленивый не сравнивал окно с гигантским стаканом, а вот какая зашторенная, якобы собственная метафора вырисовалась у Краснова вроде бы отточенным, а на самом деле тупым пером стихотворца-художника:

Свет стоит за высокими шторами,
Словно в длинном стакане – вода.

Конечно, когда с утра мучит сушняк, то что угодно можно принять за сосуд с живительной жидкостью, но стакан «длинным» можно назвать только от большой головной боли. Пример очевидной безграмотности, тьма-тьмущая и «никакой свет не стоит в окошке»... А между тем, называя стихотворение с таким замусоленным, как стекло, образом талантливым, Краснов пытается водить читателей и почитателей за носы, и такое занятие довольно успешно и массово практикуется в наше время, когда легко выдать средненькое серенькое стихотворение за шедевр при определенной степени влиятельности. Да, теперь такой стиль жизни: посчитать слабенькое за сильное, чужое за свое, а себя представить более значимым поэтом, чем имеется на самом деле. Кстати, я до недавнего времени считал Краснова человеком довольно замкнутым, зашторенным, не занимающимся публичным самовыпячиванием, но когда увидел, что частые отчеты о работе мастерской под его руководством и его фотографии публикуются параллельно на двух сайтах Дома писателя, то изменил мнение.

Повторюсь, что своих поэтических находок у Бориса мало. Зато какое завышенное самомнение! Послушайте, что заявляет «...нет ни бога, ни меня». С богом на одной ступеньке, на одном подиуме, по крайней мере – второй после бога! Ему возглавить бы курсы вождения за нос по трем категориям, хотя он и так является руководителем среднего звена в нашей организации и часто вводит в заблуждение даже председателя Бориса Орлова. Скромненько прикидываясь членом патриотического СП, тем не менее держит свой нос по ветру, который дует из Европы. Ориентация на Запад у Краснова (берем во

внимание и белогвардейскую эмиграцию) очевидная. Лично мне сразу стало понятно, что название его предыдущей книги «Легкий бред существования» стоит в одном ряду с такими претендующими на популистский аристократизм словосочетаниями европейского образца «Маразм или минор мироощущения», «Пятьдесят оттенков серого» или «Скромное обаяние буржуазии».

Тут надо согласиться с тем, что Борис Краснов все же обладает неким неведомым и невидимым для меня – пролетария – обаянием и привлекательностью, поэтому и возникают вполне резонные предположения, что он у нас под прикрытием (за шторой, за ширмой) является прозападным проповедником, пастором, пиар-менеджером, к которому прислушивается некоторое число членов СП. И правда, Борис и на людях, и в аудиториях, но большей частью, конечно же, в своих стихах пропагандирует интернационализм, «всеобщую любовь», но вот в чью пользу? Прочитаем строфу из вrede бы безобидного и даже во многом традиционного стихотворения «Псковская деревня»:

В деревне не осталось ни души,
В глухом бурьяне избы утонули.
Зимой здесь лишь снег сухой шуршит,
Да бродят лесом волки и косули.

Надо же, косуль на Псковщине нашел. Ну бродят там, как написано в Википедии, несколько сотен экземпляров. Это как проверочная комиссия миллионы «сосулей» после заявления губернатора Матвиенко в Питере обнаружила... Ага, побродят глазастые косули еще немного на равных вместе с хищниками по деревням и сожрут всех дохлых псковских волков. Короче, Боря явно накосычил с косулями, которые относятся к семейству оленьих. Наверное, захотел получить почетное звание заслуженный оленевод Псковщины?

Надо же – на косуль выбрел. Да у него в поэзии всегда так: вроде неплохо расписывает стих, но в концовке обнаруживаются если не косули, так обнявшиеся реки, земная и небесная. Что попадает под определение лесбиянство. И это не случайность, не оговорка по Фрейду, поскольку залетная критик Веснина с высоты птичьего полета услышала и узрела на странице книги такие красновские строки: «Люби меня, Лесбия! Пока я живу на свете!».

Как сами видите, в наших северо-западных краях, благодаря исследовательским стараниям Краснова, обнаружили лесбиянки, косули и... мasons. Всякой прозападной твари по паре... Прочитав одно из программных стихотворений Бориса, я понял, что его фамилия Краснов работает не на образ красного всадника революции (скачущего на косуле или на огромной сосуле?), а на имидж классического мasons:

Жизнь давно пришла к остатку,
Только стих растет в ночи,
И слова ложатся в кладку,
Словно в стену – кирпичи.

Ни дать, ни взять – «вольный каменщик, строитель храма Соломона, а мне кто-то пытался на днях внушить, что Краснов – русский патриотический поэт. Но познакомьтесь с последующими строками: «Эти строфы, словно башни...». Так же внезапно, как в случае с появлением косуль, вдруг в произведении Краснова возникает Сторожевая башня вместе со слугами Иеговы. Понимает ли он сам, что замутил?... Если у Бори умный вид, это еще не значит, что он знает историю и хорошо пишет стихи. Да они с их упоминаниями о лесбиянстве, с выходами на масонство и Иегову – направлены на разрушение христианского мира (и русского мира тоже). Такие стихи – космополитизм, интернационализм в чистом виде. Автор огромными оптовыми партиями импортирует в разбалансированную, идеологически расшатанную Россию так называемую иностранщину, инакость, инакомыслие, инаколюбие.

И недавно прочитанная мною заметка одной из посетительниц мастерской, которой руководит Краснов, теперь стала обретать более роковой, русофобский смысл. Автор, явно же с подачи руководителя учиняет настоящий публичный разгром патриотических и православных стихов поэтессы Т. Егоровой и хитроумно ратует за то, что патриотизм не должен быть площадным и барабанным, то есть парадно-пафосным, а ему предложено проявляться в тихом, даже смиренном виде и даже ходить на цыпочках перед интернационалистами – громогласными ораторами и фанфаронами.

Но позвольте нам, русским, самим решать, как праздновать День Победы и другие Дни триумфа русского духа!..

Я уже писал в статье «Откуда дует ветер?», что ветер русофобства частенько – в тот раз по поводу стихов В. Морозова – задувает из-под дверей аудитории, за которой проводятся занятия или «правит бал» наш Борис Николаевич. И вообще из-за понятия «тихий» или «зашторенный» патриотизм (здесь я опять возвращаюсь к стихотворному докладу о шторах и стакане) торчат ушки, рожки и копытца сатанинского западничества, прагматичного вредительства. И очень прискорбно осознавать, что такие действия происходят на сомнительных занятиях мастерской, носящей имя поэта-патриота и православного заединщика Юрия Шестакова. А то, что Краснов публикует свои произведения в «Невском альманахе», вообще называю оскорблением памяти Шестакова, поскольку Юрий всегда выступал против двурушничества в идеологии и коммерческого приспособленчества редактора «горельманаха», которым значится всем известный В. Скворцов.

Так что обвинений в адрес Краснова предостаточно. И в этом никто персонально не виноват, просто существует яркая тенденция, что в годы постсоциализма попало под чудовищную раздачу всё «красное», в том числе и Борис Краснов. А, между тем, того, московского, театрального Б.К. вообще чуть ли не зарыли в оркестровой яме. Впрочем, пусть выводы делает сам, ведь он, как утверждают некоторые, не маленький... а большой поэт.

*Надежда Перова,
член союза писателей России*

Женская тема в эссеистике Владимира Меньшикова

18.06.2018

Находясь несколько месяцев далеко за пределами России, я постоянно читала информацию на сайте Дома писателей Санкт-Петербурга. Даже самые традиционные заметки с заседаний секций, ЛИТО, информационный материал и тем более отзывы и критика воспринимались мною с большим интересом и эмоциональным откликом. А тут ещё и по теме, меня неизменно интересующей, – женской поэзии, – сразу четыре эссе Владимира Меньшикова:

1. Своя в доску (мемориальную). 05. 03. 2018;
2. Чёрная ксерокопия снега (к 8 марта). 08.03.2018;
3. Татьяна, помнишь дни золотые? 30.03.2018.
4. Поезда и звёзды Ирэны Сергеевой. 17. 04. 2018.

Однако более внимательно я решила их перечитать и высказать своё отношение к ним по возвращении в Санкт-Петербург.

Вот уже отцвела сирень, о которой так любили писать поэтессы Серебряного века:

Причудливо сменялись свет и тени,
Вдали аллея солнцем залита.
Ищу я «счастье» в лепестках сирени,
Привычною мечтою занята.
Татьяна Щепкина-Куперник

Да и мои современницы:

Сиреневые грозди приподнимая нежно,
В благоуханный омут лицо я окуну,
И ощущение счастья вмиг станет неизбежно,
Я снова веру в чудо сама себе верну.
Марина Корж

Самой захотелось в этот «благоуханный омут», но всегда боялась коварной и временной неизбежности...

И... я наконец настроилась на рабочие «писательские каникулы». А начинаю издали и не случайно. Отношение к женскому писательству по сей день неоднозначно.

Борьба женщин во второй половине XIX века за равноправие с мужчинами во всех областях жизни включила в себя и всплеск женской поэзии. «Новая Ева» и писать стала по-новому. Женщины перестали молчать о самом сокровенном: исповедальность, смелый рассказ об интимном женском отличали поэтесс конца XIX – начала XX веков от их

предшественниц. И разгорелся спор о женской поэзии на страницах периодической печати, появились попытки осмыслить феномен женской поэзии.

В журнале «Аполлон» (№3, 1909) появилась статья И. Анненского «О современном лиризме: «Оне» («Оне» – поэтессы), наделавшая много шума, но не из ничего. (!)

Интересные рецензии на женские сборники писал В. Брюсов. Например, на сборник стихов Поликсены Соловьёвой (Allegro) «Иней»: «Стихи г-жи Соловьёвой – поэзия своего «я» <...> Думаю, что г-же Соловьёвой очень скоро суждено стать одним из «безвестных поэтов», но библиофилы будущих лет, исправляя несправедливый приговор судьбы, будут вознаграждены за труд перелистать её сборник с несколькими «истинными стихами».

А я вот хочу подчеркнуть и то, как важны и интересны нам сегодня суждения о женской поэзии поэтов, современников поэтесс Серебряного века.

Перехожу к сути задуманного: эссе Владимира Меньшикова меня увлекли образностью, оригинальностью и колкостью речи, но при этом

уважительным отношением прежде всего к женщине, а потом к поэтессе. Понимание этой первичности – гарант бережного отношения к женскому восприятию мира, своеобразию женской поэтики без сравнения с мужской.

Портрет Алины Мальцевой, слава Богу, пока не на мемориальной доске, Владимир начал живописать за упокой, а закончил за здоровье. Так ловко поэтический волчище покусал, оставив в живых и, как верный, надёжный пёс, лизнул прямо в губы.

Алинина поэтическая лаборатория (я так назову) явно интересна Владимиру Меньшикову: «Не так давно я, знакомясь с новой книгой Алины Мальцевой, захотел увидеть её копошащейся на кухне <...> и узнать, как она готовит свои стихи. (Чуть было не написал «сваи», которые совершенно непригодны для еды, поскольку их могут разжевать, да и то с трудом, лишь отбойные молотки да экскаватор зубами своего гигантского ковша). Но вернёмся к кухне...А вот с ней с самого начала не задалось, возникли проблемы с фантазированием».

И он устроил подробный разбор на части стихотворения «Ночная картина» – это очень интересно и поучительно для всех поэтов и поэтесс – почитайте, кто не прочитал. Я читала и думала: «До чего же додумался фантазёр-эссеист?!

А далее он пишет: «А теперь о главном. Что бы ни говорилось, Алина является успешным поэтом, её стихи печатаются в петербургских и московских изданиях. Значит, имеется какая-то «алинина тайна». Лично я считаю, что эффект или успех стихов Алины Мальцевой заключается в том, что они при вроде бы спешном и неудачном приготовлении, при вроде бы очевидно неправильном подборе составляющих, недоверенные или пригоревшие (троллящие себя самих) тем не менее, особенно для людей впервые их прочитавших, кажутся – неким откровением, исконно-первородным, первичным, ни на кого непохожими, а потому высокоталантливыми. А чтобы добиться такого эффекта, надо ещё постараться, покрутиться вокруг кухонной плиты, которая однажды может оказаться мемориальной».

Каково? Потрясающе!

Следующая выдержка о многом скажет. Вот что Владимир Петрович пишет об одном заседании секции поэзии: «Занятия секции поэзии у нас в СП проходят насыщенно <...> Но я не о методах или вариантах улучшения работы секции, а про тот единственный случай, когда стихотворцы вдруг резво, но без пивной пены на губах, бросились выяснять, кто у нас лучший. Причём озвучивались исключительно фамилии мужчин-поэтов. <...> И так вот всегда, мужики впереди планет всех. <...> Я хотел бы, чтобы в эту Книгу (Красную? Синюю? Не чёрную же...) внесли бы не только названия небесных тел, но и фамилию популярной... нет, до обидного мало известной даже литераторам Любви Венедиктовой.

Это эссе Владимира Меньшикова уже далеко по невидимым дорогам портала убежало в Будущее, очень нуждающееся в наших впечатлениях о текущих событиях жизни и в Поэзии в том числе. «Перепевать» то, как поэт-профессионал острым взглядом подмечал все недостатки и достоинства стихов коллег-поэтов, это всё равно, что похлопать студенту профессора по плечу, мол, какой он молодец, прочитал хорошую лекцию.

И всё-таки цитирую с большими купюрами: «Люба, как лирик, сразу же сработала на контрасте, на конкретной контре по отношению к женской поэзии перестроечной поры. Нет, нет, не хочу сказать, что словно в лесбиянстве, (а скорее в «лейбитроцкизме») наши поэтессы массово запустили в спальни своих стихов, «блудниц и содержанок», <...> Она в этом плане даже Вердиктова, то есть вынесла вердикт, продиктовавшая свои гражданские и собственные принципы куцему литературному миру <...> Елена Серебровская написала такие золотые слова: «Умение «не ступать в чужие следы» – несомненное достоинство любого самобытного поэта.» А то, что Любовь Венедиктова – поэт самобытный, в этом сомнения нет! <...> Поэзия! По-настоящему с Большой буквы! Перед нами женщина-Дон-Кихот! Невская амазонка!»

И опять я спрашиваю: Каково?! Мужчина-поэт с таким количеством восклицательных знаков пишет о поэтессе?!

Совсем другая интонация в эссе «Татьяна, помнишь дни золотые?». Так и поэтесса другая. Мне понятен испытанный шок Владимира Петровича от строк:

Я знала тяжесть оплеухи
И деспотическую власть,
Своих родных. Года разрухи...
В сорок седьмом я родилась.
Очередей хвосты повсюду...

И он находит очень сильные слова, характеризуя это стихотворение: «...выдающееся по своему исполнению и драматизму стихотворение Татьяны Лапшиной «Кукла Жанна».

Как критик, Владимир Петрович не мог не указать на то, что Татьяна Лапшина не является большим мастером стиха, но при этом «поэтесса не испытывает комплекса самоуничижения перед классиками и великими представителями петербургской поэтической школы».

Он не боится и слова «поэтесса». А я хочу напомнить, что первых поэтесс в XVIII веке называли «поэтками».

И мог ли Владимир Меньшиков обойти вниманием творчество Ирэны Сергеевой, поэта и признанного мэтра не только среди поэтесс? Нет, конечно!

Хочу напомнить, что своей учительницей считал Миру Лохвицкую Фёдор Сологуб. Подтекст, думаю, понятен. А вот и сегодняшний день: жизненный путь поэтессы Ирэны Сергеевой, пути дороги её, уходящие вдаль, вглубь Мироздания, Владимир Меньшиков попытался проследить по её творчеству. И кажется, ему это удалось. Да и сама попытка достойна признания и благодарности, что он сделал в своем эссе «Поезда и звёзды Ирэны Сергеевой»: «Очевидно «локомотивно-вагонная тема» является одной из любимых и характерной для беспокойной, открытой (всем ветрам и просторам) натуры Ирэны Андреевны. Да, когда читаешь её короткие стихи, возникает ощущение, что перед тобой перемещаются поезда, мелькают вагоны <...> К Господу держит путь поэтесса, к Господу!»

Ракурс взгляда, подбор стихов (то, как он их атрибутировал) сначала несколько – смущают что ли?

Именно поэтому я буквально на следующий день отослала на портал давно написанное своё эссе о поэзии Ирэны Сергеевой – «Любовь, как шторм, отбушевала» – для контраста ракурсов взглядов (мужского и женского). И так ведь во всём и всегда чаще всего бывает, если женщина не подстраивается. Это надо понимать и с этим жить, и не только на поэтическом поле битвы. Я думаю, Владимир Меньшиков как раз это понимает и поэтому родились его эссе о женской поэзии – мужской взгляд, вдумчивый, доброжелательный, с юмором и с готовностью нести ответственность за каждое слово.

И вот какова квинтэссенция в его эссе: «... вокруг Ирэны Андреевны, являющейся незаурядным литературным наставником и вдохновителем всевозможных мероприятий, а также руководителем секции поэзии нашего СП, всё время крутятся или, выражаясь строже, перемещаются поэты от молодых до седоволосых. Это похоже на вращение поэтов-спутников вокруг планеты-поэтессы. Также на планету похожа голова поэтессы, а круговой обрез красной шляпы с широкими полями, которую в демисезон надевает

Ирэна Андреевна, олицетворяет собой орбиту, по которой невидимо перемещаются минимизированные литературные спутники. Конечно, это напоминает «хет-трек», так называемый «трюк с шляпой», но почему бы им не воспользоваться для наглядности, тем более что это действие вдохновляюще поднимает поэтессу над землёй и теми же ползучими поездами, прямо-таки на божественную высоту, к Звёздам».

И что тут ещё можно сказать? Так я и не собиралась говорить от себя. Я только лишний раз акцентирую внимание на волнующей меня теме – женской поэзии и вообще женском творчестве, ни в чём не уступающем творчеству мужчин-творцов. Разве только в тематике, которой они в большей степени владеют в силу принадлежности к тому или иному труду и в силу природных задатков, определённых Свыше. А у женщин свои есть преимущества, позволяющие им подниматься на недосягаемую для мужчин высоту. Итак, «фифти-фифти»!

Дорогой ценой ещё нередко платили за право на творчество, на творческую жизнь мужчины (и поэты, и прозаики). Но ещё дороже взыскивали и взыскивают по сей день за эту дерзость с женщин.

Так будем, писатели, внимательнее и терпимее к друг к другу. И не будем порой «ломать копыя» ради красного словца, стремясь побольшей укусьить собрата (сестру, брата), таким образом самовыражаясь и защищаясь от боли писательской не востребованности в непростом времени, когда происходит опустошение душ, живущих в мире СМС-ок и электронных писем в одну строчку, а то и в одно слово, и при этом тратится масса времени на выставление на показ фото, видео, демонстрирующих роскошную бытовую жизнь и путешествия в Facebook-ке, ВКонтакте и т.п. средствах современной информации.

Четыре поэтессы (Алина Мальцева, Любовь Венедиктова, Татьяна Лапшина, Ирэна Сергеева) должны быть благодарны поэту Владимиру Меньшикову уже за одно то, что он прочитал их сборники стихов. Не думаю, что выскажу крамолу, написав, что даже писатели редко читают книги коллег из своего ближнего круга малоизвестных писателей. Нет времени – пишут!.. А он ещё и эссе написал! Потратив раза в два-три больше времени. А сегодня время – деньги! Заплатим ему благодарностью... А кто скажет, сколько стоят затраченные эмоции на уместные исторические экскурсы, юмор с современными приколами, украсившими эссе, поставив печать времени? Останемся в долгу.

Владимир Меньшиков внёс свой очередной вклад в современную эссеистику и литературоведение. И ему – поэту, прозаику, критику – женщины-поэтессы скажут и сегодня, и завтра – СПАСИБО!

Геннадий Муриков. **Петербургский взгляд**

Когда-то, лет 15 назад, я написал статью «Петербургский прорыв», посвящённую, главным образом, нашей (тогда ещё молодой) поэзии. Существует и термин «петербургский текст», кажется, принадлежащий А. Битову. Похоже, эти определения прижились. Во всяком случае, мой «опус» цитируют научные издания, а по «петербургскому тексту» регулярно проходят конференции.

Для тех, кто не согласен с «областной судьбой» нашего города, – это совершенно естественно, тем более, что столичный «нахрап» у нас всегда воспринимался с усмешкой, по принципу: «шумим, братец, шумим». Другое дело, что определить именно своеобразие «петербургского текста» непросто, и на этот счёт есть разные суждения. Тем интереснее стало появление книги В. Овсянникова «Прогулки с Соснорой» (СПб, 2013 г.). Отчасти она напоминает беседы Н. Альтмана с классиком символизма Вяч. Ивановым, но вообще-то в памяти сразу возникают «Разговоры с Гёте» Эккермана и даже (по крайней мере, по замыслу) «Мемориал Св. Елены» графа де Лас Каза. Сохранить, донести до наших современников и потомков мысли и суждения Виктора Сосноры, замечательного человека, живого классика, истинного петербуржца, – так ясно определяется цель этой работы, сложившейся как запись повседневных разговоров В. Овсянникова со своим героем.

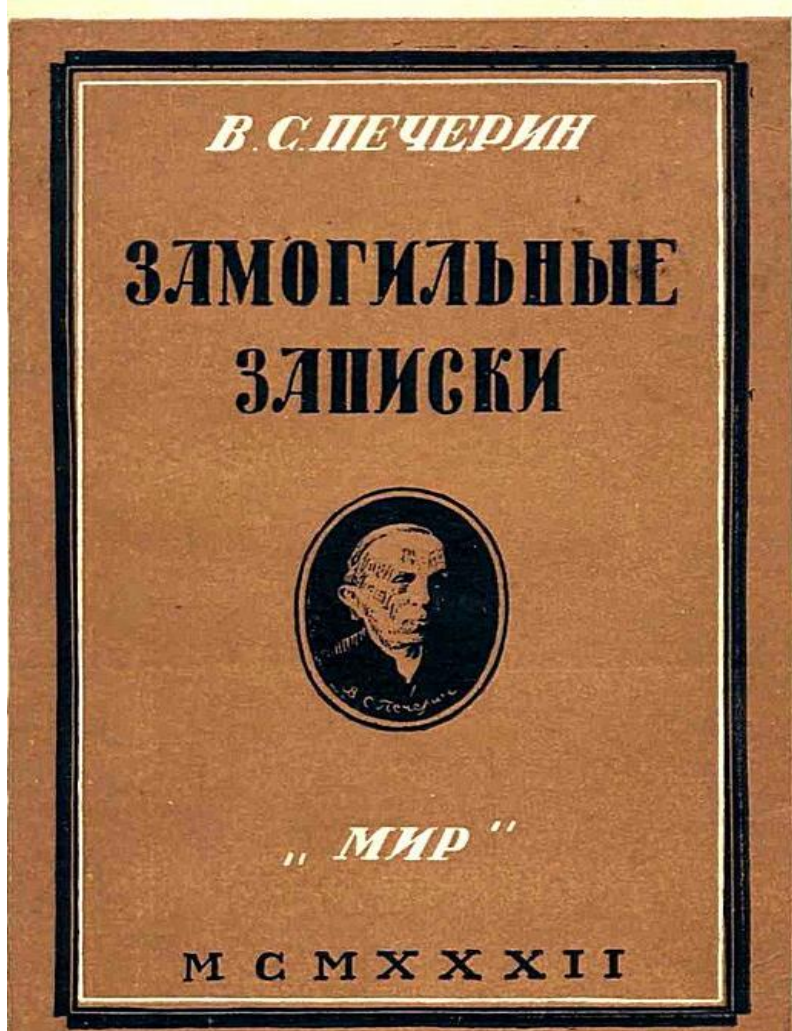
Общий объём этого дневника-романа (47 авт. листов), поразительное разнообразие тем и сюжетов, затронутых в беседах В. Сосноры с автором, редкостное богатство фактического материала делают эту книгу явлением поистине уникальным, – во всяком случае, мне не известно в отечественной литературе ни одной подобной работы, – поэтому аналогия с беседами Гёте и Эккермана абсолютно естественна.

Думаю, что эта книга уже самим фактом своего появления произведёт немалое волнение в умах и ещё будет предметом обсуждений и дискуссий. Здесь пока я ограничусь только одной репликой. В. Соснора – естественный и органический «шестидесятник», но почему-то не включают его ни в одну «обойму» литераторов его поколения. Как-то он никуда не «вписывается», особенно в компанию певцов «Казанского университета» и «Лонжюмо».

Суть дела, мне кажется в том, что «шестидесятничество» нужно разделить на «московское» и «ленинградское». И если первое откликнулось, главным образом, на партийные лозунги о «восстановлении ленинских норм» («Песни XXII съезду партии»), то второе в своём порыве утверждения личного, индивидуального в противовес советской демагогии обратилось к пластам русской культуры как более глубоким – и к опыту акмеизма, и футуризма, и даже символизма. В конце концов, именно в Питере сохранилось уважение и почтение к такому явлению русской культуры, как Анна Ахматова, в противовес большевистскому (читай: инородческому) засилью «красных москвитян», то и дело тоскующих о «комиссарах в пыльных шлемах». А как раз этого в тогдашнем Ленинграде не было. Может быть, отдалённость от «центрального» промывания мозгов и пошла на пользу.

К числу недостатков книги я бы отнёс то, что то ли невольно, то ли сознательно, но В. Овсянников устраняется от собственных суждений. А ведь В. Соснора был и остаётся принципиальным спорщиком провокационного склада, всё время вызывающим собеседника на дискуссию. Но её-то в книге и нет. Впрочем, может быть, так и было задумано..

III. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ
(“Лишние” русские люди)

Продолжение. Начало в №8, №9, №10, 11,12

В. С. Печерин. ЗАМОГИЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ
(продолжение. Начало см. в №8- 11, 12)

Сказание о Капитане Файоте и его Камердинере

Перелом

PAIN BIS ET LIBERTE

(Древняя надпись на стене пятого этажа на Гороховой улице).

Книги – вещи преопасные: от них рождаются *идеи*, а следовательно и всевозможные глупости.¹ Книги имели решительное влияние на главные эпохи моей жизни. Да еще бы ничего, если бы это были настоящие книги, т.-е. какие-нибудь фолианты, или in-4° или большие in-8°; а то нет: самые ничтожные брошюрки в каких-нибудь сто страниц решали судьбу мою на веки веков. Брошюрка Ламене заставила меня покинуть Россию и броситься в объятия республиканской церкви. А тут именно в то самое время, когда я жил испанским хидалгом с древнею мебелью и фамильными портретами во втором этаже над кофейнею, попалась мне в руки крошечная брошюрка, даже и заглавия ее не помню: в ней просто рассказывалось житье-бытье трех *итальянских* выходцев – как они жили в уединении, в захолустье, в какой-то хижинке, держась в стороне от пошлого стада, занимаясь науками, ни у кого ничего не прося, не ища ничего покровительства, в крайней бедности, довольствуясь самым необходимым, и таким образом сохраняя достоинство республиканца и человека...

Мне стало стыдно. Эта брошюрка, как яркая молния, осветила темные закоулки моей души, обнажила основные начала моего бытия, разбудила заснувшие инстинкты и стремления и напомнила мне то золотое время, когда на моей квартире в 5-м этаже на Гороховой улице было написано: «Pain bis et liberte!»

Да! «Pain bis et liberte». Долго, долго в этом пятиэтажном доме, а особенно в его мелочной лавочке, хранилось предание о бедном-бедном студенте, как он спускался с пятого этажа и закупал в этой лавочке черный хлеб, квас и лук и из этого делал себе спартанскую тюрю и славно обедал в 6 часов вечера по классическому обычаю древних (*coena antiquorum*). Единственною подругою его в этой конурке была веточка плюща, посаженная в горшке: она как-то уныло вилась по окну. Это было как будто предчувствие Англии, где все – и вековые дубы, и вязы, и стены древних и новых зданий – все обвито зеленым плющом. Незабвенные дни свободы духа и чистоты сердечной! Ах! если б мой отец – вечная ему память! – если б он немножко, крошечку был пощедрее, да прислал бы мне каких-нибудь лишних сто рублей! Я бы может быть достоуважно выдержал эту битву и не надел бы на себя казенной сермяги...

¹ За эту фразу покойный Николай Павлович (т. е. император Николай I) наверное сделал бы меня по крайней мере камер-юнкером. Жаль, что он умер. (Прим. В. С. Печерина.)

Но где же перелом? Какая произошла перемена?

Это требует объяснения.

До тех пор (1838) все мои идеи были чисто французские, а французские идеи непременно влекут за собою французский образ жизни. Какой же это французский образ жизни? а вот он какой!

Сидеть целый день в кофейне, разглагольствовать о политике, прислушиваться к отдаленным отголоскам европейских революций, сыграть иногда партию в домино, отрезывать каламбуры и строить куры; *la demoiselle du comptoir*² (этого даже нельзя выразить чистым русским языком) – вот обыденная жизнь молодой Франции, моих собратий по республике.

«Вы не можете себе вообразить, какую это делает разницу, когда этак порядочно одетый человек зайдет в кофейню – выпьет рюмочку *absinthe* или чашку кофе *avec le gloria* и потом, разгладив усы и закуривши сигарку, выходит на бульвар – он чувствует себя чем-то особенным, чувствует свое достоинство». Клянусь богом, что я не сочиняю, а только буквально повторяю, что я тысячу раз слышал из уст моих товарищей. В Цюрихе я был очень дружен с неким Банделье (расстригою-попом), мы с ним было затеяли издавать новую газету под звонким титулом: *le Peuple Souverain*.³ Мало мы заботились о серьезной части этого предприятия, а мечтали только о том, как мы будем комфортабельно сидеть в конторе нашей редакции, да курить славные сигарки!

У француза свое особенное мирозерцание. Спросите например у англичанина, для чего человек живет на свете, для чего он создан? Он вероятно будет отвечать: «*to do business!*», «для того, чтобы дело делать»; американец-янки прибавит: «*to make money*», «для того, чтоб зашибить копейку». Но все-таки у обоих есть понятие о какой-то полезной деятельности. Теперь предложите этот же самый вопрос французу, – где бы вы его ни встретили, – хоть бы под северным полюсом, – он непременно вам ответит: «*L'homme est pour le plaisir*», «наслаждение – вот конечная цель человека». В сен-симонистской религии предполагалось заменить церковь театром. Где? в какой стране? какому народу пришла бы подобная мысль? Это чисто парижская идея.

Величайший и единственный лирический поэт Франции Беранже вполне осуществляет в себе французскую идею: все его песни на один лад: *plaisir et gloire!*⁴ Заметьте еще, что во французской голове вовсе не находится понятия о долге, т. е. о нравственной обязанности. Нельсон перед трафальгарскою битвою говорит своим матросам и солдатам: «*England expects every man to do his duty*», «Англия надеется, что каждый из вас исполнит хвой долг». Не правда ли? это кажется очень коротко и сухо, а для англичанина довольно. Русский генерал сказал бы: «Ну теперь, ребята, постарайтесь за царя да за Русь святую!» – «Рады стараться! ваше пррррр...» отвечает тысяча голосов: тоже очень скромно и без малейшего фанфаронства, потому что у русского,

² Кассирша.

³ Суверенный народ.

⁴ Наслаждение и слава.

как у англичанина, есть понятие о священном долге служить царю и отечеству. А у француза оно вовсе не существует, а есть напротив, безмерное, ничем не истощимое тщеславие. Чтоб удовлетворить этому тщеславию – Наполеону надо было притащить целую обузу пирамид, до сорока столетий, смотрящих с высоты их на французских пигмеев. Было время, когда перед этою фразою с благоговением преклоняли голову: а теперь всякий видит, что это просто галиматья, французская риторика, шарлатанизм, общий Наполеону I и III. Риторы погубили Грецию; те же риторы погубили и Францию. Если б я имел власть в руках, я б под смертною казнию запретил преподавать риторике.

Из всего этого ты видишь, что у меня есть зуб на Францию – именно за то, что она своими идеями заставила меня жить и действовать наперекор моим врожденным наклонностям. Нет ничего противнее моей натуре, как французские фанфаронство и рассеянность. Но чего не сделает человек из так называемых *убеждений*? Он и в огонь и в полымя пойдет, и с мошениками будет за панибрата – от этого я теперь ненавижу все возможные убеждения.

Брошюрка сделала решительный переворот в моих мыслях: она отдала меня самому себе. Каждый раз, когда новая мысль овладевала мною, я ни на минуту не отлагал ее практического приложения. Сказано и *сделано*!

Для новых мыслей требовалось новое помещение. Я пошел искать себе квартиры. В глухом переулке Rue des Pimonts отдалась в наем квартирка у дряхлой старушки M-me Joarisse. Это была комната, что у нас называют – в первом этаже, т.-е. au rez de-chausse, окном на двор: перед окном было несколько деревьев: они придавали этой комнате какой-то зеленый полусвет. На кровати, где мне должно было спать, умерла сестра хозяйки, монашенка. Какой-то гений уединения парил над этим жилищем. Квартирка мне приглянулась: я условился с хозяйкою за 10 франков в месяц, да сверх того приговорил, чтобы она мне готовила обед исключительно из одних овощей – я тогда уже был по-уши в Пифагоре. Но через несколько времени она нашла это неудобным и невыгодным для себя. Что ж тут делать? Чтобы избавить ее и себя от хлопот, я решился привести свою кухню к самому простейшему выражению; итак каждый вечер в 6 часов меня ожидало на столе дымящееся блюдо, состоящее из *пяти* вареных картофелей с хлебом и маслом, и этим обедом я довольствовался в продолжение почти двух лет.

С легкой руки этого новоселья начинается ряд знаменитых глупостей, одна лучше или хуже другой; я их перечислю по номерам, как деловые бумаги.

№ 1. Я решился так усердно работать на капитана, чтоб он никогда не был в состоянии вознаградить меня за мои труды, так чтоб не я у него, а он у меня был бы в долгу, на вечные времена. Pain bis et liberté!;

№ 2. Богатый англичанин *Емс* (Yates), державший бакалейную лавку на площади, из уважения к капитану, прислал ко мне сидельца с предложением дать мне новый сюртук. Я учтиво его поблагодарил, но сказал, что в этом не нуждаюсь, что мой сюртук еще очень хорош (это был *другой*, купленный мною на толкучем, долгопольный коричневого цвета и очень приличный), а двух сюртуков по моим правилам мне иметь не подобает. А главная мысль

была та: довольно иметь одного благодетеля капитана: зачем же принимать на себя бремя новых благоденний и дать этому англичанину право сказать: «Я одолжил Печерина!» Я поступил точно как Авраам в Книге бытия, гл. 14. Он отвечал царю содомскому: «Ни одной нитки, ни сапожного ремня – ничего от тебя не возьму, а не то ты пожалуй скажешь: *«Я обогатил Авраама!»* – Pain bis et liberte.

№ 3. Открылось вакантное место городского переводчика (traducteur public). Мне тотчас его предложили. С этим было связано порядочное жалованье, обеспеченное положение. Но тут мне сказали, что надо принять присягу. Нет! уж этого-то я никогда не сделаю! Я никогда никакому правительству, даже и русскому царю не присягал. Да и что ж это? ведь это значит, что я буду на жалованье у правительства, т.-е. чиновником. Нет! покорно благодарю! Довольно с меня и того, что я был подканцеляристом Государственного Контроля во *Временной Комиссии для решения счетов и счетовых дел, прежнего времени, у Синего моста!*

Нет, уж лучше останусь по прежнему вольным казаком с моим: Pain bis et liberte.

№ 4. Какой-то английский милорд, живший недалеко от Льежа, искал себе гувернера для детей. Капитан меня отрекомендовал. Но его главным условием было то, чтобы я был безотлучно с детьми с утра до вечера. Как же мне принять на себя такую обузу? Я привык к необузданной свободе. У капитана я работал только до третьего часу, а по праздникам и вовсе к нему не ходил. Иногда я на целый день уходил за город. Там где-нибудь в чаще леса или на открытом поле в густой траве я лежал с романом Жорж Занда в руках. Солнце ярко блистало над головою; теплые ветерки резвились вокруг меня; жаворонок вился высоко в голубом небе и пел гимн свободе. Воля! воля! воля! поет жаворонок в небе: как же мне себя закабалить в этукую неволю? Нет! покорный слуга! Ищите себе другого гувернера! а я останусь при своем: Pain bis et liberte.

№ 5. Капитана сделали библиотекарем в масонской ложе. Ему очень хотелось взять меня себе в помощники и следовательно переманить в масонство. Я уже прежде сказал, почему франкмасоны мне всегда казались смешными; а тут еще капитан притащил целый пук бумаг – сочинения франмасонов. Каждый член, вступая в ложу, обязан написать краткое изложение своего образа мыслей, этак не больше странички. Но это были такие пошлые ученические упражнения в риторике, что я сам за них краснел и никак не согласился бы подвергнуть себя подобному испытанию. А материальные выгоды от масонства были очевидны. Франмасоны были всемогущи не только в Льеже, но и в целом королевстве: с их покровительством я мог бы всего достигнуть. Но *покровительства-то* именно я и не хотел. Кроме Фурдрена (Fourdrin, а не Фурье, как ты пишешь) у меня еще был приятель математик и студент медицины Лекуант (Lekointe). По собственному его признанию экзамен его вышел как-то не очень блистательно. «Ну да это ничего!» говорил он: «Наши (т.-е. франмасоны) вывезут!» Ну что ж это такое? – думал я, ведь это то же, что у нас в России: *нельзя ли как-нибудь*. – Одним словом я требовал от природы человеческой

невозможного... Итак и масонство забраковано! не годится! подавай мне опять старое: Pain bis et liberte!

После этого, видя, что со мною нечего делать, меня оставили в покое; а мнение обо мне поднялось на несколько градусов, даже очень высоко, до летнего жара. Вот аксиома: «Чем менее вы нуждаетесь в людях, тем более они вас уважают». Я понимаю и вполне оцениваю ответ Диогена Александру: «Не заслоняй меня своею тенью, великий монарх; дай мне погреться на солнце: я больше ничего у тебя не прошу!» – Хороши тоже слова Александра: «Если б я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном!» И действительно, тут были равностепенные державы: Диоген и Александр – *deux puissances en pr;sence!*

Несмотря на все эти *отказы*, мои обстоятельства с каждым днем улучшались: у меня было много частных уроков, и я до того даже умудрился, что самоучкою выучился еврейскому языку и был в состоянии преподавать его начала одному воспитаннику гимназии (Collge). Я уже прежде упомянул, что было в виду дать мне кафедру греческого языка в том же Collge.

После всего этого любопытно прочесть, как Герцен объясняет мой переход в католичество. Вот его слова в Полярной Звезде 1861: «Бедность, безучастие, одиночество сломили его; он не знал, что делать и, сорвавшись с орбиты, без цели и границ, упал в иезуитский монастырь!»⁵

Это написано *a priori* – так должно быть, следовательно так и было! Нет! из всего предыдущего ясно, как день, что я вовсе не сломился, а стоял очень прямо и твердо на своем пьедестале и никак никому и ничему не поддавался...

...lascia dir la gente!

Sta, come torre, fermo, che non crolla
Giammai la cima per soffiare de' venti.⁶

⁵ Печерин имеет в виду статью Герцена «Pater V. Petcherin» («Отец В. Печерин»), в которой Герцен описал свое свидание с Печериным в Лондоне в 1853 г. Статья эта, в которой Герцен впервые напомнил русским читателям о Печерине и его судьбе, была напечатана в 6-й книге «Полярной Звезды» в 1861 г. и затем перепечатана лишь в IX томе сочинений Герцена в 1879 г. Печерин, следовательно, мог пользоваться только текстом «Полярной Звезды». Несмотря на попытку Печерина опровергнуть герценовскую характеристику причин его обращения к католицизму, все содержание печатаемой автобиографии целиком подтверждает слова Герцена.

⁶ «Предоставь людям говорить! Стой твердо, как башня, которая никогда не склоняет главы под ударами ветра». Первую строку этой строфы Данте (Чистилище, V, 13–15) в несколько измененной редакции привел, как известно, К. Маркс в заключение своего предисловия к первому тому «Капитала».

I. V. ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Осипов

ФИЛОСОФИЯ и РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 3. Крымская война. Причины

Космогонические гипотезы

Все космогонические гипотезы делятся на научные и ненаучные. Научные отличаются тем, что появление и поведение Вселенной определяются уравнениями в соответствии со знаменитым высказыванием Галилея:

Эту великую книгу [книгу природы] невозможно понять, если не научиться сначала ее языку, не узнать алфавита, которым она написана. Она написана на языке математики, ее буквы – это треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без знания которых совершенно невозможно понять в ней ни единого слова. Без этих знаний чтение будет подобно блужданию по темному лабиринту.

Галилей

Есть возражение, что Создатель, быть может, и рисует круги и эллипсы, но понять по ним, зачем мы есть и какова цель нашего существования, мы не можем. Пусть они будут, конечно, эти круги, треугольники и даже иксы с игреками. Но мы ищем миф, который дал бы хоть какую-то зацепку, хоть небольшую надежду узнать тайну. Однако наука отвергает мифы категорически.

Нечто промежуточное между двумя крайностями представляет собой космогоническая гипотеза Канта. Как-то неудобно назвать ее ненаучной, вроде бы Кант – философский авторитет. Но треугольников там нет. Есть хаотически движущиеся пылевые частицы, которые постепенно начинают притягиваться друг к другу, образуя сгустки. Это происходит так, как будто со временем в систему поступает энергия. Например, в таком виде, что увеличивается гравитационная постоянная. Таким образом можно объяснить многое, кроме, пожалуй, одного – магнитных полей. Даже проще: как, из чего и зачем образуются диполи?

Пожалуй, только «китайский диполь» Инь-Ян указывает на дуализм как генератор развития Вселенной. В динамике этого диполя зашифрованы и «седловая парадигма» революционной теории, и перемешивание добра и зла, когда «норвежский», или «керченский», или «американский» стрелки становятся уже не олицетворением болезненного патологического зла, а «пламенными революционерами».

Можно представить себе жизнь на другой планете в какой-нибудь далекой звездной системе. Но очень непохоже на то, что тамошний социум, как и всякий другой, способен развиваться без войн и революций, без деления на Запад и Восток, как на Инь и Ян.

Эти два начала отлично выразили Лейбниц в своем загадочном труде «Монадология» и спародировавший его в своей сатирической повести «Кандид, или оптимизм» Вольтер.

... если бы мы могли в достаточной мере понять порядок универсума, то мы нашли бы, что он превосходит все пожелания наимудрейших и что нельзя сделать его еще лучше, чем он есть, не только в общем и в целом, но и для нас самих в частности, если только мы в подобающей степени привязаны к Творцу не только как к зодчему и действующей причине нашего бытия, но также и как к нашему владыке и конечной причине, который должен составлять всю цель нашей жизни и один может составить наше счастье.

Г.В. Лейбниц. Монадология

– Доказано, – говорил он, – что все таково, каким должно быть; так как все создано сообразно цели, то все необходимо и создано для наилучшей цели. Вот, заметьте, носы созданы для очков, потому мы и носим очки. Ноги, очевидно, назначены для того, чтобы их обувать, вот мы их и обуваем. Камни были сотворены для того, чтобы их тесать и строить из них замки, и вот монсеньор владеет прекраснейшим замком: у знатнейшего барона всего края должно быть наилучшее жилище. Свиньи созданы, чтобы их ели, – мы едим свинину круглый год. Следовательно, те, которые утверждают, что все хорошо, говорят глупость, – нужно говорить, что все к лучшему.

Ф.-М. Вольтер. Кандид, или оптимизм

Отражением этого своеобразного противостояния стала известная ироничная поговорка «Все к лучшему в этом лучшем из миров».

В мучительном разрыве между Инь и Ян, между полюсами признания существующего порядка вещей и стремления отвергнуть его, внутри гамлетовской альтернативы, то есть именно в «седловом неустойчивом состоянии» и находится постоянно человек.

Клуб Ходасевича

В первой части мы рассматривали записку Федора Ивановича Тютчева, написанную им в апреле 1848 года как реакцию на появившийся в феврале этого же года Манифест Коммунистической партии и последовавшие за этим события. Нельзя сказать, что не было в свою очередь реакции на статью Тютчева. Была, конечно, хотя до последнего времени откликов было немного. Мы отметим один из них – статью Владислава Фелициановича Ходасевича «О Тютчеве», написанную в 1928 году. Не самая скучная статья, но характерная в своем роде. Типичные замечания:

Тютчев в этих статьях отнюдь не философ, а дипломат...

Действительно, Тютчев ни об онтологии, ни о гносеологии ни словом не обмолвился. Правда, есть про самопознание, но совсем немного, и не в философском, а в самом простом «бытовом» смысле.

Всё, что могло сделать и могло дать нам мирное подражание Европе, – всё это мы уже получили. Правда, это очень немного. Это не разбило лед, а лишь прикрыло его слоем мха, который довольно хорошо имитирует растительность. Теперь никакой действительный прогресс не может быть достигнут без борьбы. Вот почему враждебность, проявляемая к нам

Европой, есть, может быть, величайшая услуга, которую она в состоянии нам оказать. Это, положительно, не без промысла.

Нужна была эта с каждым днем все более явная враждебность, чтобы принудить нас углубиться в самих себя, чтобы заставить нас осознать себя. А для общества, так же, как и для отдельной личности – первое условие всякого прогресса есть самопознание. Есть, я знаю, между нами люди, которые говорят, что в нас нет ничего, что стоило бы познавать. Но в таком случае единственное, что следовало бы предпринять, это перестать существовать, а между тем, я думаю, никто не придерживается такого мнения.

Ф.И. Тютчев – П.А. Вяземскому. Март. 1848

Наверное, как дипломат он показал себя? Да нет. Оказывается, что и тут задача:

Современную ему политическую обстановку он оценивал неверно. Оказалось, что истинное положение дел и распределение сил в Европе и в России было не таково, каким оно представлялось Тютчеву.

Зачем же писать статью о таком неудачнике? Мало ли посредственных или даже плохих философов или политиков? Но, может быть, на какие-нибудь интересные или важные наблюдения Тютчева хотел обратить внимание Ходасевич? Да, нет. И здесь прокол. Причем такой, что даже засмутился автор:

Теперь уже нельзя без глубокого смущения читать, например, что в «Европе существуют только две действительных силы – революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу».

Не понравилась ни эта, ни остальные тютчевские формулы Ходасевичу. Такое может быть, но зачем же об этом писать? Отметим при этом, что написана статья не в Советской России, а в Париже. Оказывается, лирика у Федора Ивановича замечательная.

Рассказы о том, будто Тютчев вовсе не придавал значения своим стихам, преувеличены. Но он действительно более хотел быть политиком, чем поэтом. Всю жизнь так и не собрался издать свои стихи под собственным наблюдением. Из них наиболее придавал значения политическим, которые разделяют судьбу его статей, потому что тесно связаны с ними. История их не оправдала. Хуже того: при всех достоинствах, они далеко уступают «чистой» лирике Тютчева.

Странное выражение «при всех достоинствах» на фоне того, что перед этим было сказано, что «нельзя без смущения читать». Но не будем вступать в спор. Нас интересует мнение Ходасевича как некоторый штамп, силлогизм, типичный образец определенного выража мысли, используемого критиками. «Слабый философ, но замечательный поэт (писатель, художник)!»

Так современное общество вслед за Макиавелли характеризует Данте, включая при этом самого Макиавелли в десятку выдающихся философов всех времен и народов. (За какие философские заслуги?) Так Ленин

характеризовал Льва Толстого. Белинский – Гоголя. Попробовал было Гоголь возразить Белинскому:

Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека?

Да и порвал письмо. Понял, что только рассмеялся бы Белинский на этот упрек. Уж он-то, который знает и «общество наше и дух его», не страшится, конечно, подобного упрека.

Но не станем углубляться в дебри взаимоотношений Гоголя и Белинского. Обратим внимание на то, что критики, использующие подобный силлогизм, имеют что-то общее, едва уловимое. Нельзя сказать, что они одного политического направления, нет. Что-то непонятное. Не зная, как их назвать, мы будем говорить, что они составляют **«клуб Ходасевича»**. Конечно, этот клуб достаточно обширен. Отметим, что Ходасевич организовал этот клуб в 1928 году, а уже на следующий год в него вступил литературовед, историк и философ Петр Михайлович Бицилли:

Для творчества Тютчева характерно то, что его «политические» стихотворения стоят особняком от его лирики. Их сразу же можно выделить из последней – и притом по одному неизменному признаку: они бесконечно слабее лирических.

Клуб Ходасевича достаточно обширен еще и потому, что содержит множество «ассоциированных членов» – тех критиков, которые снисходительно допускают, что политические стихи Тютчева, как и его воззрения, «юношески незрелы» или «не составляют основу его творчества», или просто не нравятся. Впрочем, клуб и клуб. Что тут долго говорить. Более важным представляется обратить внимание на другую группу общественных деятелей, гораздо более авторитетных.

Клуб Данилевского

Представители социальных наук очень болезненно переживают отсутствие фундамента – четко очерченных постулатов, на которых можно было бы основывать умозрительное построение теории. Поэтому всякий обстоятельный труд, основанный на фактах, обработанных глубокими и логичными, хоть бы и умозрительными рассуждениями, воспринимается с облегчением, как труд, на который можно опереться, чтобы двигаться дальше. К такого рода трудам относится, безусловно, книга Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа» и примыкающие к ней его же публицистические статьи. Полемическое обсуждение этой книги составило целое направление в политической социологии, и мы, разумеется, не претендуем на участие в этих ученых спорах. Нас интересует «деликатная оппозиция» Данилевского по отношению к взглядам Федора Ивановича Тютчева. Более того, мы остановимся только на двух тезисах. Первый – относительно «враждебности» венгров.

Если бы ... Венгрия выделилась из состава Габсбургской монархии, – то, слабая и ничтожная, она не могла составить сколько-нибудь действительной преграды России на Востоке; напротив того, она должна была бы искать покровительства России, против которой мадьяры не имели тогда никакой враждебности. При слабости своей, Венгрия точно так же не могла бы держаться системы угнетения относительно славян, а если бы и вздумала ее придерживаться, то это повело бы лишь к выделению славянских и румынских элементов из состава венгерского государства.

Н.Я. Данилевский. Горе победителям

В предыдущей главе мы показали, что думали венгры о славянах, проживавших на территории Австрийской империи. Можно было бы, конечно, подождать, когда венгры совсем ослабнут, и только потом требовать признания Воеводины и равноправия меньшинств, но некоторые сомнения остаются. Что касается враждебности, то заметим, что Данилевскому следовало бы прокомментировать, например, такой факт, что офицеры австрийской армии, погибшие во время восстания (как, например, Латур и Ламберг), были боевыми офицерами, сражавшимися еще с Наполеоном на стороне России. Предводители же венгерской армии – Генрих Дембинский и Юзеф Бем были на другой стороне, причем активно на другой стороне. Правда, Артур Гёргей не был ярым русофобом, но он не играл серьёзной роли в политике венгерских революционеров.

Тут мы не видим смысла что-либо добавлять. Перейдем теперь ко второму тезису Данилевского, который следует сразу за первым.

Но, как бы это там ни было, – очевидно, что помощь, оказанная Австрии в 1849 году, была одною из главных причин неудачи Восточной войны.

На этой простой фразе остановимся подробнее. Собственно говоря, это и есть тезис, который формирует некоторую общность единомышленников, которую будем называть «**клубом Данилевского**». В те времена, когда он общался с членами кружка Петрашевского и молодыми социалистами-демократами, приветствовавшими революцию 1848 года и отрицательно относившимися к введению русских войск в Венгрию, этот тезис выглядел более радикально.

*Желаю поражения там русских
и для этого готов был бы многим пожертвовать.
Чернышевский Н. Г. 11 июля 1849*

Времена изменились, столь радикальные высказывания вышли из моды, а тезис Данилевского укрепился и превратился в аксиому. Соответственно расширился и клуб Данилевского. Принадлежность к этому клубу накладывает свои обязательства, которые выражаются, в частности, и в своеобразном отношении к историческим событиям и деятелям того времени. И, как следствие, в отношении к императору России Николаю I.

Лернейская гидра

Очень трудно комментировать публицистику, относящуюся к обсуждаемой нами теме. (Впрочем, как и большие статьи и книги, которых, конечно, немало.) Нагромождение мифов, выдумок и анекдотов, спровоцированных враждебно настроенной политической партией, зашкаливает. Можно попытаться шаг за шагом сражаться с каждым отдельным вызовом, но эти вызовы ведут себя как головы гидры. На месте срубленной одной вырастают несколько новых.

Особенно это касается характеристики императора Николая I. Тютчев в своей известной и немного странной эпиграмме, написанной, видимо, после падения Севастополя в 1855 году. Эпиграмма, как и письмо Тютчева Эрнестине, подтверждающее его досаду, не предназначалась для публики.

Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах.

Ф.И. Тютчев. Письма жене. 1855

Впрочем, публицисты, поэты и историки – это такой народ, который при любой неудаче страны пишут такое, что читателю остается только сожалеть, что не эти замечательные люди находились у власти в критические для страны времена. Иногда и Тютчева оправдывают. Но оправдывая Тютчева, публицисты «допускают» множество других «ошибок» императора. Император следил за каждым эпизодом войны, анализируя все обстоятельства каждого боя. Вот что пишет, например, Модест Иванович Богданович об анализе боя под Ольтеницею:

Император Николай, рассмотрев подробное описание дела под Ольтеницею, соизволил сделать следующие замечания:

«1) Двух батарей было мало чтоб уничтожить артиллерию, стоящую в укреплениях, тем более, что на правом берегу Дуная устроены были Турками еще другие батареи. 2) Атака пехотою была ведена, вопреки всех правил, колоннами к атаке, почти в сплошном построении, ибо уступы были почти без интервалов. 3) Следовало придать в помощь артиллерии цепь всех штуцерных бригады, которые должны были сосредоточивать свой огонь по амбразурам турецких укреплений. 4) Переднюю линию вести ротными колоннами в шахматном порядке, или в две линии, с стрелками в интервалах. 5) Третью линию и резерв держать по крайней мере в 300 шагах позади, в колоннах к атаке, и не заслонять действия своих батарей. Тогда потеря была бы умереннее и вероятно успех соответствовал бы пожертвованиям».

Но мы остановимся только на одном распространенном упреке в его адрес.

Так, конечно, сугубо ошибочным надо признать решение о вводе русских войск в Венгрию в 1848 году для подавления венгерского национально-освободительного восстания, направленного против австрийских Габсбургов. Этот шаг никак не соответствовал интересам России. Возможно, император Николай надеялся приобрести надёжного союзника в лице австрийской монархии, но разве можно было доверять «австрийскому Иуде», как правильно выразился Тютчев? Эта сугубая ошибка Николая I повлекла за собой всплеск ненависти у всех народов Европы к николаевской империи («европейскому жандарму», как считали на Западе), что и дало основание для сплочения европейских сил против России в ходе крымского противостояния.

С.С. Зотов. Он служил и Богу, и России...

Таким образом, Станислав Сергеевич Зотов – член клуба Данилевского, куда входит много уважаемых людей. Об этом клубе и пойдет разговор дальше. Забегая вперед, скажу, что я не вижу вообще ни одной ошибки, которую сделал бы император Николай I за все время царствования. Но нас интересует одна, выделенная Зотовым вслед за Данилевским.

О всплеске ненависти

Начнем с Михаила Бакунина:

Настоящая минута для меня очень торжественна. Я русский и прихожу на это многочисленное собрание, которое сошлось, чтоб праздновать годовщину польского восстания, и которого одно присутствие здесь есть уже род вызова, угроза и как бы проклятие, брошенное в лицо всем притеснителям Польши; – я прихожу на него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимым уважением к моему отечеству.

Мне не безызвестно, насколько Россия не популярна в Европе. Поляки смотрят на нее, не без основания, быть может, как на одну из главных причин их несчастий. Люди независимые в других странах видят в столь быстром развитии ее могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народов. Повсюду имя русского является синонимом грубого угнетения и позорного рабства. Русский, во мнении Европы, есть не что иное, как гнусное орудие завоевания в руках ненавистнейшего и опаснейшего деспотизма.

Господа, – не для того чтоб оправдывать Россию от преступлений, в которых ее обвиняют, не для того чтоб отрицать истину, взойшел я на эту трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится более, чем когда либо, нужною для моего отечества.

Итак, да – мы еще народ рабский! У нас нет свободы, нет достоинства человеческого. Мы живем под отвратительным деспотизмом, необузданном в его капризах, неограниченном в действии. У нас нет никаких прав, никакого суда, никакой апелляции против произвола; мы не имеем ничего, что составляет достоинство и гордость народов. Нельзя вообразить положение более несчастное и более унижительное.

Извне наше положение не менее плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для нас чужая, воли, которая так же противна нашим интересам, как и нашей чести, мы страшны, ненавидимы, я хотел даже сказать, почти презираемы, потому что на нас повсюду смотрят, как на врагов цивилизации и человечества. Наши повелители пользуются нашими руками, для того чтоб сковать мир, чтоб поработить народы, и всякий успех их есть новый позор, прибавленный к нашей истории.

Разумеется, перед нами «всплеск ненависти» в традиционном стиле «как сладостно Россию ненавидеть». Однако всплеск, датируемый ноябрем 1847 года. Какие слова стал бы использовать Михаил Бакунин в случае трусливого поведения России в 1848-49 годах? Неужели прослезился бы?

Но, может быть, не наших Иуд имеют в виду Данилевский и Зотов? Может быть, Россия нарушила международные правила поведения, введя войска по приглашению властей страны? Хорошо было бы узнать, что Данилевский и Зотов пишут про введение Соединенными штатами войск в Мексику с последующим присоединением более чем половины Мексики к США? Как раз в том же 1848 году. Но где, в каких статьях, каких газет об этом пишут члены клуба Данилевского? В каких статьях про вторжение Пруссии в Данию как раз в это время, 1848-49 годах?

Но, может быть, что-то про войну с Алжиром напишут члены клуба? Или про первую опиумную войну, закончившуюся за несколько лет до обсуждаемых событий? Нет? Не почувствовал уважаемый Станислав Сергеевич всплеска ненависти?

Нет, не почувствовал! Потому что он добрый! Хороший! Нужно говорить о ненависти к своей стране. Оно сладостней! А с Америки, Англии, Пруссии да Франции – что взять! Цивилизованные страны!

Что понадобилось британскому леопарду?

*Британский леопард
За что на нас сердит?
И машет всё хвостом,
И гневно так рычит?
Ф. И. Тютчев*

Каждая европейская демократия имеет свои буржуазные особенности, но в случае с Англией эти особенности проявляются наиболее ярко. В самом начале XVII века в Англии была основана Ост-Индская торговая компания, которая размещала на бирже свои акции и вскоре приобрела не только значительный деловой и финансовый вес, но и прибрала к рукам некоторые функции правительственного учреждения. Она имела свою армию и флот, которые участвовали во многих известных войнах: в Индии, Китае – по всему миру. Например, армия этой компании охраняла Наполеона на острове Св. Елены, который также принадлежал ей. Почти одновременно с британской была организована голландская Ост-Индская компания, но, не имея такой мощной государственной поддержки, она постепенно сошла на

нет. Позже подобные компании появились и в России, но, конечно, не такие агрессивные и могущественные.

Когда-то в детстве мы все делали такой эксперимент. Наливали в высокий стакан воды, сверху сажали луковицу и ставили на подоконник. Через день-два луковица давала белые корни и зеленые побеги. Корни как корни, небольшие, но достаточные, чтобы пытаться из воды получить нужные питательные вещества. Но однажды я со двора принес кусочек земли. Достаточно твердый и холодный, и бросил в стакан. Земля упала на дно, корни были много выше, ничего интересного не произошло. Но на следующий день я увидел, что комок земли был весь насквозь пронизан и переплетен корнями, так что свободного места не оставалось. И поднят со дна корнями вплотную к луковице.

Точно так же щупальца Английской Ост-Индской компании пронизывали весь земной шар в поисках своих питательных веществ. Говорить о том, что опиумная война началась из-за того, что какой-нибудь мандарин не так отозвался о британском леопарде – все равно как считать, что причиной происшествия с комком земли было то, что я принес из школы плохие отметки. Или что король Марокко был самодержцем и поэтому Франция послал в Марокко Иностранный легион.

– Так вот. Экспедиция в Танжер была ими решена еще в тот день, когда Ларош получил портфель министра иностранных дел. Затем постепенно они скупили весь марокканский заем, облигации которого упали до шестидесяти четырех или шестидесяти пяти франков. Они совершили эту покупку очень искусно при посредстве ловких агентов, не возбуждавших ни в ком ни малейшего подозрения. Им удалось провести даже Ротшильдов, когда те стали удивляться такому спросу на марокканские облигации. Им называли имена посредников – людей с плохой репутацией, неудачных игроков на бирже. Это успокоило крупных банкиров. Теперь туда пошлют войска, и, как только наши будут там, французское правительство гарантирует заем. Наши друзья заработают на этом пятьдесят, шестьдесят миллионов. Понимаешь, в чем дело? Понимаешь также, почему они боятся решительно всех, боятся малейшей огласки?

Она припала головой к жилету молодого человека и, положив руки к нему на колени, прижималась, лънула к нему, чувствуя, что теперь она его интересуется, готовая сделать все, пойти на все за одну лишь ласку, за одну лишь улыбку.

Ги де Мопассан. Милый друг

В пиар-оформлении колониальной политики англичане, конечно, не уступят французам. И если бы не было Дарвина, они бы легко придумали ему замену. Блестящий пример, образ, аллегорию английской колониальной хватки предложил нам Артур Конан-Дойл в романе «Затерянный мир». В нем речь идет о научной экспедиции, организованной элитой английской цивилизации для поиска затерянного мира. Другого мира, не похожего на английский.

– Стреляй в толпу! Не жалея пуль, сынок! – крикнул мне лорд Джон.

В душе каждого, даже самого заурядного человека таятся неведомые ему бездны. Я всегда славился своим мягкосердечием; стоны раненого зайца не раз исторгали у меня горькие слезы. Но теперь меня обуяла жажда крови. Я вскочил на ноги, я выпускал пулю за пулей сначала из одной винтовки, потом из другой. Щелкал затворами, перезаряжая их, и все время кричал, не помня себя от какого-то яростного восторга. Вдвоем, стреляя из четырех винтовок, мы произвели страшное опустошение в рядах обезьян. Оба часовых, приставленных к Саммерли, валялись мертвые, а он шел, пошатываясь, как пьяный, и, видимо, не сознавал, что его освободили. Наши враги растерянно метались по поляне, ничего не понимая, не зная, куда деваться от неожиданно налетевшего на них вихря смерти. Они размахивали руками, визжали, падали, спотыкаясь о трупы. Потом, повинаясь инстинкту, толпой ринулись под защиту деревьев, и поляна, усеянная трупами убитых обезьян, опустела.

Рембо отдыхает! Наверное, наблюдая все это, Создатель и не подпускает нас к другим мирам. Наша земная цивилизация уничтожит любой. И будет этим еще и гордиться. Впрочем, у членов клуба Данилевского может быть другое мнение.

Речь идет не о нашем благосостоянии и, конечно же, не о роскоши. Речь идет о том, хотим ли мы, чтобы правосудие восторжествовало, и не только оно, но и все те идеалы, ради которых жили, боролись и умирали наши славные предки. Идеалы, которыми гордится западная цивилизация.

Бурные аплодисменты.

Фридрих Дюрренматт. Визит старой дамы.

Понимал ли все это Николай I, когда наносил визит в Англию в 1844 году? Думаю, что понимал. И понимал, что королева Виктория не могла оказать влияние на стоимость акций Ост-Индской компании и на поведение английского леопарда. А председатель правительства будет смещен, если посмеет действовать во вред акционерам компании. Что и произошло чуть позже.

Британский леопард и Турция

Говорить о том, что интеллект колониальной финансовой элиты сравним с интеллектом луковицы, неправильно. Уровень этого интеллекта гораздо выше и сравним с уровнем настоящего хищника – например, леопарда. Медведь перед ним или гиппопотам – он понимает лишь свой инстинкт, но этот инстинкт достаточно развит и разнообразен. В частности, он способен решать на хорошем уровне свои финансовые проблемы, которые заключаются в том, чтобы вовремя и удачно взять кредит и вовремя и удачно дать взаймы.

Кредитная машина во многом определяет неизбежность и даже сроки начала войн. Наполеон после заключения мира с Австрией в 1809 году должен был решить – или распускать армию, или искать причины для заключения новых кредитных договоров. Кредитная машина определила начало войны с Россией, и Александр I это понимал.

Кредитная машина определила и поведение Англии после того, как закончилась первая опиумная война, в которой принимали участие новейшие военные суда Англии и Франции. И что потом? Ставить эти суда на прикол? Для этого вкладывались большие деньги в развитие пароходостроения, в создание новейших фрегатов, в изобретение винтового двигателя?

Но существовала и обратная проблема. Иногда деньги нужно и давать займам. Под хорошие проценты, конечно, и, разумеется, только друзьям. К таким друзьям относилась и Турция, которая была счастлива оттого, что у нее появились такие классные покровители, которые защитят ее от России, с ее азиатским менталитетом. Хотелось и Турции войти в семью европейских цивилизованных народов. Во втором выпуске альманаха «Консерватор» была опубликована часть статьи из журнала «Дело» за 1876 год. Следующая цитата взята оттуда.

Нечто невероятное, нечто поражающее представляют собой финансовые дела турецкой империи. Просматривая отчеты о ее финансовом положении, не веришь, что перед тобою лежат серьезные росписи доходов действительно существующего правительства. Эти росписи кажутся чем-то фантастическим, какою-то злою сатирою над вымышленными правителями, безумно расточающими денежные средства подвластной им страны. Иностранцы займы являются предметом всех забот этих правителей, чувствующих, что без этого подспорья государственная машина, управляемая ими, должна остановиться.

Эти займы начиная с 1854 года почти постоянно возрастают. В 1854 году турецкое правительство занимает 3 000 000 фунтов стерлингов; в 1874 году оно делает заем уже в 40 000 000 фунтов. Вся сумма этих ежегодных займов, сделанных в течение двадцати лет, простирается до 143 000 000 фунтов.

О характере Крымской войны

Таков характер крымской войны. Она не была мировой войной. Это была классическая колониальная война, одна из многих, – та, которая коснулась нашей страны. Эта война обратила внимание на необходимость укрепления дальневосточных рубежей, на необходимость создания нового флота, технологически более высокого уровня, на разработку новых видов вооружений. Очень много было сделано на северных морях. Но это было позже. А во время самой войны она играла «вторым номером». Это не означает пассивность. Это означает, что технологическое преимущество находится у противника и страна вынуждена «играть от обороны». Прежде всего – это появление гребного винта и, соответственно, пароходы-броненосцы с винтовым двигателем у англичан и французов. Они были проверены в первой опиумной войне и обеспечили доминирование флота союзников на Черном море. Были у Русской армии и другие проблемы, но уже не столь ярко выраженные. Это важная тема, но об этом лучше прочитать в книге М. И. Богдановича «Восточная война».

Глава 4. Козлиный пергамент

– Нет, нет, игемон, – весь напрягаясь в желании убедить, заговорил арестованный, – ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Диффамация как образ мышления

Эта тема хорошо нам всем знакома:

- Ты мне вчера такое сказал.
- Ничего такого я вчера не говорил.
- Как не говорил?! У меня записано!

Технологический прогресс внес усовершенствования в подобные казусы, появились магнитофоны, диктофоны, прослушивающие, подслушивающие и прочие устройства. Если такое устройство прикрепить под столом в гостиной самой обычной семьи, а потом вырезать из записи лишнее, то можно получить нужную картину, порой весьма неприглядную. При этом не будет никакого сомнения в достоверности произнесенных слов. Такое устройство и называется «козлиным пергаментом».

Но суды все равно неохотно принимают такие свидетельства и поэтому нет ничего лучше письменного свидетельства самого подсудимого. Да еще свидетельства, сделанного «в охотку», когда подсудимый пишет текст не по принуждению, а по «зову души». В общем-то, в приличном обществе не принято «цепляться к словам», но в некоторых научных кругах это даже приветствуется. Вроде как «повышенные требования». Вроде как бы «по гамбургскому счету». Посмеяться над неудачным высказыванием, оговоркой, ошибкой считается высоким классом. С уходом эпохи научных семинаров исчезает и эта традиция, следы которой остались в анекдотах. В научных журналах неловкости разного рода обычно выявляют рецензенты и этим дело заканчивается. Такова современная культура научного общения.

Но не то – философская культура. Здесь козлиный пергамент используется вовсю. Пикировки, резкая критика, жесткие реплики, хлесткая ирония, – все это характерно для новой философии, особенно так называемого «революционного направления». При этом читателю совершенно необязательно быть знакомым с текстами критикуемых философов. Сама критика захватывает, увлекает, уводит в мистические сферы, выводит из пессимизма рутинной жизни и ежемесячного пособия на бедность.

Что люди пишут друг другу в письмах?

Да что угодно. То же самое, что говорят сейчас по телефону. Очень часто используют ненормативную лексику, раздражаются, срывают на ком-нибудь зло, говорят несправедливые вещи и т.д. Написал Тютчев что-то своей жене, высказав свою боль сердечную. Быть может, совсем даже неправильно высказав, не так, как нам хотелось бы. Но – оп! В козлиный пергамент уже попало. И в науку внесено. Тютчев думает то-то и то-то о таком-то и таких-то.

Другой подходящий персонаж для занесения в пергамент – Алексей Степанович Хомяков. Поскольку до этого он у нас в рассказе не появлялся, то сообщим, что Алексей Степанович родился в 1804 году. В 1822 году определился на военную службу сначала в Кирасирский полк, а затем в Конную гвардию. В 1825 году оставил службу, но в мае 1828 года, когда началась война с турками, Хомяков поступил в Белорусский гусарский полк, где был адъютантом при генерале Мадатове, участвовал во многих делах и выказал блестящую храбрость. Ранение в ногу и контузия. Получил два ордена св. Анны (один с бантом) и св. Владимира. По заключении Адрианопольского мира, в 1829 году, Хомяков во второй и последний раз вышел в отставку. Главнокомандующий Дунайской армии Павел Дмитриевич Киселев приглашал его к себе продолжить службу, но молодой человек выбрал уже другой путь.

Скандал в благородном семействе

Все шло тихо и мирно, но весной 1854 году разразился скандал. Небольшой, правда. В те времена почти незаметный. Но с помощью современных усилителей он приобрел чуть ли не философское звучание. В марте и апреле этого года Хомяков пишет два стихотворения (можно сказать – две части одного стихотворения) под названием – «К России».

В это время война еще не называлась Крымской. Уже полгода шли военные действия с Турцией, но к этому давно привыкли. Настоящей войны еще не было. Николай I еще не знал, где будет происходить высадка экспедиционного корпуса, да, наверное, и сами союзники об этом не знали. В марте существовали предположения, что высадка может произойти на абхазский берег Кавказа. Высадка союзников в Крыму, в Евпатории произошла только в сентябре. Через несколько дней состоялось первое крупное сражение этой войны, которую теперь уже можно было назвать Крымской, – сражение на реке Альме. Но вернувшись назад, в март, отметим, что 15 марта было объявление войны России со стороны Великобритании и Франции, после чего на Черном море их военные корабли начали захватывать или сжигать российские коммерческие суда. На это объявление войны и реагирует Хомяков своим стихотворением. Тогда еще не было понятно, что станет театром военных действий, и русские войска сосредоточились в направлении Молдавии и Валахии. Отсюда и «волны Дуная».

*Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.*

*Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовёт
Через волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.*

Заметим, что Хомяков здесь как бы подчеркивает, что это не война двух поссорившихся народов, не противостояние, которое можно было бы погасить или смягчить разумными доводами и поиском компромисса. Как и Тютчев в своей басне о британском леопарде, Хомяков подчеркивает, что речь идет о «слепых, безумных» силах.

Здесь же Хомяков указывает на противостояние Турции и России, которое продолжалось со времени падения Константинополя и переходит на «библейский уровень».

*Но помни: быть орудьем бога
Земным созданиям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!*

Здесь надо заметить, что писал Хомяков для русских людей. Гордый слух иноплеменный не поймет и не заметит, о чем пишет поэт. И. быть может, назовет дальнейшие строки «воплями Хомякова». Не для них написано, не принято иноплеменнику осмеивать то, что не очень ему понятно. Вряд ли евреи, например, поняли бы человека, назвавшего плач Иеремии воплями.

Тяжко согрешил Иерусалим, за то и сделался отвратительным; все, прославлявшие его, смотрят на него с презрением, потому что увидели наготу его; и сам он вздыхает и отворачивается назад. На подоле у него была нечистота, но он не помышлял о будущности своей, и поэтому необыкновенно унизился, и нет у него утешителя. «Воззри, Господи, на бедствие мое, ибо враг возвеличился!» Враг простер руку свою на все самое драгоценное его; он видит, как язычники входят во святилище его, о котором Ты заповедал, чтобы они не вступали в собрание Твое. (Плач.1:8-10)

Быть может, здесь каким-то образом сказалось и то, что родился Алексей Степанович в день Иеремии, как он сам признает, – 1 мая. Русский Иеремия увлекся и далее последовало «обличение».

*В судах черна неправдой чёрной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,*

*И лени мёртвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей главой!
С душой коленапреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!
И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то Божий меч!
23 марта 1854*

30 марта Россия опубликовала манифест об объявлении войны враждующим с ней странам. 31 марта было сделано официальное заявление министерства иностранных дел Великобритании, в котором война была объявлена войной цивилизации против варварства. В этом не было ничего неожиданного. Таким же образом было обозначено начало опиумных войн против Китая, также характеризовалась война в Индии и т.д. В этих заявлениях метафизического смысла столько же, сколько его в звоне монет. Обычное словесное оформление колониальных войн.

В апреле началась бомбардировка Одессы, которая принесла много вреда стоявшим в порту судам, но и показала первые примеры героизма. Хомяков пишет еще одно стихотворение под названием «России»:

*Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силу трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.
О Русь моя! как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идёт на божеский призыв,
Так, исцелив болезнь порока*

Сознанием, скорбью и стыдом,
 Пред миром станешь ты высоко,
 В сиянии новом и святом!
 Иди! тебя зовут народы!
 И, совершив свой бранный пир,
 Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
 Иди! светла твоя дорога:
 В душе любовь, в деснице гром,
 Грозна, прекрасна, – ангел бога
 С огнесверкающим челом!
 3 апреля 1854

Эти стихи не были посланы в печать, но разошлись списками. Все бы ничего, хорошие стихи, но обличительная часть многим не понравилась. Наиболее известным стал (уже позже) отклик Надежды Васильевны Арсеньевой:

Стыдись, о сын неблагодарный,
 Отчизну-матерь укорять,
 И речью жесткой и коварной
 Покровы с язв её срывать!
 То правда: древле глас Пророка
 Карал в бедах Ерусалим;
 Но, чуждый страсти и порока,
 Он духом Божьим был водим,
 И вдохновения лежала
 На нём священная печать.
 Но чья же власть нам указала
 Тебя пророком почитать?

Не очень понятный упрек. И какая же власть указала евреям почитать пророком Иеремию? Побивали они его камнями, как, впрочем, и всех остальных пророков.

Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем. (Матф.13:57)

Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; (Матф.23:34)

Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! (Матф.23:37)

Так или иначе, но дело дошло и до властей вполне понятных и конкретных. Вот что пишет по этому поводу редактор собрания сочинений Хомякова (П. Бартенева) в своем примечании:

А. С. Хомяков подвергался допросам графа Закревского по поводу известных стихов своих к России: «Тебя призвал на брань святую». Его обязали не печатать стихов своих и даже не читать их. «А матушке можно?» спросил Хомяков издавна знавшего его и его семейство генерал-губернатора. «Матушке можете читать» сказано в ответ, «и пожалуйста передайте ей мое почтение». Это было великим постом 1854 года.

Сам автор дает объяснения в письмах к своим друзьям. Приведем несколько из этих объяснений.

1) Другу Александру Федоровичу Гильфердингу:

Может быть, даже полагаю наверное вы знаете о моих странных, хотя и не совсем неожиданных тревогах; признаюсь, они меня таки волновали и не давали писать как следует, с спокойствием, приличным добропорядочному человеку. Они еще и теперь не кончились, и чем кончатся неизвестно; но по крайней мере развязка уже недалеко. Какая бы ни была (хоть и желаю мирной), я чувствую, что я прав перед добрыми и разумными людьми. Вы не обвините меня в гордости, если скажу, что я хоть сколько-нибудь возвратил человеческому слову у нас часто забываемое благородство. Разумеется, в этом не столько участвовали мои стихи, сколько шум, отчасти неожиданный произведенный ими; но все-таки слово возвышено тем шумом, который оно почти нехотя произвело.

2) Графине А.Д. Блудовой при присылке стихов «К России». (На шестой неделе Великого поста 1854 года):

Эти стихи написал я, графиня, на днях. Как стихи, они вам понравятся; надеюсь, понравятся как чувство. Во всяком случае они сказались у меня невольно. Как человеку в минуту подвига опасного должна представиться его внутренняя жизнь тем яснее, чем самый подвиг лучше и чище, так и обществу. Странна была бы речь о смирении (а не это ли чувство уважаем мы в России по преимуществу?), если бы смирение не выразалось сознанием слабых сторон или пороков в те минуты, которые призывают к великому и опасному служению. От печати я удален; но мне кажется, такие стихи должны быть полезными, призывая к серьезному пониманию великого дела, к которому мы идем. Разумеется, если б можно было думать о печати, я сказал бы, что слова: «И игом рабства клеймена» (слишком резко определяющее крепостное состояние) можно заменить: «И двоедушьем клеймена». Также поставить другое – на место «всякой мерзости полна». Но вообще полагаю, что нельзя и воображать, чтоб такой канон покаяния мог быть напечатан. А все-таки скажу: в минуту тяжелой войны конечно не время ни человеку, ни обществу исправляться, а время искренне сознаваться в своих грехах обществу, так же, как и человеку.

3) Из письма от 4 апреля 1854 года к А.Н. Попову с приложением стихов «Покаявшейся России»:

Я написал стихи, из которых конечно добросовестный человек не выкинет ни слова, и что же? Мне вдруг стало как-то жаль, что я нашей Руси наговорил столько горьких истин, хоть и в духе любви; стало как-то тяжело. Ведь если я сказал, и если другие прочли и, любя Россию, в то же время не слишком рассердились на меня: разве уж это не покаяние, или не знак постоянного, хотя и не выражаемого, покаяния? Я написал другую пьесу вчера и посылаю ее вам перед говением.

Речь идет о стихотворении, под которым стоит дата 3 апреля 1854.

4) Из письма Константину Аксакову:

Меня заваливают по городской почте безмянными пасквилями (даже с онёрами извозничьей речи), а в клубе называли даже изменником, подкупленным Англичанами.

Одесса теперь уже, вероятно, не существует. Бомбардировал ее флот в полном составе, а наши пушки полевые не доставали до неприятеля. Это случилось на Пасху.

Может быть и нужно интерпретировать стихи Хомякова так, как интерпретировала их Надежда Васильевна, а вслед за ней и сам Хомяков. Но «божественный глагол» на то и божественный, что иногда и сам творец не слишком хорошо понимает, как это получилось, и почему тростниковая дудочка исторгает именно такие звуки. Но звуки эти должны быть свободными! Константин Аксаков понимает Хомякова и отвечает ему.

*Ты – чудо из божьих чудес,
Ты – мысли светильник и пламя,
Ты – луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя!
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнью ново,
Ты к свету, ты к правде ведёшь,
Свободное слово!*

*Лишь духу власть духа дана, –
В животной же силе нет прока:
Для истины – гибель она,
Спасенье – для лжи и порока;
Враждует ли с ложью – равно
Живёт его жизнь новую...
Неправда – опасно одно
Свободное слово!*

*Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство – там бунт и беда;
Защита от бунта – свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы...
Оружье свободных людей –
Свободное слово!
О, слово, дар бога святой!..
Кто слово, дар божеский, свяжет,
Тот путь человеку иной –
Путь рабства преступный – укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О духа единственный меч,
Свободное слово!
1854 Москва*

Хорошо понимают Хомяков и Константин Аксаков друг друга. Обоим почти запрещено печататься и оба пишут. И мысли похожи. И меньше чем через полгода Константин Аксаков развивает свою мысль в записке, поданной новому, молодому императору.

Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж – страшны. Это до того вошло, так сказать, в воздух, что у нас не только те воры, кто бесчестные люди: нет, очень часто прекрасные, добрые, даже в своем роде честные люди – тоже воры: исключений немного. Это сделалось уже не личным грехом, а общественным; здесь является безнравственность самого положения общественного, целого внутреннего устройства.

Константин Аксаков. О внутреннем состоянии России

Но об этой записке мы поговорим уже в другой главе.

Глава 5. Константин Аксаков. Тезисы

Я знаю, что ты больше всех бранишь меня и так часто спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу стерпеть, но как рассужу, то и вижу, что ты меня и государство верно любишь и правду говоришь, для того я тебя внутренне и благодарю.

Петр I Якову Долгорукову

В этой главе мы поговорим о некоторых мыслях Константина Аксакова, изложенных им в Записке «О внутреннем состоянии России», представленной автором молодому императору Александру II в 1856 году. Записки на имя государя императора есть одна из форм общения образованного сословия с властью. В первой главе мы обсуждали Записку Тютчева. Записку-письмо из Перми написал Сперанский, Записку «О народном воспитании» – Пушкин.

Эти Записки поступали в канцелярию, копировались и распространялись среди членов Государственного совета. Иногда они печатались небольшим тиражом (например, Записка Тютчева была издана в виде брошюры тиражом 12 экземпляров). Некоторые из них были «заказными», как, например, в случае Пушкина. Тогда их клали непосредственно на стол императора. Иногда эти Записки были инспирированы обстоятельствами или какими-то лицами, обладающими достаточным авторитетом. К какой категории относилась Записка Аксакова – неясно. Но это и не столь важно.

Опубликована она была в трех номерах газеты «День» уже после гибели императора. И сразу же вызвала бурную реакцию. Мы обращаем внимание лишь на две достаточно резкие и, вместе с тем, характерные статьи. Одна из них принадлежит перу публициста и философа Максима Алексеевича Антоновича (автора критической статьи «Асмодей нашего времени», посвященной роману Тургенева «Отцы и дети») и называется «Суемудрие «Дня»». Вторая – не менее известному публицисту и профессору права Александру Дмитриевичу Градовскому и называется «Славянофильская теория государства». Обе эти статьи есть в Интернете. Возникшая полемика интересна именно своей характерностью, тем, что она как две капли воды похожа на современные разговорные дуэли, которые мы наблюдаем на телевизионных шоу. Вплоть до формулировок и речевых оборотов.

Интересно было бы поучаствовать в споре, но в те времена публицисты были покруче, да и то не сделали пользы пером. Похоже, что мы так проблемы не решим, разве что наведем тоску. Вопрос такой: возможно ли все-таки протиснуться между молотом и наковальней и, не занимая никакой политической позиции, все-таки попробовать продвинуться в понимании внутреннего состояния страны, в которой одни имеют счастье, а другие – несчастье родиться.

Вследствие такого двойного понимания, являются и два направления, оба желающие блага России, но розно ее понимающие, – направления, между которыми идет борьба мысли, в той или другой умственной сфере, широко обхватывая собою и быт, и язык, и историю, и все области разумной жизни человека. Одно направление известно под неточным именем: Западного, другое под неточным именем: Славянофильского. Всем сердцем отвергая первое направление, всем сердцем следуем второму.

Константин Аксаков. 1857

Тезис 1. О государственности Русского народа. *Русский народ есть народ не государственный, то есть не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. (Записка.)*

Есть люди, которые любят водить машину. Даже если это сопряжено с непроизводительной тратой времени и средств, они покупают автомобиль и холят, и лелеют его. Но есть люди, которые предпочитают, чтобы их возили. Есть люди, которые любят управлять. Они считают, что у них это хорошо получается, и это часто бывает оправдано. Есть люди, которые могут управлять своим хозяйством, но не хотят участвовать в делах государственных. Например, Василий Васильевич Капнист поработал в роли чиновника всего восемь месяцев, да и ушел, чтобы больше не возвращаться на эту стезю. Впрочем, знаменитое наставление

«на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся»

не имеет запретительного характера. Оно известно издавна, по-моему, о нем писал еще Татищев. Денис Давыдов не любил эту поговорку и считал, что у молодого человека должно быть в нужной мере развито честолюбие.

Везде на поэзию, кипящую и в душе, и в глазах, и в словах моих, встречал я прозаическое словцо: «Это вам делает честь!» – «Умилосердитесь! Я не похвалы прошу, я прошу помощи: не дайте мне заглохнуть в гарнизонной службе и на придворных балах; дайте подышать чистым воздухом!» – «Вы знаете, что государь не любит волонтеров». Я принимал за клевету такое святотатственное слово насчет государя императора, почитая за сверхъестественное дело, чтобы русский царь не любил тех, кои рвутся вперед.

Денис Давыдов. Воспоминания

Впрочем, и время было такое, когда рвение в делах службы перестает быть зазорным и формула Андрея Петровича Гринева уступила первое место формуле Александра Петровича Куницына:

Любовь и к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями.

Александр Петрович Куницын, который читал курс естественного права, вряд ли имел в виду политическую активность лицеистов. Правда, Аксаков в своей Записке пошел дальше и говорит непосредственно о равнодушии

русского человека по отношению к политическим правам, которые находятся как бы в ведении государства. В эту систему политических прав входит и международная политика, и администрирование, то есть государственное управление, и налоговая система.

*И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.*

Хотя, конечно, вопрос ставился не столько об отделении государственных прав, которые как бы находятся в ведении государства, сколько о правах естественных, которые находятся в ведении отдельного человека и общества.

...наши правители могут иметь лишь ту власть над нашими естественными правами, какую только мы передали им. Прав свободы совести мы никогда им не передавали и не могли передать. За них мы отвечаем перед нашим Богом...

Томас Джефферсон. Заметки о штате Виргиния

Америка, состоящая из пришлых людей и рабов, привезенных из другого континента, несколько иначе смотрит на естественные права, нежели Россия.

Россия расширяется по другому закону, чем Америка, оттого, что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны...

А. И. Герцен. 1857

Общие правила, тем не менее, одинаковы.

Правительству – неограниченная власть государственная; народу – полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству – право действия и следовательно закона; народу – право мнения и следовательно слова.

К.С. Аксаков. Записка

Всякое стремление народа к государственной власти отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подрывает свободу политической, внешней, свободу духа, внутреннюю. Государствование становится тогда целью для народа, и исчезает высшая цель: внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный подвиг жизни. Правительством народ быть не должен. Если народ – государь, народ – правительство, тогда нет народа.

К.С. Аксаков. Записка

Тезис 2. Петр I, административная опека и политическое властолюбие. *Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия, но внутреннюю ее целость он поразили растлением; он внес в ее жизнь семена разрушения, вражды. Да и все внешние славные дела совершил он и преемники его – силами той России, которая возрастала и окрепла на древней почве, на других началах. (Записка.)*

Да, автор «Записки» – идеалист, но этот идеалист оказался пророком, и печальная правда его пророчества сама собою свидетельствует о реальной истине, которая лежала в основе его идеализма... Объяснив, что Петр изменил самые отношения власти к народу, установил именно ту административную опеку над жизнью частною и общественною, ... или, по словам К. С. Аксакова, ту «систему вмешательства в общественную, внутреннюю свободу жизни», которая, порождая в людях «рабское чувство», вместе с рабским чувством вызывает в них, как рабскую похоть, «политическое властолюбие», – этот свободный духом подданный пред лицом своего Государя исповедует далее следующее: «Как скоро правительство отнимает постоянно внутреннюю, общественную свободу народа, оно заставит, наконец, искать свободы внешней, политической. Чем далее будет продолжаться петровская правительственная система, – хотя по наружности и не столь резкая, как при нем, – система, столь противоположная русскому народу, вторгающаяся в общественную свободу жизни, стесняющая свободу духа, мысли, мнения и делающая из подданного раба: тем более будут входить в Россию чуждые начала, тем более людей будет отставать от народной русской почвы, тем более будут колебаться основы русской земли, – тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат наконец Россию – когда она перестанет быть Россией. Да, опасность для России одна: если она перестанет быть Россией, – к чему ведет ее постоянно тепережнящая петровская правительственная система. Дай же Бог, чтоб этого не было».

И. С. Аксаков. О «Записке» К. С. Аксакова

Петр I – одна из тех исторических фигур, которые заставляют сомневаться в возможности отыскать историческую истину. Категорические оценки с той и другой стороны зависят и от времени и от положения, того угла зрения, под которым смотрит исследователь на радужную призму, в которой преломляются события переходного периода, которым является, конечно, время правления Петра Великого. При этом Павел Васильевич Чичагов, как и Аксаковы, отрицательно относился к деятельности Петра, а, например, Сергей Михайлович Соловьев – сугубо положительно. Хотя кажется, что переместись эти персонажи в наше время – их оценки были бы иными. Более того, до сих пор не прекращаются споры о том, как относился к Петру I Пушкин.

Тезис 3. Свобода слова. *При нравственной свободе и нераздельной с ней свободе слова, только и возможна неограниченная благотельная монархия; без нее, – она губительный, душевредный и недолговечный деспотизм, конец которого – или падение государства, или революция. Свобода слова есть верная опора неограниченной монархии: без нее – она (монархия) непрочна.*

Времена и события мчатся с необычайной быстротой. Настала строгая минута для России. России нужна правда. Медлить некогда. – Не обинуясь, скажу я, что, по моему мнению, свобода слова необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользой может созвать Земский Собор. (Дополнение к «Записке»).

Все бы хорошо, но лазейка для несвободы все-таки остается.

Разумеется ли под этим уничтожение цензуры? Нет. Цензура должна остаться, чтоб охранять личность человека. Но цензура должна быть как можно более свободна относительно мысли и всякого мнения, как скоро оно не касается личности. Я не вхожу в обозначение пределов этой свободы, но скажу только, что чем шире будут они, тем лучше. Если найдутся злонамеренные люди, которые захотят распространить вредные мысли, то найдутся люди благонамеренные, которые обличат их, уничтожат вред и тем доставят новое торжество и новую силу правде. Истина, действующая свободно, всегда довольно сильна, чтоб защитить себя и разбить в прах всякую ложь. А если истина не в силах сама защитить себя, то ее ничто защитить не может. Но не верить в победоносную силу истины, значило бы не верить в истину. Это безбожие своего рода, ибо Бог есть истина.

На самом деле это проблема. Если мы снимаем полностью цензуру, то Барковы создадут атмосферу, несовместимую с тем стилем, который был порожден золотым веком русской литературы. Похоть политическая появится вслед за похотью физической. Трудно себе представить в этой атмосфере появление в журналах текста песни про жаворонка, который поет между небом и землей, или текста песен Алексея Федоровича Мерзлякова. Книжные магазины мгновенно станут подобны нашим газетным киоскам. Возможна ли «золотая середина»? Есть большие сомнения.

Конечно, одной из причин столь эмоционального отношения к свободе слова было то обстоятельство, что все славянофилы (Хомяков и братья Аксаковы во всяком случае, хотя отец братьев был в свое время цензором) были лишены в свое время возможности печататься. Но есть другая сторона этой медали. Очень малозаметная и очень важная. О ней говорил Тютчев, ее имеет в виду и Константин Аксаков, но эту идею еще нужно «вытащить» из его текста.

Дело в том, что идеи, запрещенные правительством к опубликованию, а тем более наказываемые, приобретают «защитный ореол» в народе. В результате народ, который привык к тому, что идеологическая борьба – не его дело, привык полагаться на правительство, становится беспомощным, когда решается его судьба, а само правительство по какой-то причине стало не способно влиять на ситуацию. Так произошло в начале двадцатого века и в его конце. То же самое произошло на Украине в 2014 году. Примеров можно привести много, но есть примеры и обратные, когда прекрасно гибнет государство (форма правления) при наличии свободы слова.

Еще об одном эффекте хотелось бы сказать, хотя он и далек от того, что имел в виду Аксаков. Очень многие слова свободны и понятны, когда их «свободно», то есть без внешнего принуждения использует народ, используя правило Апостола Павла

Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода. (2 Кор.3:17)

Но философы и публицисты отказываются от привязывания свободы

вообще, а тем более свободы слова к «Духу Господню». И что еще хуже, делают слова несвободными, привязывая их к избранной ими интерпретации. При этом делая вид, что все вокруг понимают так же, как и они, что такое «народность», «самосознание», как, впрочем, и то, что такое «материя» или «бытие».

Многие из этих слов «дышащие». Для них и для рассуждений, использующих эти слова, действует «принцип неопределенности». Это замечено было давно, но как сформулировать этот принцип? Леон Альберти сформулировал его оригинально, но очень разумно (см. «Консерватор», выпуск 3):

Принцип Альберти: Пахать землю и хороши и плохи.

С. С. Уваров выразился более просто (см. «Консерватор», выпуск 1):

Утомительно злоупотребление слов и частое обращение на одной и той же мысли.

Существует в истории множество попыток сформулировать этот принцип неопределенности, придать ему рациональную или образную форму. Существует и множество слов, на которые распространяется этот принцип. Например, такие слова как «демократия» или «коррупция». Характерной особенностью таких слов является злоупотребление ими без отчетливого определения, не использующего слова такого же характера.

Тезис 4. О коррупции.

При потере взаимной искренности и доверенности все обняла ложь, везде обман. Правительство не может, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; без свободы общественного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж – страшны. Это до того вошло, так сказать, в воздух, что у нас не только те воры, кто бесчестные люди: нет, очень часто прекрасные, добрые, даже в своем роде честные люди – тоже воры: исключений немного. Это сделалось уже не личным грехом, а общественным; здесь является безнравственность самого положения общественного, целого внутреннего устройства. (Записка.)

Очень трудная тема из-за своей эмоциональной и поверхностной навязчивости и затасканности. Что означает выражение «огромные размеры»? Коррупция в России была много ниже по уровню, чем коррупция, например, в Турции, Англии или других европейских странах. Была и борьба с коррупцией и тому есть множество примеров. Считается, что основным противоядием является наличие хороших законов. Не уверен в этом.

Тем не менее, законы должны быть. Они были и в СССР, но коррупция там была, хоть и своеобразная, но покруче. На одно из условий указывает сам Аксаков. Это гласность.

Скажу только, что истинные отношения, в которые станет государство к земле, что общественное мнение, которому дается ход, оживя весь организм России, подействует целительно и на эти язвы; в особенности же на взяточничество, для которого так страшна гласность общественного мнения. Сверх того, общественное мнение может указать на средства против зол народных и государственных, как и против всяких зол.

(Записка.)

Отмечу, что существует целый комплекс «гигиенических мер» и условий, кроме гласности, но этот комплекс несложно осуществить при желании. Необходимо желание. Но есть сомнение в его наличии. У кого?

Тезис 5. О законах писанных и неписанных.

Гарантия нужна! – Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла. Вся сила в идеале. Да и что значат условия и договоры, как скоро нет силы внутренней? Никакой договор не удержит людей, как скоро нет внутреннего на это желания. Вся сила в нравственном убеждении. Это сокровище есть в России, потому что она всегда в него верила и не прибегала к договорам.

Заметим, что династия Мин имела весьма совершенные законы, однако это не помешало Великой Минской империи рухнуть в 1644 году. Отлаженным было Римское право, но это не помешало распаду империи Римской. На очень большой высоте была юриспруденция в России в начале двадцатого века, но и это не спасло. Примеров множество и эти примеры позволили Тациту сформулировать правило:

Правило Тацита: Гибнущее государство имеет множество законов.

Множество законов создает иллюзию защищенности, в которую не верит простой народ, материальные средства которого не позволяют пользоваться этой защищенностью. Многовековая культура создала множество произведений в области литературы, живописи, кино, рассказывающих о бессилии законов, и это само по себе могло бы быть интересной темой для социологов.

Тезис 6. О русской одежде и бороде.

Славянофилы упрекают в том, что они хотели бы воротиться к русской одежде. Здесь, как и в других случаях, мнение их неясно понято. Славянофилы вовсе не желают, чтоб русская одежда была введена: в таком случае они предпочли бы лучше иностранное платье, чем русское, насильно вводимое. Славянофилы желают лишь одного: чтоб всякий мог одеваться, как кто хочет и чтоб русское платье было дозволено в России, как дозволено в России платье иностранное. Таким образом была бы снята с русской одежды полтора столетняя опала. Тогда для всякого, кто пожелает носить русскую одежду, можно будет надеть ее. Вот все, что желают славянофилы в вопросе об одежде.

К.С. Аксаков. Газета «Молва». 1857

Нужно сказать, что не столько из-за одежды сыр-бор, сколько из-за бороды. Правительству, хочешь не хочешь, приходится вторгаться в частную жизнь хотя бы в целях санитарного контроля. Появление во времена Петра серьезных проектов: корабельное строительство, строительство крепостей, больших зданий и фабрик, мощение дорог и улиц, постройка каналов – все это требовало концентрации на сравнительно небольшом пространстве значительного количества рабочих и obsługi и, следовательно, требовало санитарно-гигиенических мер. Честно говоря, сам Петр был тут ни при чем. Эпидемия тифа очень страшна и тут образованное сословие лучше бы показало пример покладистости, как великая царица показала пример, сделав себе прививку от оспы.

Санитарно-гигиенические меры, предпринимаемые правительством, всегда были непопулярны. Их нужно обсуждать, но лучше обсуждать отдельно. Что касается одежды, то форменная одежда для учащихся представляется разумной. В остальном – это дело моды, а в моде деспотизм Запада очевиден.

Тезис 7. Значение столицы.

Вследствие разрыва правительства с народом явились две столицы: народная (или земская) и правительственная (или государственная). При таком раздвоении, при отделении правительственного центра от центра народного, добра быть не может. Мы видим это перед глазами. Мы видим, до чего довела нас петербургская система. Мы видим, какие гонения и страшные плоды принесло отделение правительства от народа. Из всего сказанного необходимо вытекают следующие заключения:

Средоточие правительства должно быть там же, где средоточие народное. Это необходимое условие благоденствия страны. В России, наоборот, средоточие правительственное уже полтора столетия находится вне средоточия народного. Это неизбежный источник всех ее бедствий и зол. Для благоденствия России средоточию правительственному необходимо вернуться в средоточие народное. Другими словами: правительству необходимо перенести свою столицу из Петербурга в Москву.

Положение столицы в настоящее время чудовищно. Это огромный пылесос, высасывающий население из России. Искусственная и насильственная централизация сделали свое черное дело. Укрепили положение деньги. Столица превратилась в своеобразную резервацию. Основной завет, который четырежды повторяется в Библии, нарушается полностью.

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, (Быт.1:28)

Это катастрофа, ситуация, которая накапливалась много лет. И теперь лишь усугубляется с каждым днем.

Тезис 8. «Земельный» фазовый переход. *Так совершился разрыв царя с народом, так разрушился этот древний союз земли и государства; так вместо прежнего союза образовалось иго государства над землею, и Русская земля стала как бы завоеванною, а государство – завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ – значение раба-невольника в своей земле!*

(Записка.)

Когда мы пристальнее вглядываемся в историю, то начинает казаться, будто каждый промежуток времени есть в каком-то смысле переходный период. И все-таки, один фазовый переход по важности своей стоит выделить, хотя внешне он и малозаметен. Об этом фазовом переходе очень четко сказано в Ветхом завете:

И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. Только земли жрецов не купил, ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посею и не продали земли своей. (Быт.47:20-22)

Глава 6. Ф. И. Тютчев и Иван Аксаков: Народность

Твой муж всегда принадлежал к числу моих лучших убеждений.

Ф.И. Тютчев. Письмо к А.Ф. Аксаковой. 25 февраля 1866

Это русофобия некоторых русских людей – кстати, весьма почитаемых. Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д., и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили пристрастия к ней. Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи, здесь действуют только инстинкты, и именно в природе этих инстинктов и следовало бы разобраться.

Ф.И. Тютчев. Письмо к А.Ф. Аксаковой. 20 сентября 1867

Вкратце суть доктрины сводится к тому, что так называемая русская народность – всего лишь выдумка журналистов, что это понятие имеет смысл лишь в отношении пяти или шести миллионов населения центральных губерний, все же остальные части империи, включая Малороссию и даже область войска Донского, находятся, несомненно, во власти центробежной

силы и могут быть удержаны и сдержаны только грубой силой, физическим подавлением... Одним словом, целиком и полностью доктрина польской эмиграции, к тому же неосознаваемая... Однако это не помешало Шувалову изложить свою точку зрения касательно принципа русского самодержавия, которое он считает совершенно несовместимым не только с каким бы то ни было прогрессом, но даже с какой-либо последовательностью в действиях... И подобные негодяи управляют Россией.

Да, конечно, Россия окажется тем, за что они ее принимают, если она будет и далее сносить позор того, что во главе ее находятся такие негодяи...

Сталкиваясь с подобным положением вещей, буквально чувствуешь, что не хватает дыхания, что разум угасает. Почему имеет место такая нелепость? Почему эти жалкие посредственности, самые худшие, самые отсталые из всего класса ученики, эти люди, стоящие настолько ниже даже нашего собственного, к стати очень невысокого уровня, эти выродки находятся и удерживаются во главе страны, а обстоятельства таковы, что нет у нас достаточно сил, чтобы их прогнать? Это страшная проблема, и разрешение ее, истинное и в полной мере разумное, боюсь, находится вне наших самых пространных рассуждений. Есть одно несомненное обстоятельство, но до сих пор оно еще недостаточно исследовано... Оно заключается в том, что паразитические элементы органически присущи святой Руси... Это нечто такое в организме, что существует за его счет, но при этом живет своей собственной жизнью, логической, последовательной и, так сказать, нормальной в своем пагубно разрушительном действии. И это происходит не только вследствие недоразумения, невежества, глупости, неправильного понимания или суждения. Корень этого явления глубже и еще неизвестно, докуда он доходит.

Ф.И. Тютчев. Письмо к А.Ф. Аксаковой. 20 апреля 1868

Любопытен и достоин тщательного исследования вопрос: отчего же при этих условиях мы не обрусели Западный край, владея всеми нужными для того материальными способами, и даже внешними соблазнами государственной силы, могущества, славы? Отчего мы не обрусели Остзейских провинций? Правда, последние пользуются особыми преимуществами, – но ведь губернии Западного края не ограждены никакими привилегиями в пользу польской стихии, напротив, русский элемент поддерживается там всеми средствами русского могущества.

Ответ наш очень прост. Чтобы обрусеть – надо быть русским, а русских-то между нами и нет. Поляки более поляки, чем мы русские. Прежде чем обрусивать (если можно так выразиться) поляков, русским следует обруситься самим. Конечно, русский простой народ несомненно и неколебимо русский, но, как мы уже не раз говорили, одна непосредственная бытовая сила народности, без народного самосознания, без деятельности народного духа в высшей области мысли и знания, есть сила пассивная, не только не

способная подчинять себе чужие, сколько-нибудь развитые народности, но сама легко, незаметно им подчиняющаяся. Повторяем, без высшей сознательной деятельности народного духа народность масс не надежна. Область же этой деятельности есть именно то, что называется обществом, то есть среда, где личное просвещение народных единиц, переставших быть однородною массою, образует новое сознательное народное единство, новую силу общественности. А есть ли у нас эта сила? Есть ли у нас русские, кроме простого народа, лишенного всяких средств к образованию? Есть ли у нас это русское общество?

Разрешению этого вопроса может нам отчасти пособить помещаемые нами ниже письма из Парижа. Что делает русское общество в то самое время, когда мы так бедны и слабы общественною силою, когда нам так настоятельно нужно общество как необходимый орган народного развития? 275 000 русских, уехавших в 1860 г. за границу – эта цифра служит самым красноречивым ответом: 275 000! Это значит, по крайней мере, 70 000 семейств; это почти целая четверть русского дворянства, – но, разумеется, не одно дворянство участвовало в этой эмиграции. Разумеется также, что значительная часть уехавших возвратилась, – да мы и не против путешествия по чужим землям и считаем его даже очень полезным, – а наша речь направлена против той огромной массы русских, которые из путешественников обратились в оседлых заграничных жителей, и в особенности против тех, которые воспитывают своих детей за границей. Хороши выйдут русские – эти несчастные дети, так деспотически лишаемые родителями всего, что может дать только отчизна: общезо единства жизни с русским народом, родного быта, связывающего дитя неуловимыми нитями с его землею, воспитывающего и укрепляющего человека в духе его народности сильнее и прочнее всяких уроков и наставлений, впечатлений родной природы, непосредственного действия на ум и душу народного ума, народной речи... Такое варварское посягательство на детские души приняло у нас в последнее время громадные размеры. Нежные родители без церемоний крадут у русского ребенка его народность и уверяют себя и других, что готовят самостоятельных деятелей, полезных граждан и гражданок, воображают, что исполняют свой долг, приносят жертву, пребывая за границей. И все это ложь! Они даже и жертвы никакой не приносят, а живут за границей потому, что им там приятнее, чем дома, где они, в душевной своей пустоте, не находят для себя дела, или где, напротив, есть дело, трудное, некрасивое, но тем не менее полезное дело, которого они бегут, предпочитая быть праздными, чуждыми гостями на чуждом пиру; они готовят не самостоятельных деятелей, о чем они вовсе и не заботятся, а космополитов с общевропейскою казенною физиономиею и душою, без национальности, без отечества, без церкви, – людей, которым подобных не представляет Европа, где нет безличных физиономий, где немислимо человеческое развитие вне народности.

Недавно в «Московских Ведомостях» напечатано воззвание русских дам и кавалеров, пребывающих в Дрездене, к благотворительности русских, живущих в России, для довершения в Дрездене православной церкви. Особы, подписавшие это приглашение, умиительно описывают удобство и прелесть дрезденского житья и наивно говорят о выгодах воспитания русских детей среди немцев. Известно, что Дрезден сделался теперь чуть-чуть не русскою колонией, так что число детей, воспитываемых в Дрездене, представляет очень почтенную цифру. Для того же, чтоб это отступничество от своей народности совершилось с большим комфортом без упрека для робкой совести, и главное – служило приманкой для прочих русских семейств, еще коснеющих в России, построена там русская церковь. Если бы в Дрездене жили только бедные русские, лишенные средств воспитывать детей дома, мы бы не сказали ни слова, но судя по подписям мы вправе утверждать, что эти семейства имеют полную возможность дать прекрасное воспитание своим детям и в России. К чему же совершать, повторяем, это воровство-кражу у русских детей их русской народности?

Точно с тою же целью предполагается постройка церкви и в Женеве, где в настоящее время до 200 русских семейств воспитывается в разных швейцарских пансионах...

И это наши будущие вожди народа! Это будущий состав русского народного общества!

Ни презрение иностранцев, так громогласно высказавшееся недавно во французском сенате и английском парламенте устами принца Наполеона, Бонжана, Генесси и других, ни оскорбления, наносимые ежедневно и ежечасно русской не только государственной, но и народной чести всеми органами европейской публичности, ни положение самой России, трудное, исполненное опасностей, России, вступившей в критический период существования, России, богатой делом всякого рода, не правительственным только, но и общественным, – ничто не вразумляет, ничто не возмущает наших заграничных русских, продолжающих тратить в пользу иноземцев наши русские деньги!

Спрашиваем опять читателя: в состоянии ли эти русские, изготовляемые нам слабоумием попечительных русских родителей за границей, в состоянии ли они будут обрусить опояченных туземцев Западного края, сладить с напором германизма, возродить к самостоятельной нравственной деятельности русское общество, восстановить союз общества с народом, стать представителями русского народа и оживить Россию новыми духовными силами, силами просвещенной русской народности, без которых все ее материальное могущество мертво и бесплодно!

С подобным обществом мы не в состоянии дать никакого отпора Европе...

И.С. Аксаков. «День». 23 марта 1863

Несмотря на наш иронический приступ, мы далеки от мысли, чтобы во всем общественном оживлении и движении нынешнего лета не проявилось, рядом с многою ложью, и много правды; чтобы в оглушительном хоре фальшивых, визгливых, крикливых голосов и звуков не гудела в то же время басовая струна (может быть, даже мало замеченная самим обществом), не звучал Grundton, как говорят немцы-музыканты, – основной тон всего русского государственного и земского строя. Сказалась действительно сила, – сила великая, историческая, сила не только общественная, но сила земская, бьющая прямо из почвы: эта сила – сознание единства и целостности русской земли, не только как существующего факта, но как исторического призвания, – смутная, но твердая вера в великое будущее, – живое чувство чести государственной, живая неразрывная связь земли с государством, которое она не даром же строила тысячу лет, на которое потратила так много жизни, для которого принесла столько ведомых и неведомых жертв! Эта сила сказывается и встает при всякой видимой внешней опасности, грозящей самому существованию государства, при всяком оскорблении нашей чести государственной, при всякой попытке разорвать единство и целостность Руси, – встает и увлекает в одном чувстве всех, от мужика-лапотника даже до аристократа, едва лепечущего по-русски (и тот – с французским языком на устах, готов положить – и точно, положит свой живот за Россию, в которой в обыкновенное время ему даже и жить противно)... Мало того, если кто, как бы ни были по-видимому велики, строги и возвышенны его запросы, не в состоянии одушевиться общим движением и сочувственно отозваться на общий клик; кто может оставаться равнодушным к пришествию врагов на русскую землю или же стать в ряды их хотя бы ради воображаемого им для России блага, тот уже до корня испорчен, не годится для русской земли, подрезал в себе русский исторический нерв, посягнул в себе, так сказать, на самую правду естества, тот для России – бесплодная евангельская смоковница, и сам себя осуждает на участь этой смоковницы! И всякий раз, когда общество совпадает в своих проявлениях с этим основным тоном русской земли, оно представляется действительно какою-то силою.

И. С. Аксаков. «День». 30 ноября 1863

На этом мы, пожалуй, и закончим. Тексты этой главы вряд ли нуждаются в комментариях.

А. В. Осипов

Хронология Крымской войны

(по русскому календарю)

1828. Май. Началась война с турками. А. С. Хомяков снова поступил на службу в Белорусский гусарский полк, где был адъютантом при генерале Мадатове, участвовал во многих делах и выказал блестящую храбрость. Ранение в ногу и контузия. Получил два ордена св. Анны (один с бантом) и св. Владимира. По заключении Адрианопольского мира Хомяков во второй и последний раз вышел в отставку.

1829. 2 сентября. Подписан Адрианопольский мирный договор.

1838. Построен первый в мире (английский) винтовой пароход «Архимед».

1839. Построен первый (английский) мореходный железный военный корабль «Немесис», принадлежавший Ост-Индской компании.

18 марта 1839 – 29 августа 1842. Первая опиумная война.

1841. Первый в мире (французский) настоящий боевой пароходофрегат «Гомер» (20 орудий).

1844. Конец мая. Визит Николая I в Лондон.

1845. Летом – прибытие Николая I в Севастополь для высочайшей инспекции.

И.К. Айвазовский. Русская эскадра на Севастопольском рейде. 1846

1846-50. Изобретение запала Боксера, инерционного взрывателя Фрибурна и ударного взрывателя Мурсена. Удушающие ядра. Разработка подводных устройств доктора Пайерна. Винтовка (и пуля) Минье.

1849. Лето. Введение корпуса И.Ф. Паскевича в Австро-Венгрию.

1850. Май. Начало спора о Вифлеемских ключах.

1851. 19 декабря. Императором Францем-Иосифом отменена конституция Австрии «дарованная» 20 февраля 1849 года.

1852. Ноябрь. Начало Второй империи. Луи-Бонапарт провозгласил себя императором Наполеоном III.

1853. 6 июня. Манифест Николая I о занятии Придунайских княжеств (Молдавия и Валахия).

27 сентября. Послание от командующего турецкими войсками Омера-паши с требованием очистить Дунайские княжества в 15-дневный срок.

28 сентября. Приказ Меншикова: *решение восточного вопроса клонится более к войне, чем к миру, и к войне со стороны турок наступательной.*

16 октября. Героическая оборона поста Св. Николая на Кавказе. Жестокая расправа турков с побежденными и жителями.

23 октября. Бой при Ольтенице

2 ноября. Сражение при Баяндуре.

14 ноября. Сражение при Ахалцихе.

18 ноября. Синопское сражение.

Декабрь. Атаки турок у Рощука, Никополя, Систова.

1854.

13 февраля. Спущен на воду винтовой пароходофрегат «Миранда» (четырнадцать 32-фунтовых пушек).

Март. Русские войска переправились через Дунай и в мае осадили Силистрию.

15 марта. Объявление Великобританией и Францией войны России.

23 марта. Стихотворение А.С. Хомякова «России» («Тебя призвал на брань святую, тебя господь наш полюбил...»).

Июль. 40 тыс. французов и 20 тыс. англичан высадились под Варной.

7 июля. Бомбардировка Соловецкого монастыря английскими фрегатами «Миранда» и «Бриск».

3 – 16 августа. Битва за Бомарсунд.

11 августа. Бомбардировка города Кола пароходофрегатом «Миранда». Город разрушен практически полностью.

18 августа – 24 августа. Оборона Петропавловска на Камчатке.

2 сентября. Высадка союзников в Евпатории.

2 сентября. Падение Бомарсунда.

8 сентября. Сражение на Альме.

5 октября. Первая бомбардировка Севастополя с моря и суши.

13 октября. Тонкая красная линия. Кардиган и Реглан.

Роберт Гибб. Тонкая красная линия. (Сражение под Балаклавой.)

1855. 18 февраля. Смерть императора Николая I.

Февраль –март. Постройка англичанами железной дороги длиной 12,8 км от Балаклавы до Сапун-горы.

27-28 июня. Отражение английской атаки на деревню Лямца в архангельской области.

6 июля. Бой у Кандалакши.

28 июля. Бой у Свеаборга.

30 августа. Войска антироссийской коалиции вступили в Севастополь.

1856. 26 сентября. Объявление Великобританией войны Китаю. Вторая опиумная война.

Ричард Вудвиль. «Балаклавское сражение».

Гаевская Мария Васильевна

Три примечания к теме Революции и Крымской войны

Примечание первое. Немного о Крымской войне

Тема Крымской войны созвучна настоящему моменту. Даже формальный повод, заставивший Николая Первого ввести войска в дунайские княжества, очень современен. Чем украинский «томос» хуже спора между католическим и православным духовенством о верности принадлежности святынь (Гроба Господня и Вифлеемского храма), которые находились в тот момент на территории Османской империи, и передачи Турцией ключей от храма католикам?...

Если бы «не сработал» этот повод, нашелся бы другой.

Но что интересно, Крымская война, формально завершившаяся поражением России, в России воспринимается «скорее как победа», а в Англии «скорее как поражение». И Балаклаву, кажется, в Англии упоминают чаще, чем в России. И, ставшие крылатыми, «тонкая красная линия» и «атака лёгкой кавалерии» звучат не очень-то победно.

И в русской поэзии тема Крымской войны далека от «пораженчества»

*Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могилы... Люди в той стране
Ещё не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но – не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.*

28 декабря 1856. Н. Некрасов

*Насильством враг венчал свою гордыню,
Над камнями победу одержал,
Он разгромил бездушную твердыню,
Но русский дух в паденьи устоял.
Здесь понесла свой тяжкий крест Россия;
Но этот крест – сокровище для нас;
Таятся в нём страданья нам родные,
Страдал и Тот, Кто мир страданьем спас.*

1867. Петр Вяземский

*И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов её смелых...
Пусть нерадостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.*

1869. Алексей Апухтин

*Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой!
Что с гордостью я всем сказать могу:
я – русский!
Что пламенем одним с Россией я горю!
Что слезная о ней в душе моей забота!
Что тот же мощный ветер расправил парус мой,
Которым движимы неслися под грозой
Громады кораблей Нахимовского флота!*

1854. Аполлон Майков

УСПАЛЬНИЦА АДМИРАЛОВ

*Я думал о традиции большой,
служившей Севастополю подспорьем,
когда увидел дрогнувшей душой
Владимирский собор над Черным морем.*

*Не только современники мои –
в тот год у осажденных рavelинов
вели в горящем городе бои
Нахимов, Лазарев, Истомин и Корнилов.*

*И стены боевой гробницы их,
отметки и рубцы сражений правых
читаются поныне как дневник
тех дней победоносных и кровавых.*

*Взгляни, поэт, на эти купола
и ощути высокое единство.
Традиция для нас не кабала,
а верности живое материнство.*

*Я так воспринимаю эту честь,
когда мы о заботах наших спорим.
Есть Родина, поэзия, и есть
Владимирский собор над Черным морем.
Сергей Дрофенко 1962-1966.*

Примечание второе.**Революционные процессы в России через призму поэзии**

Поэт – это камертон резонирующий с энергетикой настоящего момента. Процесс двоякий:

- 1) поэтическое воплощение «энергетической сути» момента.
- 2) востребованность той или иной поэтической энергетики в данный момент времени.

Своих «Гимнов Революции» у России не было, поэтические знамена позаимствованы в Европе.

Это Марсельеза, Интернационал и Варшавянка, тексты которых, в русском переложении, смягчены, но энергетика сохраняется.

Удивительно то, что Варшавянка, гимн польского восстания 1830-31 (текст написан французом Казимиром Делавинем) изначально имела антирусскую направленность (в конце 7-го куплета там прямо говорится, что даже своей гибелью восставшая Польша может спасти Европу от Российской интервенции). А первая строфа стихотворения Делавиня (а за ней – первый куплет песни) подчёркивает связь восстания с Июльской революцией во Франции; таким образом национальное восстание рассматривается как часть общеевропейской борьбы за свободу).

Но Варшавянка стала гимном и Русской революции 1905 года.

Есть две Варшавянки – гимн ноябрьского восстания (1831) и Варшавянка 1905 года – текст Савиницкого, перевод и переложение Лаврова. Та, где «вихри враждебные веют над нами». Но музыка и энергетика у них общая.

Чисто русским гимном революции можно считать «Песню о Буревестнике» (1901 г). Но в ней есть только энергетика движения, борьбы, мятежа, но нет призыва «на виселицу королей». Отражение энергетической сути момента.

Далее – стихи трех разных поэтов, обладавших редкой чувственной впечатлительностью.

Одно написано в 1870, другое в 1905, а третье – в 1921 годах. Предчувствие процесса, начало действия и завершение этапа.

Два единства

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней –
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши –
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней...*

Сентябрь 1870. Федор Тютчев

Весы качнулись

Весы качнулись мировые,
Высоко подняты судьбой.
На чашу темную Россия
Метнула жребий тяжкий свой.
Молчи и никни долу, право,
Се – высшей истины черед:
Предначертан борьбы кровавой
Единый праведный исход.
Кто б ни был вождь, где б ни был случай,
Над зыбью дней властитель Рок.
Кто заградит в горах ревучий
И к морю рухнувший поток?

1905. Валерий Брюсов

Знаки

Шумели и текли народы,
Вскипела и прошла волна –
И ветер Славы и Свободы
Вздвухвал над войском знамена...
И в каждой битве знак особый
Дела героев освещал
И страшным блеском покрывал
Земле не преданные гробы.
.....
Текли века потоком гулким,
И новая легла тропа,
Как по парижским переулкам
Впервые ринулась толпа,-
Чтоб, как взволнованная пена,
Сметая золото палат,
Зеленой веткой Демулена
Украстить стогны баррикад...
И вот, возвышенно и юно,
Посланницей высоких благ,-
Взнесла Парижская Коммуна
В деснице нищей красный флаг...
И знак особый выбирая
У всех народов и времен,
Остановились мы, не зная,
Какой из них нам присужден...
Мы не узнали... И над нами
В туманах вспыхнула тогда,
Сияя красными огнями,
Пятиконечная звезда!..

1921. Эдуард Багрицкий

Этот символ, известный с глубокой древности, у разных народов и в разные времена служил и оберегом для «запечатывания дверей» от злых сил, и обозначал 4 стихии и «пятый элемент», олицетворял пять ран Христа.

И в заключение. О современных знаменах. Сейчас идет процесс, направленный на девальвацию слова. Полуправда мешается с домыслами и в этом потоке тонет смысл. Но поэзия, основанная на интуитивном подсознательном восприятии сути, очень хочу на это надеяться, останется чувствительным камертоном.

Свободное слово

.....
.....

*О, слово, дар бога святой!..
Кто слово, дар божеский, свяжет,
Тот путь человеку иной –
Путь рабства преступный – укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О духа единственный меч,
Свободное слово!*

1854. Константин Аксаков

Примечание третье. Возвращаясь к Крымской войне

В Винчестере есть забавный музей, по сути, музей колониальных войн (национальная гордость). Вход один, а за ним два музея. Налево – музей королевской кавалерии, а направо – музей гуркхов. И в том и в другом – Крымская война и Балаклава.

Гуркхи – элитные подразделения британских колониальных войск. В Непальской войне 1814-1816г.г. англичане не смогли одолеть гуркхов и не стали продолжать попытки, а предложили им работу – воевать за Британскую корону.

«Если мужчина говорит, что он не боится смерти, он либо лжец, либо гуркх» – так говорили британские офицеры, вспоминая гуркхов. Гуркхи, гималайские горцы – элитное подразделение Британских колониальных войск, которых бросали на самые ожесточенные участки битвы. За 200 лет службы английской короне они зарекомендовали себя дисциплинированными, выносливыми и никогда не отступающими воинами. С 1815 года гуркхи участвовали в подавлении восстаний в Индии и Китае, воевали с немцами в годы Первой и Второй Мировых войн, сражались в Афганистане и скрестили ножи даже с русскими штыками во время Крымской войны. Какой была встреча легендарных горцев с русскими солдатами?

Единственный эпизод о сражении русских солдат с английскими гуркхами относится к русско-турецкой войне 1853-1856 гг. В конце 1854 года союзные армии Франции, Англии и Турции окружили Севастополь. Подступ к городу защищали 4 русских бастиона. Третий бастион прикрывал подступы к Южной бухте и центру города. Именно его выбрали в качестве своей цели англичане, назвав укрепление «Большим реданом».

Ранним утром июня 1855 года начался первый общий штурм города. Французы бросились на 1-й и 2-й бастионы, а потом и на Малахов курган, англичане взяли на себя 3-й бастион. Французы отправили вперед себя колониальные войска зуаве (аборигены Северной Африки), британцы пустили в бой гуркхов (гималайские горцы).

Обороной третьего бастиона командовал вице-адмирал А.И. Панфилов. По

сообщениям историков, бастион штурмовали шесть раз, однако каждый раз защитникам удавалось сбросить противника за стены и организовать преследование. Трусами с обеих сторон были завалены все подступы к укреплению. Особенно драматичным оказался последний шестой штурм. Истощав возможности английской пехоты, британцы бросили в атаку гуркхов. Горцы, вооруженные кривыми ножами, были сильны именно в ближнем бою. Под ураганным огнем артиллерии и мушкетов им удалось добраться до бастиона и вступить в рукопашную схватку. Однако, русские ничего не знали о гуркхах. Из-за яркой одежды и смуглой кожи, русские солдаты посчитали, что сражаются с турками. Турки считались слабым и трусливым противником, а потому атака гуркхов вызвала обратный ожиданиям англичан эффект – боевой дух защитников значительно вырос. В ожесточенном бою русская пехота полностью вырезала весь колониальный отряд гуркхов. На протяжении всей осады Севастополя 3-й бастион так и не был захвачен противником.

Александр Иванович Панфилов (1808-1874):

В ноябре 1854 года за службу на Севастопольских бастионах Панфилов был награждён орденом св. Георгия 3-й степени; кроме этой награды, он получил золотую, осыпанную бриллиантами саблю с надписью «за храбрость», за отбитие штурма 6 июня 1855 года.

Также он наряду с генералом Хрулёвым являлся главным героем отбития штурма 27 июня. После смерти адмирала Нахимова Панфилов занял его пост – помощника начальника гарнизона и был произведён в вице-адмиралы с назначением начальником 5-й флотской дивизии. При отступлении наших войск на Северную сторону, Панфилов оставил Севастополь последним (за что получил орден св. Анны 1-й степени с короной).

V. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБ

ВЛАДИМИР МЕНЬШИКОВ

ЗАЖРАВШИЙСЯ «УЗНИК СОВЕСТИ»

(В рамках продолжающейся дискуссии, посвященной 100-летию
А. Солженицына)

В. И. Чернышев

Страстная речь в защиту русского писателя

(а недавно прочитал, что Виктора Астафьева надо было расстрелять, да и Валентин Распутин и Василий Белов виноваты в падении советской власти)

ЗАЖРАВШИЙСЯ «УЗНИК СОВЕСТИ»

1

Мне не нравится капиталистическое устройство общества, так как при нем происходит нещадная эксплуатация труда, осуществляется обогащение одних за счет других, законодательные и силовые структуры работают в пользу денежных людей и т.д. Такие признаки нынешнего государственного строя, особенно национальные, характерные, можно перечислять достаточно долго, и все они вызывают у меня негативные и отрицательные эмоции.

Исходя из обозначенного, сам собой складывается ответ на вопрос, приемлемо ли для меня, авторитетно ли и ценно ли творчество А. Солженицына – всемирно известного приверженца капитализма и очернителя социализма. Вроде бы должен прозвучать однозначный приговор – «нет», но я долгое время отделялся ничего незначащими репликами, нейтральными или едкими отговорками. Окончательный и конкретный ответ по Солженицыну надо было все же дать к его 100-летию, которое отмечалось в конце 2018 году и перед которым в стране проходили многочисленные кинопоказы, организовывались шумные выставки и дискуссии, создавались Солженицынские центры, а в Москве и других городах воздвигались памятники «гонимому и великому». Я давно не перечитывал произведения Александра Исаевича и, честно говоря, не был готов к серьезному обсуждению его творчества, а тут чуть ли не потребовали: ответь да ответь, объяснись да объяснись. А время осень 2018 года, народ пребывал в моральной депрессии после принятия указов о повышении пенсионного возраста, всякое словесное возражение пресекалось. На фоне такого унылого разворота событий мне как раз хотелось положительно высказаться о Солженицыне как о неустрашимом и негнбиаемом оппозиционере, защитнике обездоленных и безработных.

На заседании секции критики в нашем, петербургском отделении СП России я даже произнес подобие оды, но не без иронии, в адрес «экибастузского сидельца», а красиво поменяв буковки в его фамилии, пафосно назвал его **Солнц**еницыным, то есть солнцем, яркие и правдивые лучи которого высветили все темные углы Совдепии. И сразу попал под довольно-таки звучный словесный залп тех, кто, мягко говоря, не одобрял деятельность Александра Исаевича. В аудитории поднялась ругань, в адрес «народного правдивца» явственно прозвучало несколько гневных выпадов, нелицеприятных замечаний. Я даже подивился ожесточенности некоторых выступающих, мол, зачем с пеной на губах разносить человека, повоевавшего и награжденного двумя боевыми орденами, мужественного писателя-лагерника, понуро «гянувшего» восьмилетний срок за критику деспотического сталинизма, впоследствии довольно уважаемого деревенского и рязанского учителя и, наконец, известного во всем мире правозащитника?

Таких критиков-крикунов, понахватавшихся не очень-то достоверных сведений в интернете о жизни Солженицына, я с грустью отнес к числу верхоглядов-знатоков, любящих попиариться или просто покрасоваться во время танцулек на костях знаменитых людей. Действительно, почему бы и не покритиковать и не осудить, если человек заслуживает, но зачем так «всезнающе» и оголтело призывать якобы к справедливому возмездию, хотя «писатель-лагерник» не является убийцей или прямым изменником Родины и своих солдат, каким был, скажем, генерал Власов.

К тому же Солженицын имел право на критику сталинских жесточайших порядков, считал это своим конституционным долгом и честно его выполнял. Но одно дело критиковать, когда являлся обычным офицером или начинающим писателем уже в эпоху хрущевской оттепели, а совсем другое, когда слова обличения социалистического режима звучат из уст литератора, которого напечатали в самом престижном журнале СССР «Новом мире», за каждой публикацией которого следили не только простые недоброжелатели всего коммунистического, но и такие авторитетные подрывники советских идеологических устоев, только и ждавшие, когда откроются «шлюзы» и хлынут потоки антисоветчины, чтобы самим попечататься, как допустим, Ахматова, Синявский, Галич...

Нет, в ту пору, когда Солженицын уже стал значиться рупором советской диссидентщины и начал осуществлять пропагандистские диверсии в странах социалистического лагеря (например, в некоторых исторических источниках отмечается, что не без его участия в свое время затеплилась, а затем разгорелась Пражская весна), когда его писательская и политическая деятельность становятся предметом обсуждения на заседаниях ЦК КПСС, тогда уже и мне, воскресившему или освежившему в памяти эти значимые события, стало понятно, что Солженицын не какая-то невинная жертва гонений и преследований, а матерый и признанный в мире антисоветчик, заслуживающий широкого осуждения. Тут-то на него хорошенечко и «навалились» доблестные советские пропагандисты: о предполагаемом вручении Ленинской премии речь уже не велась, начались «пропесочивания», «маринования», как бы составилось меню, преискурант услуг по обструкции и скорому остракизму, то есть отправке за границу. А когда его (в 1974 году) арестовали, обвинили в измене Родины с выдворением за пределы страны (на самолете отправили в Германию) – вообще тушите свечи! Доигрался зэк на интеллигентской скрипке!

Но нет, не на скрипочке тренькал Александр Исаевич, в деснице он держал не смычок, а авторучку, скрипя пером которой, азартно и самозабвенно писал свои знаменитые «малые произведения» «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор», показывая не жизнь московской столичной знати с ее посещениями театров оперы и балета, а существование в черных бедняцких деревеньках в послевоенные 50-е годы.

2

Я внимательно перечитал оба этих рассказа. Даже в первом ознакомлении они мне не показались. Я бы их художественные достоинства поставил не намного выше журналистского уровня, на каком были написаны очерки о деревенской жизни в обычных районных или областных газетах того времени. Кстати, стилистически и эмоционально газетные рассказы и очерки, и даже стихи провинциальных авторов, печатавшихся в «районках», можно сказать, явились «предтечами» правдивых романов Ф. Абрамова, В. Распутина, а так же поэтических произведений Н. Рубцова, Н. Старшинова, известных лириков-фронтовиков и др. К сожалению, в солженицынских рассказах мною сразу же обнаружилось нарочитость и сделанность, выявилось, что полная правда о жизни была подменена однобокой чернушной правдивостью, меня постоянно преследовала мысль, что в описаниях ужасов советской жизни тем не менее много декоративности и «красивости наоборот». Мне хотелось в разговорах со знакомыми писателями сопоставить мнения, познакомиться с другими, может быть, полярными точками зрения. Странно, но, наверное, потому, что популярность Солженицына, несмотря даже на приближающийся столетний юбилей, оказалась низкой, знатоками биографии и, увы, творчества оказались его крепкие идейные противники (И. Моисеева, Ю. Туйс, А. Белинский и др.). Они не принимают Евсеевича ни по частям, ни целиком, мажут его исключительно черной краской, бранят по-страшному и систематически дергают его за, как сами выражаются, псевдоклассическую бороду.

Тогда в поисках более лояльных оппонентов и объективных отзывов я полез в интернет и познакомился там с такими хвалебными и даже слащавыми характеристиками произведений «Великого опального», что впору стало не цеплять Солженицына за бороду, а целовать ее, как бы измазанную сладким медом и патокой прославления и беспредельного почитания. Видимо, в годы хрущевской оттепели и первых публикаций в «Новом мире» на эти рассказы накинудись как на экзотическую «лагерную вкуснятину», как на некую невидаль сотни сотрудников еще всюю функционирующих критических и литературоведческих отделов в журналах и вдохновенно написали множество впечатляющих критических работ. Потом количество исследовательских материалов существенно пополнялось статьями в периоды активизации читательского и издательского интереса к персоне «советского смутьяна». Имея на своей стороне такую мощную, во многих случаях талантливую «одобряме-критику», можно было смело идти и героически сворачивать горы и пики коммунистической идеологии.

Вот примеры аналитическо-метафорических отзывов на рассказ «Один день Ивана Денисовича», который с благословения самого генсека Хрущева был напечатан в 1962 году на страницах «Нового мира». Эти литературоведческие зарисовки, выжимки из критических осмыслений, мнения из диссидентско-подпольных изданий или из журналов «первой» и «второй» волны масштабного разоблачительства перестроечного периода 80-90-х годов:

«Иван Денисович – типичный герой, обобщенный образ не только заключенного, но и вообще советского человека, выживающего несвободно».

«Лагерь, показанный в «Одном дне» – это советская тюрьма народов (отбывали срока люди самых разных национальностей)».

«Заключенные в этом рассказе строят «Соцбытгородок». Сначала натягивают для себя колючую проволоку и, оказавшись в ее заградпериметре, наконец-то приступают непосредственно к возведению объекта. Идет сравнение огороженного стройучастка со всем масштабнейшим СССР, окруженным железным занавесом».

«Обозначена традиционная для русской литературы тема «маленького человека». Кто маленьким стать не может, должен погибнуть. Рассказ обобщенно изображает страну как большой лагерный барак».

«Очень важна для Солженицына и проблема сохранения человеческого достоинства, что нельзя ни в каком случае опускаться до животного состояния и начинать лизать миски и собирать окурки».

А вот высказывания знаменитой Анны Ахматовой, сначала по «Одному дню» – «Это произведение должен прочесть и выучить наизусть каждый человек СССР», а потом о рассказе «Матренин двор»: «Солженицын написал так, что сложилось впечатление, – не Матрена, а сама Россия угодила на переезде под мчавшийся поезд».

Конечно, заручившись такой таранной силовой и интеллектуальной поддержкой, Солженицын мог идти и шел храбро на разрушающиеся бастионы социализма. К столкновениям с ним стали готовиться соответствующие силы идеологического противодействия: была напечатана не одна сотня антисолженицынских статей, спецыз КГБ сфабриковали и «подпортили» биографию, сделав уж слишком очевидный упор на сомнительные факты, например, о стукачестве Солженицына в лагере. Просоветские критики вопили на каждом углу о писательской несостоятельности, о провальном профессиональном уровне «прозаика-портяношника». Но давайте прочитаем такой отрывок из рассказа «Один день Ивана Денисовича»:

«Так вот как они полы моют... Ничего, падлы, делать не умеют и не хотят. Хлеба того не стоят, что им дают. – Да на хрена его мыть каждый день? Сырость не переводится. Так что вот, слышь, восемьсот пятьдесят четвертый! Ты легонько повозюкай, чтоб только мокровато было, и вали отсюда. Шухов бойко управился, протер доски пола, выплеснул воду на дорожку, где ходило начальство, и наискось, мимо бани, мимо темного охолодевшего здания клуба, надал к столовой. Надо было еще и в санчасть попасть, ломало опять всего. И еще надо было перед столовой надзирателям не попасться: был приказ начальника лагеря строгий – одиночек отставших ловить и сажать в карцер. Перед столовой сегодня – случай такой дивный – толпа не густилась, очереди не было. Заходи. Внутри стоял пар, как в бане, – напусти мороза от

дверей и пар от баланды. Бригады сидели за столами или толкались в проходах, ждали, когда места освободятся. Прокликаясь через тесноту, от каждой бригады работяги по два, по три носили на деревянных подносах миски с баландой и кашей и искали для них места на столах. И все равно не слышит, обалдуй, спина еловая, не тебе, толкнул поднос. Плесь, плесь! Рукou его свободной – по шее, по шее! Правильно! Не стой на дороге, не высматривай, где подлизать».

Неплохо ведь, на таком маленьком полустраничном пространстве так масштабно высказаться сразу по нескольким острым проблемам лагерного выживания, объемно и колоритно, с впечатляющим набором низовой лексики изобразить ну пусть не народно-лагерные многоликие массы, но немалое количество «скованных одной целью и цепью». То есть, согласимся, писательским мастерством Солженицын обладал, что и подтверждают его литературные соратники. Бесплезно спорить с Ахматовой, хотя и у нее имела конкретный интерес, даже ощутимая в денежном эквиваленте выгода от того, что с появлением в литературной среде Солженицына стала популярной, востребованной и высокооплачиваемой лагерная тема.

3

Эта лагерная политическая тематика, конечно, изначально была антисоветской. В отношении нее всегда срабатывал плюралистический принцип – «на вкус и цвет товарищей нет». Ведь и сейчас даже среди пролетариата немало «деятели», кто ратует за сохранение капитализма и против реставрации «голодайского» социализма. Сами знаете, что любовь к сердцам мужчин и женщин тоже проходит через желудки, и пока полки сетевых магазинов «Пятерочка» и «Семерочка» ломаются от продуктов, народ будет голосовать за капитализм поднятыми ложками и вилками. А гневно вскинутые вверх мятежные крестьянские вилы – это не больше чем метафора или художественный образ. Я, например, за возвращение социализма, но вспомнишь некоторые факты из своей советской жизни, и оторопь берет. Стоит так же признать, хотя и неловко это делать, что Солженицын сам порождение соцсистемы. Это она, родимая, вскармливала своих неутомонных обличителей, своих мрачных могильщиков. Она, как бы уже и упрямленная, которой приказали долго жить, продолжает выпестовывать «высококачественные кадры» клеветников России. Вы думаете, почему так рьяно бросился даровитый и безудержно плодовитый романист Дмитрий Быков отстаивать версию того, что якобы Великая Отечественная война являлась на самом деле многолетней и кровопролитной гражданской войной между советскими людьми, ведь тема надуманная, позорная, недостойная пера настоящего писателя? Но имеется показательный пример Солженицына, который, написав несколько рассказов сомнительного качества и враждебного антисоветского содержания, получил Нобелевскую премию. Дмитрий Быков

хочет такую же. Видимо, получив заказ от Запада на создание нескольких лживых книг (в том числе реабилитирующий труд о генерале Власове для серии «ЖЗЛ») по истории СССР, так как развенчивание социалистических и коммунистических идеалов еще не завершено, этот известный писатель продолжает гнилую и презренную предательскую работу, по результатам которой ему гарантировано получение этой пресловутой Нобелевки. Наверное, по его либеральному мнению игра стоит свеч.

Таким образом с публичным обнародованием ближайших враждебных планов Быкова, становится еще более непривлекательной фигура его идейного папаши или отчима Александра Солженицына. Какие там Солнце и Соль России, если он является очевидным недругом нашей Родины по крайней мере с середины 60-х годов прошлого века. И как он рьяно ни отрекся от ярлыков «диссидент» и «практик-антисоветчик», при этом громко величая себя «народником» и «справедливцем», компания по самообелению завершилась неудачно, и в памяти народной он так и остался продавшимся за деньги «узником совести» и политическим авантюристом. Хотя считается полузабытым, но его нельзя назвать отыгранной фигурой, поскольку при любом случае, когда возрастает, чаще всего искусственным способом, внимание к нему, резко активизируются не только русофобские, но и никуда не девшиеся противокommунистические силы, и начинает ходить вперед-назад, демонстративно полязгивая и остервенело постреливая, предъявляя всем свою нерастратченную мощь, бронепоезд антикоммунизма, который находится на «запасном пути»...

В. Чернышев. Речь в защиту Солженицына

Первое предисловие

Если жизнь складывается, мягко говоря, "затейливо", то из этого еще не следует, что человек непременно сам "затейлив". Чаще всего особенности судьбы объясняются внешними обстоятельствами: безумный царь, чума, война, революция, «семь лет тощих», извержение Везувия, Опричнина или татаро-монгольское иго (которое в первый раз продолжалось триста лет, а теперь разменяло вторую сотню). Иногда бывает и так, что человек впал в безумие, тогда не удивительно, что у него все не так, как обычно – но иногда попадает в безумие народ или несколько народов сразу, вот человек и оказывается то в битве с сарацинами, то у стен Иерусалима, то в Провансе с Крестовым походом истребляет инакомыслящих (альбигойцев) по повелению папы Римского, то сражается или терпит террор и разор в эпоху Столетней войны. Терпеть **террор и разор** тоже не совсем обычно, но его жертвами были все, а всходить на костер, на котором Инквизиция сжигала врагов веры Христовой, удается не многим, их судьба необыкновенна по их собственным заслугам (впрочем, в 1662 году на костре сожгли Аввакума наши собственные православные, не инквизиторы). В двадцатом столетии необыкновенные судьбы выпали на долю почти каждого, разумеется, так как мы все сразу не могли быть необыкновенными, виною, вероятно, были безумные цари. Однако, я не совсем обыкновенный, **я размышляю**. И вот, размышляя, вижу, что хотя цари и вправду не дай бог каждому, но есть более существенная причина – безумен весь народ. Правда, когда я народу это говорю, он злится и обвиняет уже меня то в безумии, то в том, что я продался американцам, то обвиняет в клевете или в затаенной или явной ненависти к русскому народу, то есть в русофобии. Но перечислю по пунктам те основные причины, по которым я народ обвинял в безумии.

1. Восьмидесятые годы. При запинках в речи говорящий вдруг начинал терять слова и добавлял странное междометие: *«это самое»*. Так говорили ВСЕ. «Иду я, *это самое*, по улице, а навстречу, *это самое*, мент. Я, значит, *это самое*, схватил дубину, а ён, *это самое»*...

Теперь они отрицают, что тогда они так говорили, НЕ ПОМНЯТ, а тогда мне уже казалось, что на века, и обречены и праправнуки мои говорить на таком ирокезском языке.

2. Семидесятые-восьмидесятые годы. Началось всероссийское **осушение болот** и подготовка **поворота рек с севера на юг**. По масштабам это должно было превзойти не только древнее строительство Вавилона, но и космические планы завоевания Луны и околоземного пространства, поэтому даже равнодушный Бог испугался за дальнейшее существование России и безумную страну СССР вверх в хаос, в результате не только реки временно перестали поворачивать, но и болота недоосушили, кой где они остались, хотя в целом поля в России, в том числе с искореженными болотами, на три пятых заросли вербой, ивняком, таволгой, березняком и крапивой, оставшиеся крестьяне доумирали (как в моей деревне) или копают лопатой свой огород.

Почему я думаю, что в этом грандиозном замысле повинен не только Политбюро с одряхлевшими Генсеками, но и уставший от романтических замыслов построения всемирного коммунистического общества народ? Потому что уж слишком покорно, раболепно и с последним остывающим энтузиазмом планы эти были приняты. Интеллигенция обрадовалась, что после поворота рек ее уже перестанут гонять на копку картошки и в овощебазы на ее переборку (нарастающий еле-еле новый народ конечно не знает, что мы делали не только ракеты и покоряли Енисей, но и копали гнилу картошку в бывших болотах по разнарядке, два дня в неделю). Правда, Сергей Павлович Залыгин, бывший агроном, и я, бывший деревенский житель, протестовали против этого поворота, двое из некогда Великого народа, давшего миру Болотникова, Степана Разина и Пугачева, но хотя Залыгина еще немного и слышали, мой голос и тогда не был слышен, как и сегодня. Странно, конечно, потому что мне казалось, что я последний умник в этой безумной стране, тем более, что во всех всемирно-исторических спорах я единственный был **абсолютно прав** (сегодня эта правота подтверждена).

3. Восьмидесятые годы. **Ввод советских войск в Афганистан**. Мы потеряли убитыми в той войне 30 тысяч человек, афганцы – триста тысяч – **но зачем?** Жаждали ли мы «распространенья нашего по планете», если сегодня из полутора миллионного сельского населения Псковской области осталось в живых три тысячи человек? В каждой из немногих живых еще деревень зимою живет один человек, неблагодарные внуки сползаются летом (лучше сказать, предатели Земли русской! Впрочем, есть и такие, что расползаются на Юг и на Запад, эти еще хуже!) Афганистан добил уже большую социалистическую идею, как ввод русских танков в Прагу нанес ей первый сокрушительный удар – оказывается, увы, народу ненавистнее всего идея **"социализма с человеческим лицом"**, надо непременно, чтоб был он с *античеловеческим*, чтобы травили газом матерей с их детьми как в Тамбовской губернии прапорщик Тухачевский, чтобы расстреляли в одном Петрограде 12 тысяч заложников за одного Урицкого, убитого Канегисером – а при чем тут **мы** в их домашних разборках? – чтобы умерла с голоду трехлетняя Ирина, дочь Марины Цветаевой, в 19-м году в голодающем и вымирающем Петрограде, чтобы кадетов посадили на баржи и затопили в "Маркизовой луже", чтобы не успевшим ульнуть из Одессы офицерам большевичка Землячка привязала на грудь камень и затопила на рейде (и при отливе они потом рядами стояли, все 15 тыщ человек... но бумаги не хватит в России, чтобы перечислить все зверства восставшего народа (хотя, надо сказать, тогда он еще был народом! Сегодня он сплошь телевизорный зритель или *электротат*). Попробовал было наш патриарх заикнуться, что бедствия двадцатого столетия – наказание господне за наши бесчинства – даже патриарха чуть не растерзали, **что** уж об этом говорить мне? Мой старый собутыльник (старый товарищ) пеняет мне: ты хочешь, чтобы чувство вины нас окончательно добило? Как будто добивает не чувство безнаказанности? Скажи, что воры и бандиты – это сливки народа, его «элита» – и останется ли хоть искорка совести? Хотя уже и сказали... и искорок больше не видно...

4. **Коллективизация и раскулачивание.** В 18 веке в городах проживало три процента населения. Иногда я думаю, что город когда-то задался целью уничтожить крестьян до последнего человека. Гейне и Маркс их ненавидели, даже наши собственные Бунин и Пешков не любили, а бывший Пешков презирал, Ильич, *простой как правда* (по выражению горького Пешкова) всё мелкобуржуазное зло видел в крестьянах, и нас в школах и в университетах травил этой человеконенавистнической мякиной, даже бывший крестьянин Хрущев (Хрущ, по выражению городских сталинистов) взялся за *укрупнение деревень*, то есть за превращение их в города (хотя перед этим все же урезал непомерные налоги на вымиравших крестьян и отменил Крепостное право, разрешив колхозникам бежать от их владельцев, коими были председатели колхозов и секретари горкомов). **Но сколько крестьян вымерло при этом раскулачивании, за которое город перед деревней еще не покаялся?** Я думаю, что клевета и ложь и насилие не вечны и настанет время, когда в школах будут преподавать **мою крестьянскую правду**, а не городскую ложь взбесившихся большевиков (и хотя отчасти повинны в том, что бежали за комсомолом, задрав штаны, и Есенин, и Клюев, и Маяковский, и даже Варлам Шаламов, и Павел Васильев и Ольга Берггольц, но они своєю насильственной смертью и муками искупили вину – а дети и внуки **Комитетов бедноты** и городских опричников (татаро-монгольских баскаков), наезжавших на деревни, чтобы выместить зерно до последнего – по какому же праву? – когда искипют вину перед подлинным русским народом, когда-то умевшим даже петь протяжные печальные песни? Ныне даже ни гармониста ни балалаечника на родных пепелищах...

5. Насильственные **голодоморы**. Голод 21-22 года только отчасти был следствием «Политики военного коммунизма», но во многом, как и Гражданская война, был спровоцирован и подготовлен большевиками. В 55-титомном собрании безумного Ильича черным по белой бумаге – как только она не почернела от горя?! – напечатано, что теперь самое время размножить церковь (*добить гадину* – так о католичестве писал мудрый Вольтер), и ни копейки из миллионов, вырученных за изъятие церковные ценности, не пошло на борьбу с голодом. Второй голод, 27-32 годов, был следствием коллективизации. Конечно, в те годы я не боролся с большевиками, меня и не было даже в замыслах божиих – хотя, впрочем, в 32 году умер с голоду мой дед по отцу, из сибирских казаков, потомок ермаковского атамана, и не внял ли Господь его молитвам? И не сказал ли умирающему: твой внук отомстит за тебя! Увы, мщению пока руки коротки – *но я же еще не умер!* И во всяком случае, я единственный на уроках в школе и в университете не спешил поддакивать советской пропаганде, извратившей русскую историю, и не защищал раскрестьянивание России и уничтожение крестьянства и деревень – я был тогда единственным – но чья же правда все же восторжествовала? Или и сегодня учат в школах, что Сталин был прав и надо было размокнуть и контрреволюционные классы и контрреволюционные народы (были такие)?

Нет, прав был именно я. В 1969 году я написал статью «Святая Русь и духовное освобождение» и в 70-м году был арестован «за пьяные вскрики» в связи со статьёй (вот почему сегодня не пью!)

6. Война с Германией – это война, в которой наша правящая камарилья пыталась добить наш народ – и правда о такой войне еще восторжествует, во всяком случае именно ее отстаивал великий русский писатель Виктор Астафьев (сибиряк, как и Зальгин и Распутин). Конечно, полили кровью поля Европы не только сибиряки, но в европейских русских слишком силен верноподданныческий тлетворный дух, они готовы всё оправдать, и татарских баскаков, и варяжских князей, и большевистских вождей, восплаившихся от запаха русской крови. Мы словно бы победили – но это не совсем так: *мы только сумели не окончательно погибнуть*, удивив своей цепкостью цивилизованный мир, выжить в условиях, которых не выдержали могикане. А вы не задумывались над тем, что выветрился в народе дух (не казённого) патриотизма, национального самосознания? Народ устал от лживого самовосхваления. И кроме того, быть может, многих это заденет, но победили только мертвые. Народ разделился на две части, одну часть составляли матери и отцы, не дождавшиеся сыновей (а то и дочерей), жены, не дождавшиеся мужей, дети, не дождавшиеся отцов. В нашей деревне (и я ее считаю за это символом совестливости) в день Победы преимущественно лились слезы, выжившие, напиваясь, рвали на себе рубаху и оплакивали мертвых братьев и фронтовых друзей (а это те же братья).. Лёшка-Микишонок вернулся домой только через четыре или пять лет после Победы, он не написал ни одного дня Ивана Денисовича, но вряд ли кто-то его, бесстрашного разведчика, мог упрекнуть в том, что он плохо воевал или не так как надо "сидел". А вернулись **не сразу** многие, не один Александр Исаевич. Увы, но народ по многим поводам словно бы разделен на две не родные части, и я, выросший в 15 сантиметрах от зоны, от колючей проволоки, разделявшей наш мир и нашу жизнь на два мира и две жизни, никогда не мог понять маниакального упорства уже последнего времени, уже послекоммунистического, состоящего в самооправдании и шельмовании мертвых и сидевших. Публицистика, а особенно телебаталии, только одним занимаются: заговариванием цифр. Нет, не столько умерло с голод, на столько то меньше. Нет, не столько погибло, меньше на миллион (а ведь почти никто из нас, не влюбленных в советскую власть, не приводит цифр, взятых невесть откуда, только официальные советские цифры, и ваш же Брежнев сам назвал цифру в 27 миллионов!) Пискаревское кладбище – братская могила. А Волковское кладбище? А Парк Победы? Но ведь живы еще и те, кто вез в саночках туда своих близких, и вот из кладбища создан Символ Победы. Неужели еще есть правительства, которые так поступают с своими народами? Хотя уже нет ни одного из тех правительств. Уже советской власти тоже давно нет. Но развернулась последняя словесная битва в защиту мирно опочившей коммунистической власти. Почему же никто не выступил в ее защиту, когда она мирно изды... слов на языке много, но я боюсь обидеть невежественных ее защитников. Что они защищают? Этого я уже понять не смогу. Тем более что эти защитники в 1989 году, когда надо было пойти на баррикады, на баррикады не пошли. А большинство из них были просто пионерами или комсомольцами. Счастье еще, что их как бойцов гитлерюгенда и впрямь не успели послать под танки, которые послал генерал Лебедь на штурм Белого дома.

7. Но самое затейливое в нашей советской и постсоветской жизни состоит в том, что временами кажется, что словно бы ничего на самом деле не изменилось, и все тот же режим какого-то невероятного застоя жизни. Реки уже не поворачивают, но они уже и не текут, мы живем словно в болоте, и то это болото цветет, то дурно пахнет (опять боюсь говорить прямо, хотя то, что пахнет дурно, в действительности просто воняет), то засасывает. Современная жизнь – бездонное болото во многих отношениях. Во-первых, великая страна уже ничего не производит ни в науке ни в промышленности, ни собственных самолетов, ни собственных станков, только трубы, по которым бежит наша нефть на проклятый Запад. Во-вторых, народ состоял из трех родных братьев, и могли ли одни русские, без украинцев и белорусов, выдержать немецкий натиск? И вдруг эти братья не только стали двоюродными, но впрямь заклятыми врагами. А ведь даже при Петре только Марышка Кочубей пошла за Мазепой, а сегодня почти все украинские дивчины отвернулись от наших гарных хлопцев? Может есть в этом и наша вина? О нет, мой товарищ негодует: ты, говорит, хочешь добить русский народ. Если мы сознаемся в собственной вине хоть какой, то уже не встанем с колен, а так наши рулевые хоть с трудом, но с колен нас приподнимают.

И тем не менее, целую жизнь я словно бы один заблуждающийся среди ясно видящего истину народа (а то, что этот народ отрекся в одночасье почти от всего, чем якобы дорожил, не в зачет!), хотя даже социалистическую идею я не отверг до конца, я не исповедую смысл жизни в материи – кто из наших братьев готов отказаться от этой проклятой материи ради духа? – но даже по очевидным поводам: я открываю журнал Мбра, который я издавал при Ельцине, он был оппозиционным, и даже в прошлом году я, «махровый антикоммунист», бросил свой голос за «колхозника» – почему же этот «колхозник», отстаивающий коммунистические идеалы, и даже под знаменем Сталина, получил только десять процентов голосов? Где же защитники советской власти? И с какими ветряными мельницами я сражаюсь? И кто, в конце концов, сражается против Солженицына, назначенного на виновника падения советской власти?

В 70-м году за свою статью в защиту духовной свободы я получил три года, из них полгода провел в тюрьме Большого дома, и два с половиной года в Сумасшедшем доме на Арсенальной улице, стены которой самые толстые среди всех тюрем России, которая окружена колючей проволокой и на вышках сидят часовые. Очевидно, это не простая «больница»? Так и есть. В ней сидят (*лежат?*) те, кто сошел с ума, отбывая срок, или признан больным в момент совершения преступления. В ней сидели частично и противники советской власти (когда их стало уже совсем мало), некоторые из которых не казались сумасшедшими, например, будущий министр иностранных дел Израиля Щаранский – уж они то его проверяли?! Я многим тоже не казался сумасшедшим, но советская власть постановила считать меня «зыхавшим с глузду». *Зыхал с глузду* на самом деле русский народ, и я ему об этом говорю, и он, как это естественно для сумасшедшего, вопит: Сам дурак! – и меня за разглашение тайны отправляет за колючую проволоку.

(В 72 году я уже настолько втерся в доверие к СовВласти – естественно, отрекшись от всех своих прежних заблуждений, – что меня перевели в ХозБригаду – как и в Тюрме у Финляндского вокзала в 2004-м году – и я прибирал обширный двор, подстригал кусты, поливал цветы и – верх доверия – меня впустили в «предзонник», полосу земли шириною четыре метра между двумя рядами колючей проволоки, по углам которой стояли вышки с часовыми, вооруженными автоматами, – и я там за две недели вскопал лопатой землю по периметру длиною метров пятьсот, то есть двадцать соток, или два приусадебных участка по десять соток каждый. Но я тогда был молодой и сильный, а нынче у меня вместе с домом, сараем и баней 13 соток, из которых 3 сотки я тайком просто присоединил от бывшего колхозного поля, заваленного глиной, и водрузил на них свою баню. Когда-нибудь меня за это посодют.)

Но в чем же безумие русского народа и в чем я с ним расхожусь?

Вероятно, у России и у ее народа тоже женская душа, и когда Россия воюет, душа ее по-прежнему женская, поэтому она так и воюет, то крепость Орешек отдает шведам, то под именем Шлиссельбурга ее с трудом отбирает, то в свою столицу впускает татар (в 1381-м году Тохтамыш входит в Москву и ее сжигает), то в 1612-м впускает поляков, они ее сжечь не успели, воевода князь Пожарский предотвратил пожар и поляков изгнал, то в 1812-м впускают в Москву французов и сами ее сжигают, то заывают в 1942 году немцев аж до Волги и только «оттолкнувшись ногой от Урала», гонют немцев на запад...

Но хватит пересказывать историю.

Русский народ не в ладах с историей, математикой и политикой.

Сначала, горько сознавая свое «не в ладах», он отдается варягам, те правят хорошо, пока не растворятся в просторах русской женской души. Потом народ покоряется татарам, те берут его силой и он так к ним прилипает, что нынче пытается и всех нас задурить, доказывает, что никакого ига не было, а правил нами добрый Батя-хан (Батый), потом еще добрее Мамай и мамаята, а про иго выдумали в Ватикане. Правда, мы и сами на выдумки горазды, в девяностые годы почти всех свела с ума теория Новой хронологии, по которой получалось, что следом за третьим веком начался 13-й век, пришел Чингиз-хан, он же Аттила, пришли гунны, они же татары, и сейчас у нас вместо 21-го века всего 11-й, да к тому же, русские произошли из Италии, мы там жили под именем *этрусков*, мы же построили и египетские пирамиды. Что до Вселенских соборов и раскола на католиков и православных в девятом веке, то это все выдумали в Ватикане. (У меня есть товарищ, который все это проповедует, но вы таких и сами встречали).

В 18-м и 19-м веках, устав от своих неурядиц, русские призвали с Запада «немцев», среди которых и ливонцы (например, Дельвиг, Кюхельбекер и Пестель, и наполовину немецкая мать нашего Пушкина), и датчане (Владимир Даль) и французы (Камерон и Трезини) и итальянцы (Растрелли, Бенуа и Лансере) и другие немцы, среди которых особенно выделялись полковая шляха Екатерина Первая, незаконнорожденная Екатерина Вторая, Павел, Александры и Николаи. Петербург чуть не стал столицей Европы, но к немцам Россия охладела и стала погуливать при законных мужьях.

Да к тому же и немцы уже растворились в необъятной русской женской душе, появились свежие Бауманы, Троцкие, Ленины, Сталины, Лазо и маршалы Якир и Тухачевский. Эти Россию били смертным боем, и она к ним прикипела. Только вот почему-то меня, потомка ермаковцев, русского из русских (по выражению апостола Павла), русский народ невзлюбил, и хотя я всегда нравился барышням, но народу пришелся *не по нраву*.

И вот уже семьдесят лет подряд с народом мы конфликтуем (а мне в семь лет было предсказано, что я должен Россию спасти, ну вот, по тюрьмам и сумасшедшим домам, почти по Иванову-Разумнику, я Русь и спасаю).

Что это русский народ, а не я сошел с ума, теперь уже почти всем образованным людям очевидно, особенно тем, кто читает русскую оппозиционную литературу, возьму в качестве апостолов несколько, например Деникина («Очерки русской смуты»), Иванова-Разумника («По тюрьмам и ссылкам»), Данилевского («Россия и Европа»), Солоневича («Россия в концлагере» – за тридцать лет до Солженицына), Игоря Ростиславовича Шафаревича («Социализм как явление мировой истории»), Василия Розанова (со всем его тридцатитомным собранием сочинений, Достоевского и Толстого, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Лермонтова и Пушкина (о Пушкине недавно на его юбилее православный священник сказал так: если для народа по-прежнему он будет кумиром, то настанет 2037 год, в сравнении с которым и 1937 год покажется вам раем). Как видите, мои апостолы вам известны, некоторых вы с любовью проходили недавно в школе, некоторые же родились позже и их творчество пришлось на эпоху большевизма, который их не взлюбил, как меня русский народ вместе с большевиками. (Во-первых, они ненавидели русских и крестьян, начиная с Маркса, Ленина, Троцкого. Во-вторых, они выдавали себя за гениев, в то время как «Капитал» изобилует логическими ошибками, Материализм и эмпириокритицизм – писания гимназиста, не способного понимать философию – надеюсь, наши философы, например, Алексей Алексеевич, меня поддержат), творчество Троцкого ... несколько его ранних статей о литературе вы читали, благодаря Геннадию Геннадиевичу, все же остальное – это переписка с его подельником Сталиным, с которым эти бандиты не поделили Россию, это что-то вроде склоки Березовского с Абрамовичем, только растворенной в пятидесяти миллионах русской крови). Что до книг следующих большевиков, Брежнева, Андропова и имя им легион... – то в 37-м веке нашей эры двадцатый век России будут изучать по учебникам психиатрии...

Солженицын с его великой книгой «Архипелаг Гулаг» ничем не выделяется на фоне Розанова с его «Апокалипсисом нашего времени», Иванова-Разумника с его книгой «По тюрьмам и ссылкам», Солоневича с его побегом в 35 (?) году из-за железного занавеса, и великими книгами Шафаревича с его «Русофобией» и «Социализмом...». (Надо еще прибавить речь Хрущева на Двадцатом съезде и Постановление ЦК КПСС о Культуре личности Сталина – современные противники курса их партии, принятого в 56-м году, благодаря которому Россия за восемь лет стала космической (а не сырьевой) державой, почти как Германия при Гитлере, по сталинским бы временам все подлежали б расстрелу. Но для них и грядет 2037-й год!).

Однако надо вернуться к сумасшедшему дому.

Именно там я встретил образцы логики, перед которыми меркнет и *женская логика*, которая считается образцом нелогичности. Но та логика, на которой основывают свои симпатии и антипатии народы, алогична в еще большей степени, и воистину напоминает логику сумасшедшего дома. Вот характерный пример. Некто С., "сидит" в сумасшедшем доме за *бред правды* (и кстати, оказывается, любое чувство может послужить основанием болезни, притом и воистину, а не по навету или злему желанию властей: беспричинная ненависть, подозрительность, зависть, любовь, страх, поиски истины...) – итак, этот *сидит за бред правды*: по какому-то незначительному поводу он написал жалобу, получил ответ, не согласился, обжаловал в вышестоящие "органы", дальше больше, а когда вся цепочка *органов* изнемогла, они обратились к психиатрам. С. вел себя спокойно, в коридоре и на прогулке обращал внимание только на случайные клочки бумаги, в них он выделял по некоторым признакам особенные слова, выписывал их на отдельный лист, постепенно у него формировались цепочки осмысленных фраз, с их помощью он ориентировался в окружающем мире.

Информация, которая поступает к современному человеку, очень похожа на ту, которой руководствовался мой сумасшедший товарищ С.

Я иногда читаю газету «24 часа» (кажется, она называется дайджест), в которой дается обзор статей из различных газет. Военный обозреватель приводит слова американского генерала, который выражает обеспокоенность новой ракетой России. Через неделю эту обеспокоенность выразил французский генерал. Вчера я нашел разгадку их обеспокоенности. Просматривая ролики политических обзоров, я остановился послушать некоего журналиста. перебежчика из Украины в Россию, он говорил о новой ракете. Она летает в 50 раз быстрее подобной ракеты в НАТО. *И как шарахнет – от целой страны остается одна только ядерная пыль.* Тут же на картинке показан запуск ракеты (какой ракеты, когда – не вем). Ну прямо Северная Корея. «И вот та девица, которая матом, стерва, ругалась на наши ракеты, дескать, их из рогатки выстреливают, – добавил он – (в прошлогодней предвыборной кампании была действительно такая красotka) – теперь сидит в луже!»

Послушал я как то и политические шоу, на которых поклонники и противники власти (и те и другие имеют виллы возле Венеции и дети их учатся в Кембридже), посмотрел, как они вырывают пейсы друг у друга клоками – нет, братцы, в нашем сумасшедшем доме было приличнее.

Но логика, тем не менее, та же. Мышление у моих оппонентов соткано из обрывков печатного текста всех времен и народов.

Поэтому спор наш обречен на бессмысленные выстрелы репликами. Христианство, осью которого является обвинение человека в том, что мы не должны пытаться благоустроить наш мир, соединился с тоталитарным марксистским социализмом, осью которого является уничтожение всех инакомыслящих, а сегодня еще вместе с капитализмом, выкачивающим нашу кровь на запад (в прямом и переносном смысле) – как противостоять сумасшествию такой Троицы? А Солженицын призывал к благоустройству и бережению Русской земли и народа! В этом пафос его разоблачений!

Второе предисловие.

Святой Доминик создал монашеское братство еще раньше Франциска Ассизского, и подвизалось оно на ниве борьбы с еретиками. Человеколюбивые доминиканцы сопровождали приговоренного к сожжению еретика до места казни и прежде чем сжечь, помазывали ему голову маслом, чтобы лучше горелось.

Этому хорошему обыкновению я тоже решил последовать, и прежде, чем подвергнуть разбору статью Владимира Меньшикова о Солженицыне, тоже помазать ему голову маслом, роль которого исполнила статья *Надежды Перовой* «Женская тема в эссеистике Владимира Меньшикова». Так как я по поводу нападок на Солженицына собираюсь ругаться, то хвалебная статья об авторе смягчит мою ругань. Пусть, правда, читатель последует моему совету, и прежде чем читать мои заметки, прочтет статью Перовой.

Но и мои заметки состоят из двух тем: во-первых, объяснение, почему я возражаю критике в адрес Солженицына (и в этом объяснении нет ничего ни для кого обидного), во-вторых, сами возражения: в них я ругаюсь в адрес всех хулителей, и к Володе мои возражения относятся в меньшей степени.

Итак, почему я так настойчиво возражаю тем, кто возражает Солженицыну – разве я стремлюсь всех писателей привести к общему знаменателю? Нет, конечно, и я даже не негодую, если кто-то не любит Достоевского или Маяковского – а Достоевского не любят многие, его читать гораздо труднее, нежели Тургенева или Толстого, это писатель только для тех, кто любит размышлять в связи с чтением; Маяковского же не любят за сложность поэтической формы. Итак, не хотите читать Достоевского, в России достаточно и без него первоклассных писателей. Но Солженицына не читают и не любят только по политическим мотивам, не любят те, кто любит Сталина, кто отождествляет Сталина с Россией, кто не хочет посочувствовать страданиям русского народа в двадцатом столетии, а противники Солженицына словно бы чувствуют затаенно какую-то свою собственную вину в русских страданиях и не хотят в ней сознаваться и раздражены на тех, кто нарушает их сладкий безмятежный сон без вины. В действительности МЫ ВИНОВАТЫ, например в том, что погибли так рано наши отцы, что так бездарно гибнет Россия и русский народ, что происходит чудовищная деградация духовной жизни, по крайней мере это явно в науке и литературе: даже образованный читатель перестал читать книги – достоин ли такой народ исторического существования? ВИНОВАТ И Я САМ, наконец-то и я виноват, потому что я бездарен, никого не могу пробудить от летаргического сна, не достучусь до сердец, виноват в бессмысленной вере моих сородичей в чужого бога, призывающего только ждать конца света и не преобразовать бытие, ради преобразования которого мы родились, в бессмысленных притяжениях к схоластическим теориям, ради которых пролиты моря крови, виноват и в том, что Россия погибает, а я не Жанна Д'Арк и ничего не могу сделать для ее спасения. Но хотя бы я не должен молчать, когда отстаиваются ложные тезисы. Речь ведь не о том, что Солженицын посредственный писатель, так ли уж необходимо доказывать, что он не посредственный? Я не бросаюсь защищать Маяковского и Андрея Платонова, не все меня в них восхищает – но о литературе ли речь?!

Основные ошибки противников «литературного власовца».

Джордано Бруно был выдающимся философом и ученым, он доказывал, что земля вращается вокруг солнца – и его сожгли. Жанна Д*Арк любила Францию и верила в Иисуса Христа, но кроме того, к ней приходили ангелы и помогали ей в ее миссии – христиане ее за это сожгли тоже. Небо помогло и Яну Гусу, чешскому реформатору, сожгли и его. Католическая церковь богата и подлинными святыми, помимо помазанников *маслицем*, но всех их причислили к лику святых спустя столетия после смерти – за какие заслуги Николай Мирликийский (епископ Мир Ликийских, гонитель еретиков не меньший, чем епископ Александрии, тоже святой, содравший живьем кожу с великой Гипатии, последнего математика античности, изобретательницы астролябии) стал столь почитаем, сказать трудно. Мы не превозносим нашего сожженного протопopa Аввакума (хотя, правда, он был чрезмерно суров), не ставим свечи в храме за чистую и непорочную боярыню Морозову, которую христиане уморили голодом в земляной яме – так кому же мы поклоняемся? Воистину, был прав английский писатель Сэмюэл Батлер: **«народы питают тайную симпатию к своей нечистой силе!»**. Поклоняемся мы Ивану Грозному, полутатарину, полуроменю, Иосифу Джугашвили, полуосетину, полумингрелу, да и немцы нашли своего бесноватого вождя среди австрийских ефрейторов, в Германии найти не сумели. Воистину, в своем отечестве и среди своего народа трудно найти пророка. В конце концов, и евреи сначала пошли за выходцем из Земли, о которой было сказано, что ничего доброго и путного не бывает из Галилеи. Но почему так согласно именно сегодня ополчились на Александра Исаевича и русские патриоты (а в семидесятые на него ополчились еврейские космополиты во главе с Яновым), и сталинисты (одинаковой ненавистью ненавидящие и Хрущева), и христиане (хотя кроме похвал в их адрес от Солженицына ничего не было), и инородцы (ну, казахов я понимаю, он ратовал за возвращение Южной Сибири, земель казачьего войска, в лоно России, но чем он провинился перед евреями – или тем, что призывал их покаяться?), и социалисты – а где же вы нашли хоть одно теплое слово капитализму? Вот чуть не поголовно нынче вся русская интеллигенция присягнула «высшим во всех нынешних партиях, идущим по капиталистическому пути», верой и правдой служит олигархату, по большей части и за Зюганова не голосует – а вот Исаевич – враг номер один!

Судите ли вы Солженицына как писателя? Язык его в том же ряду, что и язык Андрея Платонова, только Платонов начинал как яростный большевик-старовер и таким и остался, с большевизма начинал и Варлам Шаламов, тоже старовер, и Клюев – но ... вот это «но» пока для меня непостижимо. Ушла Россия от сектантского ленинско-троцкистско-сталинского любовника к мировому правительству, но, видно, что-то потаённое задел Солженицын в русской душе, как не задела слишком ученый Иванов-Разумник, юродивый Розанов, народник Солоневич, интеллигент Шафаревич, аристократы духа и происхождения, поэты и писатели золотого и серебряного веков литературы – Россию все ее любовники лупили жезлами, и всем она верна. В ней соединились стальной связью христианский комплекс первородной вины

(псевдоослушания бога) и страха божьего, античный эдипов комплекс предательства отцов, зависть и ненависть по отношению к *умникам* (вот истинно русский человек – Николай Федоров, хотя и проведший жизнь за чтением книг, но ничего в них не понявший и от их учености открестившийся... да он даже христианскую идею *воскрешения* переиначил на материалистический лад, собираясь собрать умерших «отцов» из бывших их плотских атомов)... В России нынешней соединились еще древний ужас перед монгольским игом, неотличимый от любви и обожания, раболепие, привычка к подчинению (по которой начальник всегда прав), ненависть к бунту (память о сожжении Москвы Тохтамышем и разорении Рязани Батыем) и – самое главное – возведение в ранг Религии идеи человека как раба.

Варлам Шаламов показал в своих рассказах жестокость советской эпохи так же зримо, как ее показывала античная трагедия – и Варлам Шаламов не вызвал отторжения у читателей. Солженицын же разделил народ на две части, он противопоставил *избранных*, верных высоким идеалам, людей духа – земляной, травяной, работной и подначальной массе люда... и этот **люди** он не оправдал. Иван Денисович притворяется дурачком, когда говорит: Неужто и время ихим декретам подчиняется? – но он смеется над ихими декретами. Так и Матрена особняком от деревни, так и сам Исаевич особняком от писательской массы (вот даже Сергей Залыгин проголосовал за его исключение из Союза писателей), он особняком и среди «русской» эмиграции семидесятых годов (которая, конечно, была еврейской), дружит он с Галиной Вишневской и Станиславом Ростроповичем (явно отщепенцами и людьми мира по своей независимости)... но расходится в конце концов с самыми близкими, казалось бы, людьми: с Владимиром Лакшиным и Ростиславом Игоревичем Шафаревичем.

Кто же он такой? И в чем тут дело?

Владимир Меньшиков посетовал даже на то, что Солженицын, де, виноват в Пражской «весне» 68-го года, в попытке замены марксистско-троцкистского оголтелого людоедского социализма на «социализм с человечью лицом» (неужто русским по духу ближе людоеды?) – или язычнику стало жалко талмудистское мировоззрение? Мало мы его поглощали (как детей пичкают манной кашей) в университетах, мало мы этот переход количества в качество и единство и борьбу противоположностей вмазывали в свою славянскую кожу как Маргарита ведьминскую воландову мазь? Владимир, опомнись! Не путай крестьянскую Русь с колхозной и Есенина не отдавай ни за Ольгу Берггольд ни даже за Ахматову!

Солженицын не оправдывает ни Акакия Акакиевича, ни пьяницу Мармеладова, ни его покорную бессловесную жену, он ищет и находит только **героев** (вот это и ненавистно нашим современникам!). Кроме того, он не хочет оправдать Зло, он настаивает на том, что зло абсолютно противостоит добру и должно быть абсолютно наказано (второй Нюрнбергский суд и повешение **всех** злодеев!!!)

Видимо, идеал противостояния ходу событий, вмешательства в мировую историю от имени человека (хотя и с помощью святых) как у Жанны Д*Арк – чужд русской крестьянской душе. Но у Руси есть еще и другие начала, из

которых она произрастает, есть еще казачество, из которого и Степан Разин и Емельян Пугачев и Ермак (вместе с моим пращуром). Так не два ли народа в Русском народе, противостоящих друг другу?

И здесь еще несколько загадок, которых я хотя бы коснусь и на этом закончу свою защиту Александра Исаевича.

Друзей у него почти не было. Я был слишком для него молод – но я дружил со многими из поколения матери и они меня принимали на равных. Правда, в девяностые годы ничего существенного, кроме журнала Мера, я предложить не мог, и в Мере я напечатал его речь в Государственной думе, заинтересовался он мною только как издателем... В общем, его защита меня по радио Свобода продолжения не получила.

Почему же Шафаревич так тепло ко мне отнесся? Он защищал русский народ, а я на него напал... как видно, и я загадка, прежде всего для себя. Во-первых, я не герой и не идеал. Я даже сомневаюсь, что я избранник небесных сил, хотя они мне и обещали в детстве свою помощь. Солженицын не сомневался в своей избранности. Он чувствовал, что принадлежит к праведникам, и от их имени писал свои книги. Может быть, к какого-то рода праведникам принадлежу и я, нас не так мало, не все же успевают прославиться, прежде чем взойти на костер? Вот и я не успел прославиться, да и до костра не успел дойти. К тому же, мой дед воевал за красных, но прадед за белых, отец в декабре 43-го года получил звание младшего лейтенанта и вступил в партию (у нас тогда была одна только партия), так тогда полагалось... Я состою из двух частей, одна моя часть от тех, кто защищал старую Россию, вторая от тех, кто ее "видел в гробу" (хотя мой дед героический был человек, был в плену, бежал, видел царя и даже с ним перемолвился двумя-тремя словами). Так как я родился в Сибири, то я не совсем обычный русский, у нас в крови ропот против власти. Кроме того, мы знаем, что страна была за колючей проволокой, об этом смешно спорить, многие из наших и работали или с одной или с другой стороны зоны. Одна моя тетка вышла замуж за бандеровца, другая за бывшего вора.

В 1998 году я был в Белоруссии в музее Янки Купалы (по приглашению батьки Лукашенко несколько человек издателей Радзивилловской летописи были приглашены в Белоруссию). В музее был банкет, потом пили горилку и закусывали драниками, лучше которых, кажется, быть не может.

А я ел драники еще лучше этих! – воскликнул я и рассказал, как в 47-м году в октябре наковырял палкой на колхозном поле (с которого уже, разумеется, был убран весь урожай) несколько маленьких мерзлых картофелин (вчера я перекапывал свой огород и тоже выкопал несколько штук, мы их сварили и съели). Картофелины я положил в подол своей рубашонки и принес домой, мне было пять лет. Вскоре пришла с работы мать, уже стемнело, но пришла она огородам, крадучись. Не зажигая света, сняла сапоги и высыпала из них пожухлые колоски, которые набрала на соседнем поле. Мы из них отшелушили зерна, провеяли, смололи на жернове, картошку помыли и растолкли (она стала жидкой и я заплакал). Не плачь, сынок, ты еще не знаешь, какая радость нас ждет! Смешав с картофельной жижей горсть муки, мать испекла несколько штук маленьких драничков, и мы их съели.

«Только не говори никому про драники», – велела мать, но я и сам уже знал, что за "колоски" сажают в тюрьму.

Сегодня многие яростно защищают советскую власть, одни говорят, что все, что тогда делалось, было оправдано, поэтому не важно, много или мало сажали, *так было надо*. Другие доказывают, что хотя сажали, но враги преувеличивают *число жертв*, чтобы опорочить советскую власть.

Но вот что удивительно. Социализм прогрессивные народы вводили не только в России, но и на Кубе, в Анголе, в Конго, Китае и во множестве других стран. В Конго с голоду сразу же умерло три миллиона человек, генерал Мобуту сверг Лумумбу, голод прекратился. В Камбодже одна половина народа (красные кхмеры) истребила вторую половину, население сократилось вдвое, пришлось даже вмешаться социалистическому Вьетнаму, чтобы спасти оставшихся. В самом социалистическом Вьетнаме тоже не всё было хорошо, дядюшка Хо *освобождал* южных вьетнамцев, изнывавших от продажного режима Сайгона. На Кубе, как рассказывали советские туристы, каждая девушка зарабатывала себе на жизнь продажей тела (как Сонечка Мармеладова), но все равно не хватало, несмотря на советскую помощь – виноваты в этом были, конечно, американцы. В Северной Корее недавно с голоду умерло три миллиона человек, но народ живет счастливо и любит своих вождей. В коммунистическом Китае во время культурной революции перебили сто миллионов человек. Об этом можно прочитать у Шафаревича, но звание литературного власовца почему-то присуждено только Солженицыну. У Шафаревича можно прочитать и о том, что голод, разруха, террор сопровождали социалистические режимы и в древние эпохи – а социализм, оказывается, возникал во всех странах мира не только ныне но и в древности. Первая культурная революция в Китае была в пятом веке до нашей эры, тогда реакционные поэты и философы бежали в Тибет от императора-коммуниста и вернулись через 75 лет, когда с социализмом было покончено. Некоторые вернулись, у других вернулись дети или внуки, но как ни странно, до нас дошли их стихи.

Итак, самые вкусные драники были из колосков, за сборище которых давали пять лет, и картофелин, выковоренных палкой в мерзлой земле. Был 47-й год, прошло уже два года после окончания войны, по деревням **Сибири**, богатейшей стране мира, шли старцы с малолетними детьми и пели Лазаря, и за колоски сажали в тюрьму. Но хлеба все равно не хватало. Почему? Вот почему: Солженицын перед смертью написал своего рода Завет: **главный долг правительства – сбереженья народа**. Городская русская интеллигенция (не сибирская, а из Расеи, перед Уралом) видела долг правительства в обратном: **нам нужна только победа, а за ценой мы не стоим!** Это две противоположные философии, и два противоположных народа ее исповедуют, те, которым не страшна любая цена, существуют вне ценностей античной истории, им неведомы Пиррова победа, понятие о гражданской добродетели, о праве и долге гражданина... да и идеалы человека 19-го столетия им чужды. Какой смысл спорить о числе убитых и сгнивших в лагере, если за ценой победы городской пролетарский народ не стоит? Если крестьяне для него – люди второго сорта, мелкобуржуазный класс, к тому же частные

собственники, которых следует экспроприировать? К власти в 1917 году пришла идеология, проповедующая, что жалость унижает, что человек – это звучит гордо (но только человек с большой буквы), да при этом «единица ноль, и только если в ПАРтию сгрудились малые»... что «через тернии к звездам...» – и конечно, Павка Корчагин строит узкоколейку зимой, потому что дров в городе нет, да и летом в этой стране идет снег, а зимой цветет земляника, но и зимою и летом страна обращена в вооруженный лагерь, отгороженный от мира. Нет, это не идеология, это **мистерия**: в 17-м году большевистское правительство ввело карточки и только в 37-м году, вводя лживую конституцию, их отменило. И только в 1963-м году Хрущев объявил, что мы, наконец, по валовому продукту превзошли уровень 1913 года (через 50 лет). Сегодня мы его снова не превосходим, страна живет за счет сибирской природной крови.

Но все же, почему именно Солженицын так ненавистен? А вы посмотрите на его героев. Они именно (часто очень искусственно) слеплены из лозунга «человек – это звучит гордо!» Но у нас это только лозунг, а у него, хотя бы только художественная – реальность. Но нам ближе земляной человек Андрея Платонова, весь из земли, и говорит косноязычно, неизвестно о чем. Впрочем, возможно, причина другая, может быть советский человек смотрит в зеркало и видит в нем того себя, который ему ненавистен, и он эту ненависть проецирует на творца зеркала, а само зеркало объявляет лживым. Но как бы то ни было, спор наш разрешиться сегодня не может, русский народ вымирает, городскую интеллигенцию это не колышет, она идет колонной, впереди колонны матрона Московская несет икону, на иконе изображен Сталин. Все смешалось в доме Облонских.

По-видимому, Солженицына мне оправдать не удастся, оправдаюсь ли я?

Я был не равнодушен к красивым девушкам, но был не равнодушен ко всякой чужой боли, это была моя родовая черта. В классе у нас был мальчик-еврей, деликатный и робкий, к тому же девочки его не защищали (а моему обидчику они однажды устроили темную). Естественно, я взял его под свою защиту, к тому же у меня было много друзей (помимо девочек), мама этого мальчика мне обещала, что будет просить за меня ихнего Бога (впрочем, Христос тоже родился в еврейской семье). В 70-м году в сумасшедшем доме я встретил того латышского «стрелка», который расстрелял из автомата своих сослуживцев, издевавшихся над ним (когда-то эта история в СССР нашумела, говорили, что его оправдали, но нет, "лечили" в сумасшедшем доме. (кстати, не лечили только меня, потому что во-первых за меня вступился почему-то сионист Файнберг, он меня сильно «влюбил» (а с ним и *мировое сионистское движение* – вот они когда откликнулись, слезы матери еврейского мальчика, которого я защищал!), во-вторых, вступился Александр Исаевич, а он был тоже авторитетен, хотя и помнее, чем сионисты, и в третьих, инородцы тоже оказались на моей стороне (аукнулась защита латышского юноши), хотя сидел я в тюрьме и в сумасшедшем доме за *русский национализм* (в книге об истории русского национализма советского периода я должен был занимать чуть ли не первое место, но когда автор узнал, что я защищаю евреев и инородцев, он меня из книги своей изъял!)

На этом речь в защиту Александра Солженицына пора и закончить, о художественных достоинствах его прозы разговор был бы слишком долгим, одной Моисеевой возражать пришлось бы долго, тем более что в множестве частных я с нею согласен. Что же до фактов... Советская история и идеология представляют собою такие джунгли, что надеяться через них кого либо провести наивно. Критика христианства и критика социализма невозможны, им можно противопоставить только ясное новое основание жизни, а не подпорки под старым, например, основание **народности, семьи и личности** (сие иногда называется *русским национализмом*, что многих приводит в волнение) – но об этом речь впереди.

На прощанье напомню я о клочках бумаги, которые подбирал мой сумасшедший знакомый, составляя из написанных на них слов для себя поучения и план предстоящей борьбы с обществом. Но оказывается, что и я для бани, как и для печки в доме, на растопку тоже беру бумагу, хотя и не случайную на тропинках и половицах коридоров, а из груды старых газет и рукописей. И сколько же их накопилось, вкупе с грудями Обвинительных Заключений и Судебных постановлений! И разворачивая их, я удивляюсь той бездне труда и стараний, которые в них запечатлены! Еще я не всю сжег рукопись правки Бориса О., по ней я учился редактировать (еще на бумаге, не в электронном виде) – на каждой странице исправлена или подчеркнута каждая строка, а в ней каждое слово и чуть ли не каждая буква – и всё по делу. Я вытащил остатки этого титанического труда и вернул их к себе на второй письменный стол, где будут копиться «учителя жизни». Чужие рукописи, как и свои, еще большие учителя, нежели завершённые книги. А вот и мои сочинения, оказывается, и в них запечатлен не меньший труд, не всё я пишу наобум, как уверял нас Геннадий Геннадиевич, нет, здесь все так же по делу, подчеркивания, зачеркивания, исправления, переносы с одной страницы на другую и из абзаца в абзац. Это еще первая книга, «Жизнь на краю» – надо ее оставить, насколько же сегодня я больше с краю, нежели это казалось тогда. Ибо тогда мне казалось, что я не одинок, что вокруг меня титаны, и нам предстоит сообща разобрать груды хлама после бури, разметавшей остатки марксизма. А ведь и бури не было?!?! Многие так и живут в наивном ощущении, что ничего не изменилось, особенно пенсионеры, что так же комсорги и парторги в каждом цеху, а сверху ЦК и над всеми парит икона Матроны с портретом вождя. Какое общество представляет собою общество? – об этом никто не скажет, мои оппоненты еще думают, что нечто ясное имеют в виду, я же и их уже перестал понимать. Им кажется, что во главе страны обновленная КПСС, что на заседаниях ЦК на вопросы отвечает Леонид Ильич, что культурная жизнь сосредоточена в обновленных домах Культуры, которые по новой моде называются **храмами**, и что мы так же в окружении Запада, хотя и ездим на турецкие и египетские пески загорать, и те же у нас друзья, Китай и Северная Корея, и те же враги, США и Европа, только нет уже западнее Смоленска ни одного не только друга, но и приятеля. Возможно, это затишье перед новой бурей, гораздо более страшной, которая наконец и встряхнет от младенцев до старцев, и мы пойдем по дорогам петь Лазаря. Тогда-то мы и прислушаемся к тому, что говорят последние НЕ немые.

ПОСЛЕДНИЙ МЕССИЯ

Я думал, что я пришел изменить ход истории, пока только в духе, не в зримых формах хозяйственной и сакральной жизни, не в зримых формах устройства общества и «вертикали власти», но все же в форме размышлений и воззрений, витающих хотя бы в головах немногих. Так я думал в девяностые годы, когда издавал журнал Мера тиражом в тысячу экземпляров, возможно, его кто-то читал, Сергей Залыгин напечатал о нем статью в влиятельной германской газете, где сказал, что я разговариваю с читателями по детски. Быть может, это так. Я упорно карабкался по каменистым кручам, познакомился с множеством интересных людей, пил шампанское с академиками и политиками, ссорился и мирился с генералами, проталкивающими в вожди народа генерала Лебеда. В конце концов генералы мне сказали, что я был прав, и их лебедь был ручной птицей, и когда им понадобилось закусить, они его подстрелили. Тогда-то я и встречался с Солженицыным, епископами, патриархом, познакомился с Игорем Ростиславовичем Шафаревичем. Кажется, что у нас идет спор о личности известного писателя – но разве это спор? О нем много говорили и писали в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы, то, что пишут и говорят сегодня, это отголоски мифов, основанных на параноидных рассказах в интернете. Их не стоило бы и читать, тем более всерьез ими аргументировать свою позицию. Но Солженицын представлял собою крупное явление в русской критической литературе (ну, скажем, вроде «Былое и Думы» Герцена, и воспоминаний декабристов и их жен. Та литература оказала громадное влияние на тогдашнее образованное общество, русская история начала двадцатого столетия выросла из нее. Розанов искренне считал, что если бы Салтыков-Щедрин, Гоголь, Мережковский и писатели демократического лагеря не писали плохо про царя и помещиков, то Россия так и продолжала бы существовать в Раю. Сегодня многие думают так про Солженицына, что это из-за него рухнул Советский колосс, как будто мы все были слепыми и ничего не писали и ничего не читали в шестидесятые годы, и никак не влияли на общество.

Мы читали все, что было известно богу, а он и каждый волос на голове у нас сосчитывает, как говорится в Новом Завете. Поэтому я кратко напомню, как складывалась моя жизнь и мое взросление и образование (о чем я писал в своем романе «Боль и любовь»); предыдущее поколение прозревало еще глубже (опаленное войной), но и мое поколение все же видело жизнь во всех ее особенностях задолго до Солженицына. Не знаю, в каких ледниках сохранились у некоторых наших читателей и сограждан столь наивные представления о советской эпохе, но мои знакомые, включая детей, все знали, откуда берутся дети.

Итак, по порядку.

Солнечным январским полднем 1952 года я вышел на лыжах за деревню, в той стороне, где начиналась дорога к чужим городам и селам. С другой стороны деревни дорога вела сначала в лес, потом обращалась в таежную тропу и вела в тайгу, а за тайгою больше ничего не было.

Итак, я шел по снегу на лыжах, мир вокруг сверкал и радовался вместе со мною. Скоро мне должно было исполниться десять лет и мне обещали подарить десятитомное собрание сочинений Вождя и учителя, по-видимому, то сааме собрание, которое лежало на полке в правлении колхоза и которое я уже начал читать, кроме меня к нему не прикасался никто, не решались – на всякий случай, мало ли что, ну а мне было читать его безопасно, мне еще не было десяти лет, а сажать начинали только с 12-ти.

Я остановился за елью, не решаясь идти дальше: на поляну вышла колонна заключенных, окруженная конвоирами, вооруженными автоматами. Что такое заключенные, я, конечно, знал, но видел их впервые, кино в нашей деревне еще не показывали.

И тут случилось чудо. Заключенные достали из большого тюка парусину, развернули ее на снегу, поколдовали, и вдруг в небо взмыло ярко-оранжевое полотнище палатки, величиною почти в деревенский дом. Заключенные развели костры, установили в палатке печку, потом поставили еще одну палатку, для охраны. Молодой парень, сильный и ловкий, работал ладно и споро, ему стало жарко и он сбросил и ватник и рубашку, – а мне было холодно даже в полушубке, когда я стоял.

Этот парень, будущий дядя Костя, был в Иркутске вором, а мать его была председателем горисполкома или что-то в этом роде, может быть, она была городским прокурором, такую легенду о нем я однажды слышал. Через три года моя самая младшая тетка, которую я звал просто Нина (она была старше меня лет на семь-девять) вышла за него замуж, и родили они вместе пять дочек, красавиц и умниц, со всеми я до сих пор дружен. Костя же стал моим первым серьезным другом, и когда он умирал в Иркутске в больнице, и услышал, что я приехал в Сибирь из своего уже Питера, то отпросился на побывку домой на три дня, и за столом сказал торжественную речь. «Последний в своей жизни глоток водки я хотел выпить с тобой!» – сказал он. Через три дня мы его хоронили.

Работал он всю жизнь на лесоповале, имел доступ в зону, на вахте его не шмонали (это был высший **знак качества человека**. Кстати, когда и я выходил из Сумасшедшего дома, охранник на пропускном пункте сказал про меня: *Вот человек, о котором за три года никто не смог сказать ни одного плохого слова!*) – но он не проносил в зону ничего запретного, кроме чая. Чай (из-за чифиря) запрещался, но одну пачку он проносил, конечно, не беря за нее ни копейки. Я думаю, что бывший вор стал в конце концов **святым**, хотя никогда не поминал бога. Но мелкие слабости у него бывали, и выпивал, и нечаянно заходил куда-то налево (дорожка то к дому скользкая), но об этом в семье никогда не вспоминали...

Дед мой почти не сидел, в 35-м всего лишь полгода, за то, что не дал районному начальству колхозного мёда, но это ведь по советскому времени разве не семечки? Мать не привлекалась ни разу, отец не успел...

Дядя Василь, в честь которого меня и назвали, не успел тоже. Дядя Костя воевал в Манчжурии, газет не читал.

Остальные дядья и тетки не воевали по малолетству, мать на войну не взяли из-за меня.

Потом началась свобода и последний всплеск романтизма в советском периоде Российской жизни, при Хрущеве. Но эти ранние цветки романтизма завяли в 64-м году и с тех пор цветов уже не было, наступила эпоха престарелых секретарей, Афганская война и всеобщая тупость, а похмелье жизни наваяло на страну такую усталость, что казалось, приди любой враг, отдадимся бесплатно.

Какому бесу пришло в голову романтизировать сталинскую эпоху, непостижимо! Кроме меня, никто ведь при ней и не жил, и Сталина не читал, даже Маяковского – ну, если только Герман Николаевич и наш собственный Белинский. И православных священников никто кроме меня не видел, и Библию не читал ни один человек, только я, потому то с ней я и спорю, остальные на партсобрании как-то подняли руки, проголосовали, так с тех пор руки опустить и забыть. Но мы живем в безумное время, в летаргическом сне, может быть именно поэтому даже Сталин кажется не таким пошлым бесом.

В 61-м или в 62-м году в Новом мире вышла повесть Солженицына, она на меня произвела впечатление сказочной повести о райской жизни в неволе, только один символ и впечатлял: строили в этой зоне соцгородок. Беспросветная тяжесть жизни там показана не была, а она была известна даже грудным детям, бесправие во всех сферах, ложь большая чем ложь о всеобщем воскресении после смерти – или, может быть, после тепловой смерти вселенной? Правда, город, особенно столичный, жил немного иначе. Он еще ждал, когда расселят его из коммунальных квартир и ненавидел деревню за ее вольготную жизнь (как ему казалось) на сельском просторе не по свистку. Город ненавидел деревню и крестьян так же, как старослужащие ненавидят молодяк, прибывающий с воли в казарму: ну, мы вас научим жить по первому требованию старших! Вот несчастный деревенский латыш (хотя, конечно, *латышские стрелки* и пили русской кровушки, но почему это в нашей России вечно за грехи беспутных отцов отвечают несчастные дети, и даже за гульливую жизнь гениальной поэтессы с голоду умирает трехлетнее её дитя, а потом по тюрьмам мыкается старшая дочь Ариадна?) – но латышский деревенский увалень взял автомат и расстрелял издевавшихся над ним негодяев (подробности того, что они с ним вытворяли, я напоминать не буду). Его-то я и пожалел, встретив в советской психушке. (Но меня пожалуй тоже было кому. И жену мне с неба прислали верную и любящую, и мать из Сибири приехала проведать аж в Сумасшедший дом, и тетя, и врачи обо мне заботились, не исполняя людоедских чекистских приказов, и медсестры со мной целовались, и даже мировой сионизм, закрыв глаза на мой антисемитизм, выступил в мою защиту. Но, правда, медицинские опыты были ведь уже запрещены на живых людях Нюрнбергским трибуналом? И дрогнула чья-то рука, когда меня повезли на лечение электрошоком. Ждал я связанный полтора часа (и я потом часто думал, не в память ли о казни, которую ждал Достоевский, дано мне было сие испытание? Таланту, правда, небо поскупилось дать, и привлекательного для читателей романа еще я не написал. Но я и не нашел **героя** в Советской России, кроме Павки Корчагина, который строил узкоколейку почему-то в жестокий мороз – а что же они делали летом, эти большевики?); о Сонечках Мармеладовых писать я не смею...

Деревня сталинский режим не любила, и на раскулачивание и для ареста недовольных (которых на месте по разнарядке и выявляли), город высылал своих опричников, и для сбора недоимок приезжала из города группа своего рода карателей (и я, девятилетний мальчишка, гнал нашу корову в лес, чтобы спрятать, и там привязывал к березе). Правда, молодежь из деревни бежала в города, как сегодня бегут из России, но так как паспортов не давали, то попадали в город после армии. Чтобы понять нашу русскую крестьянскую жизнь, надо читать летописи о татаро-монгольском иге.

В завершение воспоминаний о деревне: в семь лет я разглядывал и листал (но и читал понравившиеся отрывки) у крестной матери Библию с иллюстрациями Дорé, в 19 лет моя родственница в читальном зале университетской библиотеки давала мне Библию и сажала в дальний угол, чтобы слава не разнеслась о моих интересах, и там же читал я Розанова, Ницше, Фрейда ... (и тогда же я создал подпольный кружок по изучению Маркса). Но уже с 65 года в Старой книге можно было свободно купить Краснова, Милокова, Мережковского (17-титомник, издательство Вольфа), Иванова-Разумника... Но наибольшее впечатление произвела на меня «История опричнины» Веселовского (и у меня хранится машинописная

Наконец в семидесятые годы обрушились на нас «Архипелаг Гулаг» и «Роза мира» Даниила Андреева... – обе эти книги делают честь русской литературе, но наивно думать, что благодаря им рухнул советский колосс.

Чтобы понять Солженицына, надо понять его мировоззрение, во-первых, его представление о самом себе, во-вторых, и его ожидания, в третьих.

В конце шестидесятых вышел сборник статей «Из-под глыб», аналог революционных «Вех». Как «Вехи» не затормозили революцию (да революционеры их и не читали, кроме Ленина, а этот читал только потому, что ненавидел либеральных интеллигентов и схватился за повод обрушиться на них с критикой), так «Из-под глыб», подготовленная совместно Шафаревичем и Солженицыным, революцию в СССР не ускорила.

Шафаревич был националистом и противником социализма, после выхода этой книги он ходил на работу с узелком, в который укладывал мыло, спички, сухари и соль (он сам мне об этом рассказывал). С Солженицыным они вскоре разошлись, возможно потому, что Солженицын противником социализма не был – во всяком случае, судя по статьям эмигрантов третьей волны (Янов, Синявский, ...), которые обрушились на Солженицына за его веру в Россию и в обновление социализма.

Счастливо исцелившись от раковой опухоли, Солженицын уверовал в свое особенное предназначение, данное свыше. и в начале 90-х, возвращаясь с триумфом в Россию, окончательно в нем утвердился. В своей брошюре «Как нам обустроить Россию?» он писал, что важнейшей целью правительства является **сбережение народа** – чем ему платит вымирающий народ за эти судьбоносные слова? Я тоже поверил в Миссию Солженицына, и ожидал, что вот раздастся громовый голос и он потребует, чтобы Россия встала под его знамена. Решимости обратиться к народу с таким воззванием у него не оказалось. На этом и закатилась его звезда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В центр своего повествования я обычно ставлю себя самого, и ищу верные выводы либо через факты собственной жизни, через личный опыт, либо преломляя бытие чрез свое Я, характер и предназначение. Я думаю, что Бог вложил в меня Мэру истины и добра, и этой вложенной лично в меня мерой я все и мерю, сообразовываясь, правда, с фактами истории и культуры и опытом и мировоззрением тех людей, которые мне кажутся наиболее глубокими и пронизательными.

Дело вовсе не сто́ит так, что я себя возвышаю или ставлю в центр мира как некую икону, я очень хорошо понимаю свои недостатки, и недостаток образования, и горячность (хотя даже и их Бог не приемлет холодных), и доверчивость. При этом я знаю, что с рождением все мы получили способность понимания истории и жизни, но большинство от этой способности отреклось: пусть другие берут на себя ответственность за истину, мы брать ее на себя боимся, сказали они.

На днях мы с женой шли по деревне, я поздоровался с женщиной, которая меня иногда подвозила до шоссе. Она рассыпалась в благодарностях за моё здравие, вы, дескать, единственный и поздоровайтесь, и поговорите, я каждоденно за вас молюсь.

А я в христианского бога не верю. Стало мне стыдно. И ведь много среди моих знакомых верующих, и я их обижаю своим неверием. Может быть немножко, ради них, все же верить в их бога?

Почти так же и с социализмом, и с монархизмом... Прекрасный человек Николай Николаевич Браун, и он монархист. К тому же в современной деревне крестьяне уже не те, что во времена моего детства, те успевали работать и на колхоз, и на семью, колхоз на трудодни давал только зерно, все же остальное надо было заработать вне колхоза, ребяшня собирала летом грибы и ягоды, женщины пряли и ткали, но еще мы все вместе сажали и копали картошку, пололи грядки, и по хозяйству еще было много работы, что непостижимо, откуда брали время! А сегодня «Большой народ» Шафаревича почти весь погряз в пьянстве. Девушки мне жаловались, что не за кого стало выходить замуж. И я с грустью подумал, что **крепостное право надо вводить заново**, чтобы спасти русский народ, а значит, надо возвращать и монархию.

Но иногда мне становится жалко крепостных...

Значит, моя душа мозаична, отчасти она несветская социалистка, отчасти монархистка, и в некоторой степени христианка.

С Александром Исаевичем я связан был словно бы только косвенно, но в то же время и судьбоносно, он меня спасал, я его защищаю. Близким для него я не стал (как, пусть и в малой степени, для Шафаревича, С. О. Шмидта, Б. А. Рыбакова, С. П. Зальгина), но массой тропинок мы пересекались.

Наш национализм обнимал собою русский народ во всей имперской широкости, наш антисоветизм упирался в большевизм, евреев мы и обвиняли и оправдывали. Русских тоже. Да будем мы его вспоминать благодарно!

Тем более что и русская литература по существу антисветская.

ВТОРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Судьба Солженицына своеобразна. Молодость его была благополучна, он поступил на математический факультет Ростовского университета (и общая для него и Шафаревича профессия математика не случайно связывает с ними меня, их младшего почитателя), одновременно он поступает в театральную студию режиссера Завадского (разумеется, *отсидента*), и на фронте получает офицерское звание, что отчасти смягчает суровость военной жизни. Но затем происходит резкий перелом в судьбе: арест, суд, лагерь, ссылка, смертельная болезнь (хотя и чудесное исцеление). Затем годы безвестной жизни Рязанского учителя – и снова чудо: восторженное отношение Твардовского и Лакшина к его первой повести, дружба с ними, дружба с Ростроповичем и Вишневской, с Шафаревичем, внимание Хрущева, выдвижение на Ленинскую премию – но сова обал, лишение высшей государственной премии, травля «друзьями-писателями», насильственное изгнание из страны, неприятие за границы либеральной эмиграцией. И вновь триумфальное возвращение, слава, несостоявшееся мессианство, забвение, смерть, новая травля, теперь уже со стороны бывшей *советской интеллигенции*, казалось бы потерпевшей поражение от вернувшегося капитализма. Шафаревич в восьмидесятые и девяностые годы, подвергается травле со стороны интеллигенции всемирной, и советской и антисоветской и западной.

Мне удалось издать несколько книг Солженицына в девяностые годы в кожаных переплетках ручной работы. В это же время я непостижимым образом помог связать Игоря Ростиславовича с его другом, всемирно-известным немецким математиком Питером Клаусом, разрыв с которым Игорь Ростиславович тяжело переживал.

В завершение своей статьи должен сказать и о том, что элемент чудесного играет самую важную роль в моей собственной жизни. Я не сомневаюсь, что некоторые события ее являются событиями пьесы, созданной в качестве литературного произведения. Так, в семидесятые годы я подружился с известным арабистом, переводчиком Корана Теодором Адамовичем Шумовским и его семейными (он считал меня своим самым близким другом), издавал его рассказы и стихи, матерьялы о его бывшем друге Льве Николаевиче Гумилеве печатал в журнале МЪра – о разрыве их многолетней дружбы я ничего не могу сказать.

Кажется, есть еще место и для маленькой математической Загадки. Значение математики в эстетике и культуре неоспоримо, нотный ряд лежит в основании музыкального строя, "*числа Фибоначчи*" объясняют рост растений и строение кристаллов, связанное с ними "*Золотое сечение*" ($\alpha = 1.6$ и 1.62) определяет гармонические пропорции в зодчестве и в строении человеческого тела, египетский треугольник позволяет идеально строить прямой угол без сложных измерений – но есть еще *деление отрезка на три части*, из которых средняя является "*средним пропорциональным*" двух крайних и связанной с ними ряд чисел 0, 1, 2, 3, **6**, **11**, **20**, **37**, 68...и *второе золотое сечение* $\beta = 1.82$). *Сей ряд я и посвящаю двум выдающимся деятелям русской культуры, И. Р. Шафаревичу и А. И. Солженицыну.*

Подводя черту. ... Нет, ставя многоточие...

Прочитал у А.В. рассуждение «маньяка атомной войны» (как его аттестовала БСЭ, то есть Бертрана Рассела, о том, что мир как сумма частиц задан всем своими импульсами и движениями, и будущее состояние мира предопределено его прошлым состоянием (вот так же, быть может, исчислены Господом все волосы у нас на головах, как о том говорится в Новом Завете). В начале 60-х годов мы, студенты, приступающие к практике размышлений, спорили и об этом, и тоже ожесточенно. (Как и о социализме и о бытии божьем).

В действительности, прежде чем поддерживать какую-то точку зрения или возражать ей, надо рассудить о самой постановке задачи, корректна ли она, большинство задач не корректны. В идее предопределенности мира (бытия) снимается (или отрицается, или не устанавливается) его разделенность на субъектность и объектность, возможность или принципиальная невозможность наблюдателя; очевидно, не сам мир предлагает нам предмет спора, а Бертран, входит ли Бертран в этот мир как часть его атомов и корпускул или обладает индивидуальностью, не ясно. Во-вторых, если настоящее и будущее бытия содержится в прошлом, то отрицается разделенность на прошлое и будущее, более того, отрицается время.

Но отрицается (или не учитывается) хотя бы возможность Бога и чуда, рассуждение предлагает уже в их происшедшем отрицании, даже в отрицании бытия и инобытия и каких-либо качеств у бытия.

Иногда ставится задача (или предлагается предмет спора) в рамках испорченной логики, так спящий идет, держа мою голову подмышками и предлагает мне ответить на вопрос, может ли это быть. В вашем сне, милостивый государь, все может быть, но если вы проснетесь, то, быть может, вы даже не вспомните обо мне. Подобные споры разрешаются просто – **Пробуждением**, надо подождать, пока проснутся спящие (или разбудить их, что бывает сложно. Но чаще всего они пробуждаются сами, никто их не будит: устают спать или становится страшно. Так Россия проснулась от социализма, Шафаревича она не читала, и меня тоже. Проснется ли она от своего бредового и порочного настоящего?) Иногда наличное бытие рушится в результате своего рода «усталости металлов», когда даже мосты рушатся сами по себе, так рухнуло христианство в Европе и началось Возрождение, затем и Французская революция, никто не разбудил французский народ, он проснулся, когда уже лязгала гильотина.

Никого не пробудил и я, за целую жизнь ни одного, но если рухнул социализм сам по себе (ни один человек в мире не предвидел того и не верил тому), то вероятно, что рухнет и нынче гнусное время, быть может достаточно для того НРЖ, хотя его никто не читает. Но чудо возможно.

И, наконец, хочу ли я кого-то опровергнуть? Я думаю, что это не нужно. Мы многому учимся, даже сопоставляя наши точки зрения, мы изменимся сами, если будем прилежно писать. Вчера я разговаривал в автобусе с красавицей, она уже почти согласилась, но подоспела ее остановка и все мое красноречие пропало зря... Хотя будем все же надеяться. К тому же, не обижайтесь, я никого не хотел обидеть... *Устанем спать и проснемся...*

Есть еще и третья причина, по которой наши споры бывают не содержательны и не приводят к осмысленным выводам. Мы не только забываем о разделенности бытия на субъект и объект, но и отождествляем часто наши рассуждения с предметом, о котором идет речь, особенно часто это возникает при невнимании к актуальной и потенциальной бесконечности, о которых говорил еще Аристотель. Адекватны ли наши рассуждения действительности, корректны ли они? Так в апориях Зенона, когда мы доказываем, что Ахиллес не догонит черепаху, мы предлагаем некоторую схему рассуждений, которая в виде схемы не имеет конца. Можно было бы утверждать, что и у конечного отрезка нет конца, ибо у него должна быть сначала середина, удостоверившись в ее существовании, мы заявляем, что далее должно выяснять, есть ли середина второй половины, середина оставшейся части и так до бесконечности, которая в нашем рассуждении никогда не наступит. Более того, нельзя удостовериться и в существовании *точки, мгновения, непрерывности или дискретности самого движения: непрерывность как явление ненаблюдаема*. Впрочем, очень многое в мире не наблюдаемо, и черные дыры (мы наблюдаем корпускулы или волны света, которые падают на наш прибор, далее производим рассуждения, подобно тому как черепаха убегает от Зенона). Сознание нетождественности сознания и бытия не должно нас приводить к выводу о недостоверности сознания, более того, рассуждения Маркса или маньяка прямолинейной логики Рассела не должны нас приводить к выводу о несуществовании сознания, о его вторичности или следственности из материи, о том, что оно только пар, кисея, иллюзия... впрочем, и сама материя не только иллюзия. Спорить не следует вовсе, надо доброжелательно **беседовать**, прежде всего исходя из того, что нас может объединять.

Если мы сознаём, что мы русские, то русскость нас может объединять, даже при признании разных богов: конечно, мне не нравится бог, который пришел спасти свой народ, а в итоге сказал, что быть земле его пусто, и начал спасать чужие народы, и вот сегодня нас, русских, 80 миллионов, хотя было тридцать лет назад миллионов на тридцать больше, и всё убывает, а мне возражают, что это не важно, пусть и вовсе не станет потомков и единоплеменников и исчезнут язык, страна, культура и государство, и твои *русские бабы уже не нарожают*, но нарожают китайцы, американцы, арабы и индусы – разве они хуже? Нарожают христиане, а когда они перестанут рожать, нарожают мусульмане и ацтеки – или ты думаешь, что русские лучше? Нет, я так не думаю, я даже думаю, что русские, уже заведомо отрезающиеся от **верности** родине, народу и языку, от верности будущему, в котором будут жить наши дети, заведомо **хуже** всяческих даже диких людей, даже тех, которые съели Кука.

И сколько бы Солженицын ни ошибался, я буду ему признателен за то, что **сбережение народа** он объявил главным долгом правительства. И так же признателен я Шафаревичу, Иванову-Разумнику и Солоневичу, что народность в основе их мировоззрения, а как нам устроиться на этой земле, и которым богам молиться, должно вытекать из соединенности нашей с нашим народом.

Но возможно и **чудо**. Вдруг и красавица, сбегавшая из автобуса, мне напишет письмо и предложит встретиться для продолженья беседы?!

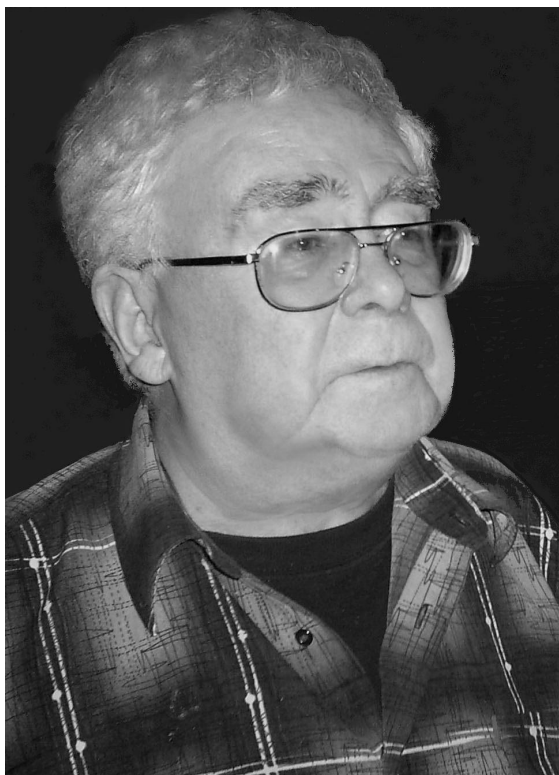
Я не стремлюсь к тому, чтобы все в России вдруг стали одинаково думать, но вот я читаю, как подростки и девушки во время войны убежали на фронт, как вся страна в едином порыве смертельно напрягала силы в противостоянии Германским прощичам – и оглядываюсь вокруг себя.

Читаю о строительстве могильника атомных отходов под Красноярском, в четырех километрах от берега Енисея, туда будут их свозить со всего мира, сотни миллиардов долларов получит несколько человек, подняли уже пенсионный возраст, доживет ли следующее поколение до пенсии? Почему это никого не колышет? Почему на демонстрацию протеста пошел только один Володя Меньшиков на всю страну? Я не пеняю ему на его неприятие Солженицына, я жил целую жизнь среди этого неприятия, я жил среди своего русского народа, который целую жизнь пенял мне на то, что я написал статью «Духовное освобождение и Русь», в которой утверждал, что Русь и родина и духовная свобода – смысл бытия отдельного, за что просидел три года (конечно, в России это почти что всего лишь шлепок, эта страна уж если карает, то миллионами жизней!) – и так же я жил среди ненависти к Солженицыну, когда даже вышел дикий чекистский фильм о том, как Бандера расстреливает русских, а рядом в кадре Солженицын встречается с папой Римским (с которым встречался и наш патриарх), потом голод в Поволжье, «зверства белых», расстрелы уже евреев и снова Солженицын с кем-то со спины обнимается (уж не с Бандерой ли?) – и потом мне пеняли мои друзья, что мы тебе доверяли, а твой Солженицын *расстреливал партизан*?! И я поссорился с нашей ближайшей подругой, и я поссорился со своей женой, и они до сих пор уверены, что дело было не чисто, ибо *кормчие не ошибаются*. Мой великий народ, среди которого выдающийся конструктор Глушко, **НЕ** подписавший обвинительного заключения (когда Королёв его подписал) – потом они вместе после освобождения строили наши ракеты, хотя и не разговаривали друг с другом; среди которого великий философ Солоневич, написавший книги «Россия в концлагере» и «Народная монархия», бежавший из тюрьмы и через всю страну и границу на Запад, и по приказу Сталина убили его жену; среди которого Герцен и Бакунин; среди которого великий поэт и мистик Даниил Андреев, написавший «Розу мира» и умирая во Владимирском центре **НЕ** написавший Прощение о помиловании (написал его начальник тюрьмы, и они теперь оба одесную царя небесного), среди которого великий ученый Николай Вавилов, убитый в тюрьме в 1942 году, среди которого Павел Васильев и Ольга Берггольц, Игорь Ростиславович Шафаревич, академик Ухтомский, создатель учения о доминанте, ходивший на работу с узелком, в котором была смена белья, сухари и соль, умерший в блокаде с голоду, и брат которого, епископ Андрей, создатель Катакомбной церкви, был расстрелян в 37-м году (поклоняются ли ему современные православные? Или только сергианцам, обновленцам и униатам?) – я знаю, в чем тут «фишка», есть целый слой людей, и он наибольший в нашем народе, это слой людей, бог которых – кесарь но не Бог, и кесарь всегда прав и всегда велик, и чем больше трупов у него под ногами, тем он велик более. Я могу заполнить все страницы этого журнала фамилиями выдающихся русских людей, но при очередном опросе народ уверенно выкрикнет безграмотное «Сталин – имя России!».

Я не любил советскую КПСС, меня эти тысячи транспарантов, провозглашающих «славу» «зажравшейся» – вот уж подлинно *зажравшейся* и именно «от пауза» КПСС (разве, Володя, ты будешь мне возражать?!) – хотя и неизмеримо менее чем нынешний «аллигархат» – но я жил в развивающейся стране среди ЖИВОГО народа, на тысячах кухонь кипела мысль (вытесненная со страниц легальных журналов), *было с кем поговорить и поспорить* – более того, в метро (в смутную пору начала *перестройки*) я встречался даже с сотрудниками КГБ, пришедшими для «нелегальной» встречи со мной, чтобы поговорить о правде жизни – и мы были удовлетворены нашей беседой – нет, не так прост и забит и рабелепен был наш народ 35 лет назад! – и не один Солженицын был в оппозиции, а вы не помните имена легальных Александра Яшина, Виктора Некрасова, Бориса Можаева, и полулегальных и нелегальных Амальрика, Янова, епископа Родзянко, дневники Пришвина, ... многих я уже смутно помню, но они возбуждали умы, или вы думаете, что инквизиция в состоянии удержать крышку над кипящим котлом целой страны?

Советская интеллигенция еще сильнее закипала от вполне легальных сочинений Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева, Владимира Тендрякова, Чингиза Айтматова (господи, как пала литература, опустившись до Сорокина и Пелевина!) Я не хочу переубедить, я всего лишь хочу понять, почему вы гордитесь Гришкой Распутиным и Николаем Вторым, чекистами и опричниками сумасшедшего Грозного, проигравшего все войны, которые он вел (Казань взял не он, ему тогда было 16 лет, и предводительствовал войсками князь Курбский), Жуковым а не Рокоссовским, Берией а не теми полководцами, которым он выбивал зубы на допросах? Я хочу понять, но боюсь, что уже не успею. Ночью мне было плохо, я подумал, что умираю, а что с моим народом, из которого убежало на Запад десять миллионов – это как из-под Москвы в декабре 41-го и с берегов Волги? А прихожу в общество, все улыбаются... А если бы был болен ребенок, неужели не было бы озабочено или печально лицо? Почему же ни у кого оно не опечалено, кроме меня? И мне становится страшно, вдруг я уже умер, и этот беспробудный сон безучастья я вижу в своем смертном сне? **Или уже умер народ?** И поэтому его лицо неподвижно? В шестидесятые годы я верил в будущее России, несмотря на социализм; я даже верил в *«социализм с человеческим лицом»* (крушение христианства или социализма не остановить кострами инквизиции или расстрельными судебными тройками ГПУ, не вспоминайте с грустью колючую проволоку! И не заградотряды спасли Россию!!!) Осуждение Сталина *было принято партией*, сподвижники Сталина были осуждены, но **рухнула страна только потому, что устала**. Я не раз пил чай с **Байбаковым** (министром еще при Сталине) в 97-99 годах, это был замечательный человек, образованный, умный, живой, он мне говорил о Чернобырдине и Зюганове и поколении, пришедшем на смену в 80-90-е годы: *«Не ходи ты к ним, Васенька, это не те люди!»* Петя Романов (зам. Зюганова) в школе смотрел на меня с восхищением, ну, я сдуру дал ему свою «Боль и любовь» – неужели расхожденья во взглядах достаточно, чтобы отречься от школьной дружбы!? И я так и умру и не пойму, что случилось с русским народом сегодня...

VI. ЛИЧИНЫ, ЛИЦА, ЛИКИ.
(литературная и философская критика)

(4.10.1931, Ленинград – 26.02.2019, Санкт-Петербург)

«ВОТ И ТЫ ЗАПРОСИЛСЯ В ПРОСТОРЫ НЕБЕС»

Утром 26 февраля 2019 года литературную общественность России потрясла горестная весть: после недолгой болезни в Санкт-Петербурге скончался поэт Глеб Горбовский, имя которого ещё при жизни вызывало в сердцах волны невольного восхищения и радости только от одной мысли, что где-то среди нас живёт этот удивительный человек, наделённый божественным даром видеть, слышать и выражать свои чувства в словах так, как никто другой.

С выходом книги «Поиски тепла» (1960) все ощутили, что в России появился пронзительный поэт, истинно русский по своей сути, с индивидуальным голосом, вобравшим трагический опыт своей эпохи. Его детские годы прошли в скитаниях по дорогам Войны, которая разлучила его с матерью и отцом, к тому времени репрессированным... за любовь к литературе.

Все последующие книги Глеба Горбовского вызывали пристальный интерес, а порою ожесточённую полемику в прессе («Тишина»).

Его место в Поэзии никогда и никем не оспаривалось. Его путь к читательскому признанию по советским меркам можно считать триумфальным. Впереди его ожидали многочисленные литературные премии. Однако свою жизнь он предпочитал проживать несколько в стороне от блистательной плеяды поэтов-шестидесятников (Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А Вознесенский, Б. Ахмадулина).

Его глубоко волновало творчество таких разных поэтов, как Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Соколов, С. Куняев, А. Передреев, Л. Агеев, М. Дудин, А. Кушнер, И. Бродский. Однако его самыми любимыми поэтами были Александр Блок и Сергей Есенин. Ему довелось встречаться в доме творчества Комарово с Анной Андреевной Ахматовой. Среди его друзей были писатели-классики: А. Битов, В. Конецкий, Д. Гранин, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин. Этот перечень имён далеко не полон.

Безусловно, с кончиной Глеба Горбовского перевернута ещё одна необъятная страница русской литературы, которая освещена светом его поэзии.

Родившийся в городе, Глеб Горбовский никогда не утрачивал связь с российской глубинкой, которая неизменно вдохновляла его.

Выход книги стихов «Избранное» (1981) не оставлял сомнения – перед нами раскрывался внутренний мир яркого приверженца классической русской поэзии. Будучи знаменитым, он никогда не «бронзовел» и не терял иронического отношения к себе. Его самобытный поэтический язык ещё ждёт своих исследователей.

Поэзия Глеба Горбовского вдохновляла таких композиторов, как В. Соловьёв-Седой, С. Пожлаков, Г. Портнов, А. Морозов, а также многочисленных авторов-исполнителей. Из этого творческого содружества

родилась уникальная книга «Человек-песня», ставшая приложением к первому собранию сочинений Глеба Горбовского в семи томах, в который вошли стихи из сорока поэтических книг мастера и его прозаические произведения.

Инициатором упомянутого проекта явилась супруга Глеба Горбовского поэт и журналист Лидия Гладкая, а сподвижниками и помощниками в его реализации стали давний друг поэта Борис Тайгин и директор издательства «Историческая иллюстрация» Николай Кирющенко.

В этом же издательстве при активном участии Лидии Гладкой вышли две знаковые книги Глеба Горбовского «Окаянная головушка» (1999) и «Распутица» (2000), первая из которых была удостоена литературной премией имени Александра Прокофьева.

Находясь в преклонном возрасте, поэт продолжал творить. В «нулевые» годы XXI-го века, проживая в Новой Ладоге и в Комарово им было написано около тысячи стихов, большая часть которых вошла в книгу «На празднике Жизни».

Сборник избранных стихов был подготовлен, но в силу ряда обстоятельств, издан не был. Стихотворение, которое дало название всей книге заканчивалось строками: /«Букашкой тебя или гением звали, – / держись несгораемых истин! / Мы все моментальны, но мы побывали / на празднике Жизни!»/

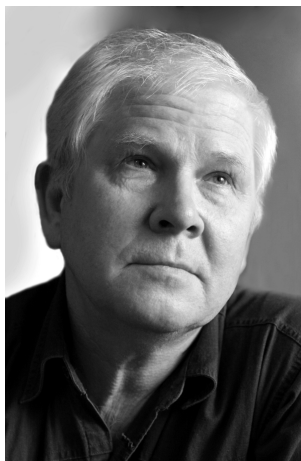
Несмотря на все тяготы судьбы, Глеб Горбовский был счастливым человеком, ведь рядом с ним последние двадцать лет неизменно находилась Лидия Дмитриевна Гладкая, которую он не без основания называл «великой женщиной».

...В канун весны 2019 года мы потеряли Поэта, но память о нём навсегда останется в наших сердцах. Еще на заре своего творческого пути он предсказывал: «Я умру поутру», одновременно предчувствуя, что стихи его, «как остатки души» не умрут. В этом нам видится залог его поэтического бессмертия.

...Выражаем глубокое соболезнование родным и близким Глеба Яковлевича Горбовского, а также многочисленным почитателям его поэтического дарования.

Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России

Николай Астафьев

ВСПОМИНАЯ ПОЭТА ГЛЕБА ГОРБОВСКОГО

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

О, сколько раз входил я в этот зал,
где Дух Святой к смирению взывал.
Ищу глазами и не нахожу
знакомых тех, кого в душе ношу.

Их души тайнозримые – со мной –
витают где-то рядом, за спиной.
Но кто из них окликнул, не берусь
ответить сразу, если оглянусь.

2-9.11.2018,

*Свято-Духовский центр Свято-Троицкой
Александро-Невской Лавры.*

МЕТЕЛЬ

Вот и ты запросился в просторы небес...
Глеб Горбовский

Раб Божий Глеб – на Богословском...
А где же, где же ему быть? –
Блуждать в снегах на Комаровском,
чтоб в одиночестве застыть?

Не место красит человека,
а человек – Земли венец.
Он ищет место для ночлега
и обретает, наконец...

Земля – надёжная гробница,
Земля – юдоль и колыбель.
Проходят лица вереницей
и замечает их метель.

...Глеб о себе ещё напомнит
дыханием своей строки
и – будет чутким сердцем понят
всем пересудам вопреки.

Настанет день и он проснётся
среди возвышенных миров
и нам оттуда улыбнётся
на самом дивном из пиров!

1.03.2019

СОРОКОВИНЫ

Памяти Глеба Горбовского

В газетах не пестрят твои портреты,
но мы тебя запомнили душой,
как истинно российского поэта!
... Ты с нами, никуда ты не ушёл.

На перекрёстках атомного века,
глаголя, ты оправдывал *раба* –
но только *Божьего!* – в обличьях человека.
... *К тебе не зарастёт народная тропа.*

6.04.2019, Богословское кладбище

Анатолий Михайлов

МОЙ ГЛЕБ

Иосиф Бродский, Анатолий Найман, Глеб Горбовский
(Комарово, март 1968 г.).
фото Эры Коробовой.

РУССКАЯ КРЕПОСТЬ

1

*Постучали люди в черном,
их впустили, как своих...*
Гл. Горбовский

Горбовский открыл мне в трусах. Когда я к нему позвонил, он в это время, оказывается, одевался. Глеб стоял в одном носке и деловито просовывал ногу в штанину.

Я промямлил:

– Глеб... – и загнулся. Потом поправился, – Глеб Яковлевич... – и замолчал.

Нога, на которой стоял Глеб, теперь была вторая. А над коленом первой синела татуировка.

Я хотел разобраться в ее содержании, но покамест вникал, Глеб уже успел штанину одеть.

Он меня пригласил:

– Заходи! – и мы с ним прошли на кухню.

Я удивился: тахта. На столе из пишущей машинки торчал чистый лист бумаги. В углу под раковиной выстроилась целая батарея пустых бутылок из-под кефира.

Глеб перехватил мой взгляд и, похоже, передо мной оправдался.

– Надо бы сдать... Все никак не соберусь...

Я сказал:

– У меня песни. На ваши слова. Две пленки.

Он огорчился:

– Пора бежать. А завтра не можешь?

Я обрадовался:

– Могу. А во сколько?

Он спросил:

– Ты работаешь?

Я признался:

– Да нет. Я только переехал. Поменял. Москву на Ленинград.

Он удивился:

– Да? Странно. Ну, давай, часов в двенадцать. А то вечером дела.

Тут он вдруг вспомнил, что стоял, когда я вошел, в трусах, и снова как будто оправдался.

– Да. Потолстел. Старый уже стал. Сорок лет.

Я поддакнул:

– Да. Я тоже думал, моложе.

Он усмехнулся:

– Старше Евтушенко.

Мы с ним вернулись в коридор. Я надел ушанку и уже собрался уходить. Он улыбнулся и вдруг протянул мне руку:

– Глеб.

Я совсем смешался и прошептал:

– Толя... – потом поправился, – Анатолий... – и снова поправился, – Толя...

Как я ни волновался, но все-таки успел заметить, что у Глеба на левой руке не хватает указательного пальца.

2

*...Я куплю себе галстук,
зеленый, как поле...*

*Будь он проклят –
разумный и будущий я...*

Гл. Горбовский

Когда я набирал его номер, то больше всего боялся нарваться на женский голос. А то как-то раз позвонил, и подошла, я думал, домработница, а это, оказывается, его половина, а когда я спросил «Глеба Яковлевича», мне каким-то раздраженным тоном ответили, что «его нет дома», и не успел я открыть для следующей фразы рот, как тут же послышались гудки. Сначала это меня озадачило и даже расстроило, но потом я себя успокоил, все-таки у человека семья, к тому же, Глеб совсем недавно переехал в новую квартиру, и тоже все на нервах, и теперь у него уже трехкомнатная, а когда я его разыскал через справочное бюро, была еще только однокомнатная и потом с каждой новой встречей прибавлялось по комнате, а в прошлом году, когда я ему привозил прослушать кассетник, хотя пространства и прибавилось, он меня почему-то в комнату даже не пригласил, или хотя бы на кухню, и мы с ним стояли и разговаривали в передней, наверно, Глеб тогда просто устал, его в тот день вызывали в Смольный на совещание работников культуры. Но несмотря ни на что Светочка так для меня и осталась все той же восторженной девочкой, она еще училась на филфаке и защищала диплом на тему «Глеб Горбовский и советская поэзия», а может, «Глеб Горбовский в советской поэзии», я уже точно не помню, наверно, одно и то же, но все-таки не совсем, если, конечно, вдуматься, и я еще удивился: везет же людям (а мне в том же самом году в Магадане любимая женщина засветила по темени бутылкой и даже ходили зашивать). И когда я Светочку только увидел, то подумал: ну, надо же, какая взрослая дочь (сейчас, наверно, его первой дочери уже за двадцать), а это, оказывается, жена; Глеб все, помню, шуточно ее похлопывал по мягкому месту и все повторял «Ну, ладно, ладно... дай с человеком поговорить...»; а когда перед этим слушали магнитофон, то Светочкины глаза так и лучились радостью и одновременно гордостью, и в самом начале каждой песни она чуть ли не хлопала в ладоши и все восторженно приговаривала «Ой, и это... и это тоже!.. Глеб, это же наше...

любимое...», а когда речь зашла о выпивке, то со словами «А мы уже больше не пьем!» ласково обняла Глеба за плечи. И Глеб все смущенно улыбался, и вокруг из книжного шкафа и со стен глядел на нас со своих фотографий, совсем еще ранних и редкостных, где Глеб все еще тот, давнишний, «пропахший земляникой», и уже недавних, последних, где он чуть ли не во фраке, и сразу же припоминается его «Зеленый галстук». А Светочка сейчас, наверно, уже солидная дама (и теперь у них с Глебом тоже дочь) и, скорее всего, больше уже не носит таких кокетливых с кружавчиками платиц.

Но к телефону подошел сам Глеб, я его сразу же узнал, и мне показалось, что он на меня как-то даже обиделся. За мой не совсем уместный вопрос: помнит ли он меня или нет – ну, конечно, помнит.

– Ну, как ты там, чем занимаешься?

– Чем занимаюсь... Да все тем же... Слушай Глеб... все, что я тебе записал...

Но он меня перебил:

– Знаешь, сегодня не могу. Занят. Пишу прозу.

И я ему даже позавидовал. Что до стихов я покамест еще не дорос. Еще не дорос до своего «Евгения Онегина».

Может, попросить почитать. Но я все-таки постеснялся.

Я уточнил:

– Вообще-то не обязательно сегодня. Просто я все твои песни перепел. С другим аккомпанементом.

Он поинтересовался:

– Ты мою последнюю книжку не читал?

Я спросил:

– Какую, рыжую?

Я думал, он спрашивает про свой «Монолог». Туда вошли стихи из всех его книг.

Но вот что обидно: все, что мне по душе, написано уже очень давно. Еще в шестидесятых. И даже в пятидесятых. А из его последних сборников у меня так и не вышло ни одной песни.

Правда, одна все-таки получилась. Но потом пригляделся, и оказалось, тоже из ранних. Просто раньше, наверно, было никак не пристроить.

А стихотворение что надо. В особенности начало:

*Страшней всего – остаться одному.
Таскать по свету душу, как суму,
стучать в дома, завешенные тьмой,
и всякий раз – не попасть домой.*

Когда еще Глеб напишет такие строчки?

Но оказалось, не рыжую, а такую серую, с розовым заревом. «Видения на холмах».

Он посоветовал:

– Купи последний номер «Смены». Там у меня поэма. «Русская крепость». Потраться. Всего двадцать пять копеек.

Я пообещал:

– Конечно, куплю... обязательно... только ты знаешь... мне твой последний сборник... вообще-то не очень... ты знаешь... не понравился...

И не успел я еще все это произнести, там, откуда уже все крепчало молчание, что-то успело заклинить и, сдвинувшись, поехало прямо на меня...

– Думаешь, там только про войну?.. – голос Глеба, мало того, что изменился, он у него как-то вмиг скособочился. Как будто мое признание своротило ему скулу, и теперь уже не восстановить. – Да ты читай, читай дальше...

И тут мне показалось, что Глеб как-то вдруг даже захмелел. Жалко, что по телефону нельзя было почувствовать запах. А то бы, наверно, понесло перегаром.

– Да где ты еще найдешь... такого второго Глеба Горбовского!!! – эти слова Глеб уже не произносил, а цедил и не просто, а с какой-то подворотной ухмылкой. Вроде бы мы с ним на толковище и, чтобы друг друга распалить, прежде чем приступить к серьезному разговору, «ботаем по фене». – Ну, а что тебе нравится?..

Я пролепетал:

– Понимаешь... Мне от тебя... – и запнулся. Я хотел ему сказать, как мне было когда-то дорого каждое его слово, но язык меня почему-то не слушался, – я люблю твое старое...

– Жидовня-я воню-ю-чая!.. – точно сделал для себя уже давно напрашивающийся вывод, проворчал на прощание Глеб, – иди-и на-а х...!.. (ну, надо же: так спокойно, с расстановкой – как будто пожелал мне счастливого пути) – и бросил трубку.

3

*Здесь Московии царь,
напрягая карающий мускул,
настоятельно голову снес – самолично!
Понервничал малость...
Царь был Грозным царем,
и такое ему – полагалось.
Снял головку и вдруг зарыдал,
осознав в себе хама!*

Гл. Горбовский

– И все-таки ты не прав... – Лена отодвинула от меня стакан и, протянув бутерброд, откинулась на спинку тахты, – ведь ты же его тоже обидел. Мне кажется, ты должен ему позвонить еще раз.

– Нет, ты только послушай:

*Кровь текла на булыжник.
А крепость алела рассветно...*

*Царь берег государство.
Он делу служил беззаветно.
Пусть монах невиновен!
Невинная кровь, если надо,
охраняет владыку
надежней любого солдата.*

Я отложил «Смену» в сторону и встал.

– Ну, что, решился?

Я сделал шаг и остановился. Ноги меня не совсем слушались. Ноги были со мной заодно.

– Понимаешь, не могу. Мне уже и так все ясно.

– Ну, иди, иди. Да не бойся... – Лена все еще пыталась меня подбодрить.

Я сделал шаг и снова остановился.

– Не могу, понимаешь? Ну, просто не могу... – я еще все стоял на пороге.

Лена снова повторила:

– Да не бойся. Иди...

– Ну, ладно. Попробую... – я еще раз посмотрел на Лену и вышел в коридор.

А может, все-таки Лена права? Может, у него, и правда, запой. Все не пил, не пил, а потом вдруг раз – и запил! Но ведь у него уже была белая горячка. Даже, говорят, не одна. А вдруг он сейчас царапает руками стенку или, скрипя зубами, разрывает на груди рубаху... Что же делать?

Я схватил трубку и все никак не мог попасть в циферблат. Палец у меня дрожал. Наконец, номер закончился, и в трубке послышались короткие гудки.

Занято. Ну, слова Богу. Значит, не горячка. Ведь не может он одновременно царапать руками стенку и разговаривать по телефону.

А вдруг я не туда попал? Я снова набрал его номер. И опять было занято.

Я снова вернулся в комнату.

Лена на меня ласково посмотрела и спросила:

– Ну, как?

Я ответил:

– Занято. – И сел на тахту.

Пока я ходил звонить, Лена уже успела налить нам по новой. Она снова сделала мне бутерброд.

– Ну, давай, за удачу!

Я схватил стакан и запрокинул голову...

Лена прикоснулась ко мне ладонью и погладила:

– Ну, успокойся, успокойся. Сейчас все уладится. Вот увидишь...

А что может уладиться? Ведь если Глеб в запое, значит у него просто срыв. Но тогда ему все равно каюк, от запоя. А если не в запое, тогда это уже не Глеб. Что же лучше?

Я снова встал и опять вышел в коридор. Трубка была вроде гири. Ну, что я ему буду говорить?

На этот раз гудки оказались длинными, и я услышал голос Глеба. Обычный трезвый голос. Можно вешать трубку. Я это уже почувствовал. Но решил все довести до конца.

Я выдавил:

– Глеб... Это снова я... Я вообще-то не должен тебе звонить... Но понимаешь... Ты меня только выслушай и, пожалуйста, не бросай трубку... (Глеб молчал.) Понимаешь, я сейчас... Помнишь Лену... Она говорит... позвони... Может, ты вчера был просто не в себе...

– Не обращай внимания! – Глеб точно вдруг снизошел и с высоты своего трона бросил мне царственный жест. Он решил меня помиловать.

– И еще... – тут меня словно качнуло, и, восстанавливая равновесие, я нащупал подошвой канат, – и еще ты вчера говорил про евреев...

– А ты что, еврей?! (Вот тебе раз!) – И вдруг снова, как и вчера, от него понесло перегаром. Каким-то луком. Вперемешку с квашеной капустой.

– Да как тебе сказать... Понимаешь... Ты... ты для меня... Но я все равно (Глеб молчал, запах лука вперемешку с капустой все усиливался)... все равно я от своих слов не отказываюсь...

– Упря-я-мый бара-а-н!... – с какой-то настойчивой досадой прохрипел в сердцах Глеб. – Да насра-а-л я на тебя и на твою Лену...

Я послушал гудки и, постояв в одиночестве, снова вернулся в комнату.

– Ну, как, – улыбнулась мне с тахты Лена, – поговорил? (Глупышка, она еще на что-то надеялась.)

– Да. Поговорил. Я оказался прав. Он на нас насрал.

1977

БЕТХОВЕН И РАХМАНИНОВ

Давая оценку творчества Глеба, академик Панченко сравнил Горбовского с Бетховеном, правда, с оговоркой, что если Бетховен со своей «Лунной сонатой», хотя и пессимист, но по сути ОГЛЮУШИВАЕТ, то Глеб (будучи *ночным лесовичком*), по сути – оптимист и наоборот – УТЕШАЕТ, и Ваня Сабилло, вскочив, разгневанно возмутился, что Глеб совсем не Бетховен, а скорее Рахманинов, потому что от немца, хоть переводит его на ямало-ненецкий, все равно никакого толку, а Глеб – свой, **русский** – и его сразу же поймет даже зимующий в яранге коряк-оленеvod, и академик с Ваней тут же согласился, после чего поведал, что ему однажды рассказывал сам Глеб.

Попали они как-то с Соловьевым-Седым где-то на Псковщине в церковный приход, и после поста все, как собаки, голодные, а там икра и малосольными огурчиками севрюга, а потом батюшка и предлагает, ну, а теперь, кто хочет, может расписаться в книге почетных гостей, и все, кроме Глеба с Соловьевым-Седым, сразу же в кусты, в особенности секретари обкома, и Соловьев-Седой написал, что Бог это хорошо, в особенности,

если Бог тебе нужен, и Глеб Василия Павловича тут же поддержал и письменно подтвердил, что он с ним по всем параметрам солидарен, и академик Панченко еще раз подчеркнул, что как УТЕШИТЕЛЮ, Глебу вообще нет равных.

И взволнованная литературная дама тут же всем рассказала, как в свое время Коля Рубцов так обожал Глеба, что однажды выдал стихотворение Глеба про осину за свое, и все одобрительно захопало, после чего растроганный Глеб подтвердил, что они с Колей неоднократно выпивали, и Коля, хоть и небольшого роста, но был очень сильный, и когда они с Колей боролись, то Коля его постоянно укладывал на лопатки.

ПРИМИ ЗА ЛЮБОВЬ

*...и алкоголики тревожно
договорятся – и запыют...*

Гл. Горбовский

1

Позвонил Алексеев.

Обычно он звонит сначала Глебу и, обозначив место встречи, делится с ним своей последней новостью.

– Тебя хочет видеть Михайлов.

Потом звонит мне и, продублировав намеченный пункт назначения, даже не моргнув глазом, сообщает:

– Тебя хочет видеть Глеб.

Но на этот раз, в нарушение традиции, он сразу же берет быка за рога.

– К тебе идет Глеб. Через десять минут выходи в Пушкинский садик.

И дает мне задание: купить Глебу бутылку и доставить его в целости и сохранности на Кузнецовскую.

(Володя Алексеев – мой сосед: я живу на Пушкинской, а он (Алексеев) живет в коммуналке на Невском. И если у Коли Шадрунова на первом этаже в его рассказе «Приключение с негром в Рамбове» в «скворечнике» за форточкой всегда дежурит стакан, то у Алексеева на пятом этаже, помимо стакана, имеется еще и чайник с рассолом. И в прошлом году Алексеев нас там с Глебом и познакомил. Меня – ровно через двадцать лет после нашей с ним «Русской крепости». А Глеб – как потом выяснилось, меня вообще не запомнил, такое я на него произвел неизгладимое впечатление. Зато сейчас я все с лихвою наверстал: Глеб что-нибудь выкнет – и я его сразу же цитирую. Например, про его вторую жену, покончившую с собой в «расчужой Америке». Сначала процитировал его стих, начинающийся словами «Папка музыкальная по земле волочится...», и этот стих был в свое время посвящен Анюте. А когда уже после второй бутылки Глеб нам с горечью признался, что «любил только одну Анюту», то я это ему сразу же подтвердил:

*Конкретно я любил Любашу,
абстрактно я любил Анюту.*

*Я иногда любимых спрашивал:
а с кем я спать сегодня буду?
Любаша скидывала кофточку,
ложилась плотно, как в могилу.
Анюта сбрасывала крыльшки...
Анюты не существовало.*

И Алексеев, испытывая за меня гордость, все повторял: «Вот видишь, какой человек, такого больше нет!» И сначала все над Глебом подтрунивал, что из-за таких, как он, родившихся в 31-м году, России «придет п...ц», и оказалось, что из-за Ельцина с Горбачевым, а потом, уже по привычке, стал Глеба подначивать, что вообще-то «евреи даже еще лучше русских». И Глеб сначала все смеялся, что некоторые «полуктовы», действительно, не хуже русских и что среди «чистокровных французов» у него имеется немало друзей, но потом вдруг не на шутку засомневался: ну, это уж «..уй на ны!» и все-таки подтвердил, что Соснору, и правда, вытащили с того света «Рабиновичи» да и Рида Грачева – тоже, и неожиданно вспомнил, как-то лежит он возле Финляндского в психиатрической клинике – и по коридору ведут Рида, и Рид со словами «полетели, полетели!» все машет в пижаме руками, потом вдруг видит, Глеб, – и «ты, – кричит, – пьяница, тоже здесь!». И потом, уже совсем косые, в два голоса мы драли с Глебом глотки: *...учителя читают матом историю страны труда...* и Алексеев, как-то смущенно нами любясь, добродушно улыбаясь, а Глеб на своей новороссийской подборке, чуть было не прослезившись, мне надписал: *Толя, дорогой, прими – за любовь к тебе.* И подписался *ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ.*)

2

Я спускаюсь по лестнице и выхожу на Пушкинскую. Напротив памятника Александру Сергеевичу, откинувшись на спинку скамейки, полулежит Глеб. Вместо кудлатой шевелюры – всклокоченные патлы, а на обрубленной фаланге пальца – уже не совсем свежий бинт.

Глеб открывает глаза и, пытаясь подняться, протягивает мне петушка. Не выпуская моей ладони, теперь стоит и качается. Все продолжая раскачиваться, хватает меня за рукав и уже на ходу, обернувшись, осеняет Александра Сергеевича крестом.

...Прямо на асфальте, исполняя обязанности рекламного агента, лежит бомж. Глеб останавливается, и мы заворачиваем в разливуху. И, к моему удивлению, Глеб как-то в миг оживает.

Ему – сто пятьдесят и запивон. А закуси не надо.

– Возьми апельсиновый сок.

Нет, лучше стакан спрайта.

Ну, ладно, можно еще и закусь. Глебу понравилась ветчина.

– И еще, – говорю, – бутерброд с ветчиной.

Буфетчица улыбается. Неужели узнала? Ведь это Глеб Горбовский.

*Я живу у вокзала.
В каждом поезде гость.
Тот привозит мне сало.
Этот – семечек горсть.*

Правда, во времена Глеба этой разливухи еще и не было в помине. Но значит была другая.

Когда брали водку, теперь удивляется Глеб.

– А ты?

– Я, – объясняю, – потом. Дома.

Хотел помочь ему нести, но Глеб запротестовал. Он сам.

Спрайт не пошел, а водка уже проскочила.

Кивает на спрайт:

– Допей... я не заразный...

Достал из кармана платок, и, накинув на «закусмон», аккуратно законсервировал.

Подумал и засунул в карман.

– Пригодится.

...Мы уже с ним в метро. Глеб вытаскивает удостоверение и, шатаясь, протягивает его дежурной.

Я поддерживаю Глеба за локоть:

– Он со мной.

Неужели не пропустит? Ведь это же Глеб Горбовский!

*Человек уснул в метро,
обнимая склизь колонны...*

Пропустила.

Глеб садится на ступеньки и тюкается головой о балюстраду. И откуда-то снизу металлический голос делает нам с Глебом замечание. Сидеть на ступеньках не положено.

При ходе со ступенек приходится Глеба подхватывать. Как будто мешок, который может на ступеньках застрять. Сейчас рассыплется, и эскалатор остановится. И подойдет милиционер.

Мы стоим на платформе, и, чтобы Глеб не свалился на рельсы, я его то и дело отодвигаю. Как непослушного малыша. Зато уже в вагоне сразу подталкиваю на свободное место. Глеб тут же плюхается на сидение и закрывает глаза.

Коронованный под нулевку, прямо над Глебом, как с иголки – задумчивый богатырь. (И рядом – с точно такой же прической – его двойник)

Вдруг наклоняется и с шаловливым воплем «Хайль!» вскидывает вперед правую ладонь.

Глеб поднимает голову и как будто просыпается:

– Храни тебя Господь!

Бритоголовый еще раз повторяет «Хайль!», и его двойник, словно приглашая присоединиться, заразительно хохочет.

Глеб опять поднимает голову:

– Говно... – и, насупившись, показывает кулак.

Пассажиры откладывают газеты и, в предвкушении надвигающейся опасности, обеспокоенно застывают.

Бритоголовый вытаскивает из-за пазухи наручник и, напоминая героя моего детства Бабона, двигает желваками скул.

Глеб еще раз поднимает голову и повторяет:

– Говно...

Бритоголовый надевает наручник себе на запястье и, сцепив свое запястье с поручнем, едет по нему, как по рельсу. Возвратившись обратно, неожиданно на одной руке повисает и, качаясь пудовыми башмаками, все с тем же воплем «Хайль!» теперь поворачивается ко мне.

Какое страшное лицо.

Глаза ночные – без просвета,

и губы налились свинцом...

Кому-то будет он отцом,

чье тело будет им согрето?

Он громко пьет из кружки пиво,

и жметя очередь тоскливо.

Диктор объявляет остановку, и опустившимся занавесом «веселые ребята» испаряются.

...Мы водружаемся на эскалатор, и Глеб опять садится на ступеньки. Только теперь уже не по ходу, а против движения. И механический голос опять делает нам замечание. Глеб нехотя поднимается и вдруг начинает петь.

– Очи черные... – хрипло выводит Глеб, – очи страстные...

И на другой стороне едущие нам навстречу зрители поворачивают головы...

Мы вываливаемся из метро и, приобретая устойчивость, Глеб роется у себя в карманах.

Все. Потерял ключи.

Старухе соседке девяносто лет. Да еще и вдобавок глухая.

– Придется, – радуется меня Глеб, – возвращаться обратно.

И вдруг вспоминает свою «Лидуху».

– Уехала, – улыбается, – за Полярный круг. Теперь, – смеется, – директор. Директор Полярного круга.

Мы переходим Московский проспект – и навстречу почему-то одни пьяные. И многие с Глебом здороваются. Одни просто кивают, а некоторые даже жмут петушка.

И Глеб у каждого из них допытывается:

– А ты не знаешь, где тут белые, а где красные?

Но никто, оказывается, не знает.

Теперь вдруг вспомнил Иосифа.

Иосиф, конечно, белый. Но поэт он небольшой.

– А ты, – спрашивает, – что, был на Брайтоне?

– Ну, да, – говорю, – был...

И он тоже был... у Кузьминского...

– А Эмму, – спрашиваю, – помнишь?

Задумывается.

– Мышка... человек...

А у лежащего на диване Кузьминского на животе пиво...

Выпьет и вешает пустую бутылку на ветку. Такая у Кузьминского елка.

И вся в бутылках из-под пива.

Подходим к газетному развалу, и Глеб знакомит меня с продавцом.

– Хороший, – говорит, – человек.

Это значит я.

Мужиченко чем-то напоминает сидящую у «стены плача» румяную бабульку. (У которой в одной руке «Штурмовик Черномырдин», а в другой – «И снится Явлинскому Пуго». И еще за пазухой «Лимонка». А на ящике из-под пива – развернутый «Русский порядок».) И с выражением «чего изволите» выжидательно ослабливается.

Глеб (по-хозяйски):

– Дай ему пару газет...

Мужиченко протягивает мне два экземпляра. Газету «Завтра». Главную редактор Проханов. И еще «Дуэль».

Глеба там напечатали.

Я думал, это мне подарок. Но, оказывается, надо платить.

Я протягиваю продавцу четыре тыщи и кидаю Глебушкины подарки к себе в сумку. Дома прочту.

...Теперь разговаривает с нищим.

Знакомит.

– Хороший человек.

Это значит я.

Командует:

– Дай ему тыщу...

Я протягиваю нищему тыщу.

Нищий:

– Храни тебя, Господь!

...На витрине винно-водочного киоска одни «бомбы». А где же чекушки? Придется раскошелиться на поллитру.

Остановились у мороженщицы.

– Тебе, – поворачиваюсь, – какое?

Глеб уважает фруктовое.

– В стаканчике?

Лучше в брикете.

Опять кидаю в сумку. Как бы не протекло.

...Идем с ним через парк – и нам навстречу теперь сплошные бомжи. И все, как на подбор, косые.

Смеется:

– «Привет вам, птицы...»

И вдруг навстречу памятник Зое Космодемьянской.

Нахмуривается:

– Вот б...

И неожиданно запел:

– «Зачем вы Ваньку-то Морозова... Ведь он совсем не виноват»...

– Да, – говорю, – умер Булат...

Садится на скамейку, и, подогнув колени, уже принаравливается на боковую.

Я хватаю Глеба за локоть и тормошу.

– Растает, – и киваю на свою сумку, – растает, – объясню, – мороженое...

Глеб медленно разгибается и со словами «я, Толя, конечно, говно...» свешивает ноги на землю.

Ну, надо же, даже назвал меня Толей. Еще не позабыл.

...После бюста Зои Космодемьянской еще один бюст (поставили бы лучше бюст моей возлюбленной Зои из Магадана: вот это, я понимаю, БЮСТ.)

На бюсте выбито ГРЕЧКО.

Я говорю:

– Когда-то был министр... помнишь... министр обороны...

Навстречу ковыляет старуха.

Глеб спрашивает:

– Бабушка, а что это за маршал?

Бабка вытаскивает очки и читает:

– Гречко.

– Вот видишь, – смеется Глеб, – а ты говорил министр...

(А когда я шел обратно, то оказалось – космонавт.)

...И вдруг вошли в березовую рощу.

*Она застроена не деревом,
а музыкой – сквозными звуками...*

Глеб улыбается:

– И откуда ты все это знаешь?

Я говорю:

– Такая песня...

И тоже ему в ответ улыбаюсь.

А все-таки я молодец, что вернулся на Родину.

Не то что все эти «лифшицы-гозиасы».

И почему-то вдруг вспомнил Топорова.

Топоров, правда, как-то заметил, что в российской словесности одновременно существуют сразу два Глеба. Один – еще живой, а другой – уже давно откинул копыта.

Но Глеб Топорову все прощает. А вот Гозиасу он бы порекомендовал «открыть бакалейную лавку».

...И вдруг мы увидели газон. А на дощечке надпись НЕ ХОДИТЬ.

Я засмеялся:

Не ходить? А поваляться можно?

И Глеб опять меня похвалил. (Мы уже с ним заворачиваем во двор.) И успокоил, что если соседки нет дома, то у него в запасе есть еще диван. И все жильцы этот его диван видят из окна. ДИВАН ГЛЕБА ГОРБОВСКОГО.

Оказывается, скамейка.

Из подъезда выходит мужик и, ласково поздоровавшись, называет своего соседа Глебушкой.

Мы поднимаемся по лестнице и перед дверью своей берлоги Глеб опять выворачивает карманы. Платок с бутербродом на месте, а ключи точно слизало языком. Придется звонить.

Ну, слава Богу, кажется, шаги. И параллельно прошебуршавшим затворам звякает цепочка.

Старуха, хоть и «глухая», но почему-то все слышит.

– Вам, – сообщает, – Глеб Яковлевич, звонила Лидия Дмитриевна!

Глеб Яковлевич проходит в свою комнату и, завалившись на тахту, поворачивается к стене. И в это время раздается звонок. Телефон в коридоре.

Соседка хватает трубку и, в отсутствие притихшего Глеба Яковлевича, протягивает ее мне.

Оказывается, Лидия Дмитриевна.

Услышав чужой голос, Лидия Дмитриевна настораживается.

– А вы, – спрашивает, – вообще-то кто такой?

– Я, – говорю, – Толя Михайлов.

Но Лидию Дмитриевну такая информация не совсем устраивает. А на каких, интересуется, правах я здесь околачиваюсь.

– Я, – говорю, – из *лесного лабиринта*. И на слова Глеба Горбовского *отыскиваю мягко-мишистую спальню речки*.

Но Лидию Дмитриевну это опять не устраивает.

– И еще, – уточняя, – я хотел бы послать Косте Кузьминскому «Сижу на нарах». Примерно пачку. Или даже две. И Костя там, у себя в Нью-Йорке, обозначит. А Глебушке будет подспорье.

Но даже и это Лидию Дмитриевну опять не колышет.

– «Сижу на нарах», – строго окорачивает меня Лидия Дмитриевна, – «не поэзия».

И вообще Глеб теперь принадлежит не ей, а России. А «подонки, которые его окружают», этого не понимают. Прокукарекали вместе с ним 900 тысяч (весь его гонорар), а все его «раннее мелкотемье» теперь растаскивают и, выдавая за свое, продают а парке Победы. И «этот негодяй Нестеровский» (там же нет фотографии) утверждает, что он Глеб Горбовский. И, если настаивают, даже фиксирует покупателям его «автограф».

– И если будете с Глебом пить, то пейте хотя бы «красное», но главное – не оставляйте ему никаких денег.

(А сейчас в издательстве потребовалась его личная подпись, и Лидия Дмитриевна никак не может Глеба отловить. И сразу припомнилась наша бывшая соседка Васильевна, которую, прежде чем доставить ее в ГОРОБМЕН, мы тоже все никак не могли заарканить и, чтобы ее заманить, бесплатным приложением к «Агдаму» пришлось еще и покупать *торт полено*.)

И я Лидии Дмитриевне признался, что уже купил ему «белую» (наверно, недаром свою любимую книгу он окрестил *БЕЛАЯ СОТНЯ*). Но вы, пообещал, не беспокойтесь: Глебушке она не достанется.

И свое обещание, данное заботливой Лидии Дмитриевне, я все-таки сдержал – и эту *проклятую бутылку* мы с Глебом так и *не открыли*. Зато оприходовали ее потом с Алексеевым.

НАШ ЕСЕНИН

*...терся месяц голой женой
о немывтое окно.*

Гл. Горбовский

Как-то снарядили Глеба за подкреплением, и вот уже битый час Алексеев сам не свой. Чайник с рассолом полный, а выпить нечего.

И, теребя Алексеева, Валюха забеспокоилась.

– Что-то, – говорит, – с Глебом стряслось. Иди поищи.

(Валюха – Володина жена. Она моложе Алексеева лет на пятнадцать, и в минуты просветления Глеб ее называет ласкательно «ребенок». Однажды ночью, правда, разволновался и как заорет. «Убью, – кричит, – е... я лесбиянка».)

Оказывается, перепутал с Комарово, когда отдыхал в творческой командировке от Союза писателей. И вдруг целый автобус из Хельсинки. И одни бабы.

А утром встал на колени и просит у Валюхи прощения.)

И Алексеев обнаружил Глеба в 5-м отделении милиции. Бутылку Глеб купил, но по дороге обратно ему повстречался китаец. И Глеб его решил прямо под «детским грибочком» угостить. И тут как раз объезд.

Китайцу-то что: он и без водки косой – сидит себе и так добродушно улыбается. И его сразу же отпустили. А Глеба тут же загребли и посадили в хмелеуборочный комбайн. И уже в «обезьяннике», заскучав, Глеб надумал такую переключку. Видит, одни джигиты, тогда еще «в сортире» не «мочили», и решил их всех выстроить по росту.

И дает им команду:

– Гусейновы, по порядку номеров рассчитайсь!!!

И джигиты его по полной программе и рассчитали. Хорошо еще, подоспел Алексеев.

– Ребята, – кричит, – не бейте! Это наш Есенин!

А уже на дому Глеб обнажил развороченное в рукопашном бою плечо, и для дезинфекции Валюха его протерла увлажненным в растворе марганцовки тампоном стерильной ваты.

КОРНИЛОВ И ГОРБОВСКИЙ

Однажды я у Володи Корнилова спросил:

– А как ты, Володя, относишься к Глебу Горбовскому?

И Володя ответил:

– Поэт.

И однажды спросил у Глеба:

– А как ты, Глеб, относишься к Володе Корнилову?

И Глеб ответил:

– Жид.

БРАТЯ ЗЫРЯНЕ

1

Перед посадкой в такси (за исключением варианта с доставкой на дом) Глеб в принудительном порядке обязан мне предьявить свои ключи. Но на этот раз поручение Алексеева оказалось гораздо ответственнее. Сначала я должен доставить Глеба Коле Коняеву. (Когда-то этот самый Коля ходил чуть ли не в диссидентах, а в настоящее время возглавляет православное крыло питерских литераторов. Несет свой тяжкий крест и недавно накропал воспоминания о Коле Рубцове, а предисловие поручили Глебу. И теперь Глебу причитается гонорар.) А уже потом, сопровождая Глеба в качестве телохранителя, я обязан в целости и сохранности доставить на Кузнецовскую не только самого Глеба, но также и его гонорар. (Все это бы мог проделать и сам Алексеев, но его у Коняевых не очень-то долюблювают. Примерно раз в неделю, будучи в состоянии душевного подъема, как правило, часа в три ночи Володя набирает номер их телефона и признается, что «сильно сомневается в Колиной набожности»)

Передав мне Глеба с рук на руки прямо у схода с эскалатора, удерживая нас (как потом выяснилось) в поле зрения, Алексеев короткими перебежками сопровождал наш эскорт по другой стороне улицы, и на углу Марата и Кузнечного Глеб вдруг уселся на поребрик и, вытащив из кармана плоский флакон, жадно к нему прильнул... Прицелился пустой стеклотарой в урну, и шкалик, ударившись, точно в обруч баскетбольного кольца, отскочил на проезжую часть. И Алексеев все еще сомневался, идти ему вместе с нами или не идти: с одной стороны, венчая гонорар, корячится выпивон, но с другой, создает моральное препятствие Колина православная набожность.

Уже миновали рынок, и, выйдя на финишную прямую, Глеб опять останавливается.

– Запели... – и снова присаживается на поребрик.

Я тоже останавливаюсь:

– Кто?

Оказывается, *одоленцы*. И на языке Глеба Горбовского это означает «давай передохнем».

Над каждым коленом у Глеба имеется объяснительная татуировка. На одной ноге – *ОНИ*. А на другой – *УСТАЛИ*. И на такой рефрен у Иванова-Запольского даже сложилась песня.

– Где-то, – говорю, – здесь... – и разворачиваю с Колиным адресом шпаргалку.

Глеб поднимается, и мы с ним двигаемся дальше.

...На повороте с Владимирского на Разъезжую откуда ни возьмись выныривает Алексеев. До Колиного крыльца уже подать рукой. Глеба штормит, и Алексеев все еще колеблется.

Удерживая дистанцию, фиксирует место назначения и, помахав нам на прощание ушанкой, оставляет нас в гордом одиночестве.

2

Теперь мне хана – хотя бы никого не было дома. Но, вопреки моему желанию, в окошке, точно в «избушке на курьих ножках», горит свет. Держась за поручни и преодолевая крутизну ступенек, я подтягиваю Глеба на линию огня.

В ответ на звонок за дверью шуршание шагов и следом испуганный женский голос.

– Кто там?

Глеб подбочивается:

– Валя, это я... (потом оказалось Марина, Глеб ее перепутал с Валюхой.)

Придерживаясь дипломатического статуса, мы берем интервью через зачехленную амбразуру. Недавно Коля вышел из больницы, и сейчас он в библиотеке разбирает архив.

(В качестве целебного источника Марина Глеба тоже недолюбливает, но в ранге первой леди вынуждена его принимать.)

Но Глеб ее даже не слушает.

– Давай, – ворчливо хрипит, – открывай...

Еще теплится огонек: а вдруг не откроет.

И все-таки открыла.

Конечно, не Мадонна, но по-своему даже лучезарная. (Татарские скулы и Византийской конфигурации отчетливо выдающийся нос. Размер нестандартного профиля укладывается в славянский характер.) И принимает позу защитницы отечества, поставившей перед супостатом заградительный шлагбаум.

Особо не церемонясь, Глеб держится, как у себя дома.

– Справь, – замечает, – что-нибудь на стол...

Марина повторяет:

– Николая нет дома...

Я говорю:

– Может, пойдем...

Глеб (совершенно не стесняясь верующей женщины):

– Молчи, б..., гнида... – это значит мне.

Я смотрю на Марину, а Марина смотрит на меня. И одаривает меня крылом защитительного заслона.

Глеб между тем спокойно снимает пальто и так же деловито, вешая его на крючок, даже не промахивается. Крючок имеет форму резного петушка.

И вдруг, словно помиловав сразу и меня и Марину, доверительно ей сообщает:

– Свой человек... Михайлов...

(Точь-в-точь, как и тогда, еще в 97-м, в парке нищему, когда велел мне дать ему тышу.)

Глеб плюхается на расписную скамью и, наклонившись, развязывает шнурки.

– Ну, что стоишь, – поднимает на меня голову, – раздевайся...

Я снимаю зимнюю куртку и, виновато помявшись, напяливаю ее на резную курочку. Глеб по-хозяйски уже нашарил себе шлепанцы...

– Ну, что стоишь, – еще раз повторяет Глеб и, опережая хозяйку, приглашает меня в столовую.

Посередине горницы продолжением русской сказки свежеструганный стол. На стенах – иконы и лики и разве что не хватает горящих в лампадках свеч. Ни дать, ни взять – вылитая Лавра.

И вдруг распахивается дверь, и, перечеркнув последнюю надежду своей суженой, с портфелем в руке является сам Николай.

Вся в завитушках, словно взятая напрокат с иконы, исполненная благородства курчавится чудотворная борода.

Николай проходит к столу и, наклонившись к товарищу по перу, троекратно с ним лобызается.

Глеб меня представляет:

– Михайлов!.. Ну, что повесил нос... – и с раскатистой хрипотцой азартно гогочет.

Я стою и молчу.

Завершая знакомство, Глеб уточняет:

– Продавец моих книг...

– Ну, если продавец... – уважительно соглашается Николай, – тогда другое дело.

3

За свежеструганным столом нашаренная за образами уже наполовину початая «белая головка». Глеб называет Марину уже не Валей, а Нагашей, а меня, почему-то обозначив Игорем, просит прочесть свои стихи.

Я сажу и молчу. Марина приносит макароны по-флотски с мелко нарезанными кусочками сосисок. Николай достает из портфеля три складных стаканчика и предлагает первый тост – за упокой души Коли Рубцова.

Глеб отодвигает тарелку и начинает рассказывать про Колину кончину: у Коли отходняк и, сцепившись с этой курвой, он катается в избе по половицам. Глеб эту падлу знает, и она ему ровно через год позвонила. И пригрозила: «Если будешь о Коле вонять – задущу и тебя!»

...Бутылка уже пустая, и, еще раз пошарив за образами, Николай достает теперь уже початый шкалик. Обезоруженная Марина приносит квашеную

капусту и вместе с солеными огурцами маринованные грибы. И следующий тост поднимается за республику Коми: если положить руку на сердце, то Николай и Глеб – оба не русские, а зыряне. И православный Николай, подпевая своему единоверцу Глебу, дает этому содружеству такую историческую оценку.

Оказывается, республику Коми населяют одновременно два великих народа: один народ хороший, а другой народ плохой. Хороший народ это значит русские, а плохой народ – это значит жида.

И оба, очень довольные этой шуткой, простодушно умиляются.

Я сижу и молчу.

Глеб замечает, что я какой-то пристукнутый, и, решив мне кинуть лоща, кивает на меня Николаю:

– Он, – улыбается, – не еврей...

Мне (поворачиваясь):

– Ты не еврей?

И снова поворачивается к Николаю:

– Я его сам обрезал...

Опять кивает на меня:

– А если даже и еврей (хохочет)... тогда ты мой брат...

Николай загадочно наклоняется и откуда-то из-под стола вылавливает еще один початый шкалик.

Глеб замечает:

– Смотри, какой у него красный «шнобель»...

Но Николай его поправляет, что «шнобель» у меня совсем не красный, а розовый. Как у Отца Эммануила, которого «благословили на седьмую посадку». Вот у него-то нос был точно такого же цвета, как и у меня. Да и вообще, по мнению Николая, я на этого Отца Эммануила очень похож.

И еще, уточняет Глеб, на Давида Самойлова.

Однажды, рассказывает, присылают к нему курьера. С тобой, объясняет Глебу курьер, желает выпить Самойлов. Глеб к нему приезжает, и Самойлов ему и говорит. «А ты, – смеется, – оказывается, трезвенник».

Николай вынимает из кармана пятахатку и протягивает ее Глебу.

Я говорю:

– Ну, что, пора собираться.

Глеб говорит:

– А не послать ли нам гонца...

Я говорю:

– Уже надо ехать...

Марина говорит:

– Глебушка у нас молодец...

Николай говорит:

– Да вообще-то бы не помешало...

Глеб говорит:

– Давай, читай... – и называет меня теперь уже не Игорем, а Сашей. – Ты, – спрашивает, – русский или нерусский...

Марина повторяет:

– Глебушка у нас молодец... – и я подхватываю Глеба за локоть.

Николай опускает курчавые локоны на стол и упирается лбом в кулаки. Марина берет Глеба за другой локоть, и сантиметр за сантиметром мы подталкиваем Глебушку на выход.

...Глеб уже в коридоре сидит на скамейке, и мы с Мариной ползаем по половицам и с двух сторон пытаемся засунуть его ноги в ботинки. И всякий раз, когда, казалось бы ступня уже нашла свою пристань, в последний момент Глебу все-таки удается ногу подвернуть – и уже было наклонувшаяся гавань оказывается у него за бортом. Ну, вот, наконец, наш Емельян Пугачев прищучен, и остается только завязать ему шнурки.

Но до победы еще далеко, и, богатырски сопротивляясь, Глеб теперь валится всей тяжестью тела на скамейку. Мы его выпрямляем, и, не уставая повторять «Какой у нас Глебушка молодец!», Марина нахлобучивает на *окаянную головушку* ушанку.

Осталось натянуть на Глеба пальто, и здесь уже включаю всю свою изворотливость я. Я хватаю Глеба за подмышки и, удерживая в вертикальном положении, прицеливаюсь в уже заготовленные Мариной рукава, и теперь самое главное, чтобы обе руки вошли в каждый рукав одновременно.

Весь запакованный, но не смирившийся и удалой, Глеб, наконец, предстает во всей своей красе. Как справедливо заметил саркастический Алексеев, «красавец Соловьев-Седой». Ведь, наверно, недаром академик Панченко сравнивал Глеба Горбовского с Бетховеном.

Мы этапируем Соловья-разбойника по ступенькам. Отрывая пальцы Глеба от перил, уже не на шутку вспотевшая Марина направляет его в мои объятия. Пытаясь самортизировать свободное падение, я принимаю всю тяжесть его тела на себя. И в это время на пороге неожиданно возникает Николай.

Напоминая довольного собой «вышибалу», Николай теперь уже раскачивается на крыльце и, наблюдая картину Глебушкиного выдворения, добродушно улыбается.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

За чтение стихов Глеба Горбовского я был неоднократно бит.

В конце пятидесятых во время демонстрации на Красной площади я прочитал *Постучали люди в черном...* – и оскорбленные услышанным трудящиеся чуть меня не пристукнули транспарантом.

В начале шестидесятых во время семейного торжества я прочитал *А я живу в своем гробу...* – и оскорбленный услышанным родственник раскровянил мне прямым попаданием сопатку.

В середине шестидесятых, возвратившись с Колымы, в кругу семьи я прочитал *На тряских нарах нашей будки...* – и оскорбленные услышанным родные для моего обуздания вызвали из психиатрической клиники санитаров.

В конце шестидесятых «в исполнении рабочего диоритового отряда Анатолия Михайлова» по Магаданской радиотрансляции «Разведчиков

золотых недр» передали «посвященную старшему технику-геологу Вере Макрушиной» песню *Приходите ко мне ночевать...* – и оскорбленная услышанным возлюбленная, усомнившись в моей целомудренности, разбила о мою голову бутылку с пивом.

В начале семидесятых на Чукотке в кругу товарищей по производству я прочитал *Зачем он роет эту яму...* – и оскорбленные услышанным работяги чуть меня не прибили лопатами.

И, наконец, в середине семидесятых во время коллективной пьянки я прочитал, что *я за бомбу – не за пироги...* – и оскорбленные услышанным собутыльники накатали в КГБ заявление, в котором пожаловались, что я грозился взорвать барак.

МОЙ ГЛЕБ

У каждого за пазухой кирпич, а у меня – Горбовский.
Дал Глебом в рыло – и такая радость.

У Глеба на Кузнецовской (начало двухтысячных в День его рождения)

Мой друг Гена Дюбин

С Глебом Горбовским я НЕ был знаком, нет у меня его фотографий, нет и общих с ним фотографий даже в интернете. Но в поисках его фото для представленной выше статьи о нем (написанной, кстати, талантливо и нисколько не обидно для памяти выдающегося поэта, хотя редакция за нее **не отвечает**), вдруг неожиданно наткнулся на две фотографии Гены Дюбина, некогда блестящего математика, я с ним жил в одной комнате в общежитии Матмеха, и иногда у нас случались заседания Клуба четырех *гениев* нашего курса (признанных в студенческом кругу), среди которых был и будущий известный русский и европейский математик, профессор Сорбонны, лауреат Абелевской премии Миша Громов, внесший большой вклад в решение задач Пуанкаре), четвертого я не помню, и нас двое.

Гена во времена нашей молодости не выпивал, похоже, что эту «добродетель» он приобрел в злополучные девяностые годы, тогда я с ним несколько раз – после студенческих лет – случайно встречался, и эту нынешнюю заметку я посвящаю воспоминаниям о той радости, которую испытывал, когда вдруг на Среднем проспекте он появлялся передо мною. Увы, и Глеба Горбовского и Гену Дюбина (и Володю Алексева, тоже светлого и теплого человека) нам предстоит лишь вспоминать. *В. Чернышев*

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

М. П. Чернышева

Спектакль Народного театра «Глагол» СПбГУ
«ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ПЕРИОД
ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИЗМА»

*(Ностальгическая утопия в двух действиях
по мотивам рассказов В. Шукшина)*

После очередной победы в конкурсе.

М. П. Чернышева

**О ТЕАТРЕ-СТУДИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Спектакль Народного театра «Глагол» СПбГУ

Сегодня в нашем городе работает более 50 любительских театральных коллективов. Крупнейший из них, народный театр «Глагол» Политехнического университета им Петра Великого, – один из долгожителей: 4 апреля 2019 года ему исполнилось 48 лет. Он был создан доцентом кафедры ПТМ, заслуженным работником культуры России А. М. Борщевским в марте 1971 года. В школьные годы Александр Максимович приобрел необходимый опыт, участвуя в организации знаменитого ТЮТа, театра при Дворце пионеров и школьников Ленинграда. В Политехническом театре создавался на базе кружка самодеятельности металлургического факультета под названием «Театр металлургического факультета» (ТМФ). По рассказам Александра Максимовича, студенты как-то сами попросили его, своего преподавателя, помочь в подготовке к очередному межфакультетскому конкурсу самодеятельных коллективов, на котором они ранее провалились. С этого содружества студентов и доцента началось рождение театра. Служение музам театра и науки сложилось для А. М. Борщевского очень успешно. Да и студентам повезло! Не говоря уже о зрителях.

В 1979 театр осуществил постановку «Глагол "инженер"» по повести А. Житинского и получил новое название – "Глагол". Все эти годы Александр Максимович не только основатель, но и бессменный директор театра. В 1985 году театр получил звание «Народный театр». А в 1991 году, благодаря поддержке alma mater, у «Глагола» появилось свое помещение со зрительным залом на 80 мест. Это единственный репертуарный университетский драматический театр, включенный в Энциклопедический сборник «Театры России».

По рекомендации Александра Максимовича и к своему счастью знакомство с театром «Глагол» я начала со спектакля по мотивам рассказов Василия Макаровича Шукшина. Почему «к счастью»? – прежде всего потому, что ошеломляющее впечатление от спектакля было подобно чувству первой любви, – и это счастье! Дорогого стоит и чувство причастности зрителя к со-творению спектакля вместе с актерами, – и это не только эффект камерности, характерный для небольших театров. К со-творчеству приглашает зрителей проникновенное «вводное слово» режиссера К. Е. Гершова перед спектаклем, сразу задающее нужную тональность диалога между артистом и зрителем.

Позже становится ясна необходимость этого введения. Дело в том, что после знаменитых, полных гротеска, спектаклей по рассказам В. М. Шукшина «Энергичные люди» Г. А. Товстоногова в БДТ и Т. Казаковой в современном Театре комедии им. Акимова, в «Глаголе» сценарист и режиссер К. Е. Гершов изображает жизнь шукшинского народа в ключе мелодрамы, заменив гротеск добродушным юмором, придав мудрость и глубину житейским коллизиям и характерам.

А.М. Борщевский
и бывшие актеры
«Глагола»

Позже становится ясна необходимость этого введения. Дело в том, что после знаменитых, полных гротеска, спектаклей по рассказам В. М. Шукшина «Энергичные люди» Г. А. Товстоногова в БДТ и Т. Казаковой в современном Театре комедии им. Акимова, в «Глаголе» сценарист и режиссер К. Е. Гершов изображает жизнь шукшинского народа в ключе мелодрамы, заменив гротеск добродушным юмором, придав мудрость и глубину житейским коллизиям и характерам.

К.Е. Гершов и студенты- актеры труппы: Театр – это радость!

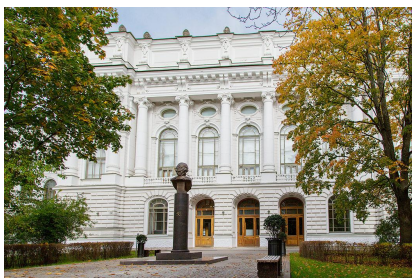
Вниманию зрителя способствует лаконизм сценических приёмов изображения деревенских реалий, – два фонаря, горка полешек с топором да несколько скамеек-трансформеров. Это позволяет сосредоточиться на каждой появляющейся на сцене личности. Тем более, что сразу понимаешь: важно каждое движение, каждое слово всех действующих лиц, каждая мизансцена.

Канвой для крепко сбитого сценария послужил один из рассказов Шукшина о Степане Воеводине, парне, который не досидел трех месяцев до конца трехлетнего срока и бежал из лагеря, затосковав о свободе. Сам Степка, родители, его немая сестра Груша и ее приятель, – изобретатель вечного двигателя, другие деревенские жители, да и столичный кандидат наук живут на сцене одной семьей, жизнь бьёт ключом, – то нужно покрывшки достать, то тещу прочесть, то в микроскоп посмотреть, то сосватать бобыля, – от спектакля невозможно оторваться... Знакомые сюжеты рассказов и их герои насыщены смыслом существования, с ними знакомишься заново. Вот перед нами милиционер Василий Брагин, его образный стиль мышления дал название спектаклю. В исполнении И. Мельникова он немногословен, хладнокровен, всегда «при исполнении», но вместе с тем, он является живой демонстрацией простой мысли: закон должен служить человеку, а не человек – закону. Приверженность Брагина закону и его недемонстративная доброта стали одной из сюжетных скреп постановки. Он наиболее яркий антагонист инженеру из Москвы Константину Журавлеву. Вспоминая последнего как героя рассказа «Срезал», поневоле удивисься его перевоплощению в спектакле из шукшинского незлобливого, даже аморфного кандидата наук в самонадеянного вершителя судеб «мелких деревенских людишек». Яркая игра М. Алемаскина делает этого «образованца» настоящим воплощением зла, но при том не абстрактного зла, а воплощенного в извечном противостоянии города деревне к гибели деревни. В спектакле его «срезают» дважды: сначала в псевдонаучном споре, но при этом мужики поигрывают топором (Ермолай Воеводин дал наказ «напугать так, чтоб ноги его в деревне не было!»), а в другой раз, когда вопреки законам физики и постулату «не может быть, потому что быть не может» стал «самодвигаться» вечный двигатель да к тому же от восхищения и любви ко всему миру заговорила немая Груша. Завершение спектакля этой сценой оставляет у зрителя удовлетворенное чувство справедливости («зло сражено!») и радостного умиления перед свершившимся чудом, а, главное, – чувством полноты жизни со всеми ее невзгодами и радостями.

Среди ярких актерских ролей назовём работу В. Созонова (глава семейства Ермолай Воеводин). Его герой – «крепкий мужик» из тех, на ком мир держится. Блестяще сыграна Н. Останковой роль Клаши Воеводиной, жены Еремея и матери беглого Степки и немой Груши. В её исполнении Молитва Матери, обращенная к Богородице, в начале второго акта – одна из самых пронзительных сцен спектакля, его кульминация. Свеча, освещающая лицо Клаши в полной темноте и усиливающая смыслы текста, – замечательная находка постановщика! Заметим, что вдохновенный текст молитвы – вставка сценариста, на удивление так органично созвучная стилю и языку Шукшина, поэтому она служит необходимым связующим звеном между событиями.

Высокий профессиональный уровень исполнительского мастерства отличает А. Газову (Груша), Е. Архиповскую (Анисья), Д. Колесникову (Зоя), О. Зайцеву (тёща), М. Шалдину (Нюрка), Ю. Бобко (Степка), В. Сухова (Краснов), И. Виноградова (Веня Зяблицкий). Органичны и другие исполнители. Музыкальное сопровождение спектакля, песни на слова Н. Рубцова (автор – Юрий Симакин), гармонично уравнивают и расцвечивают обыденную речь. Премьера постановки состоялась пять лет назад, в апреле 2014 года. Долгая жизнь этого большого спектакля полифонического звучания – несомненный успех народного театра «Глагол».

Очевидно, что этот успех в значительной мере определяет работа К. Гершова, заслуженного работника культуры России. Его несомненные и разнообразные таланты органически связаны с его жизнью на ниве театральной культуры: он служит театру «Глагол» уже 32 года как ведущий сценарист и режиссер. Константин Евгеньевич Гершов в значительной мере определяет сегодня характерный для театра «репертуарный профиль» и профессиональный уровень мастерства исполнителей.

Но при этом народный театр «Глагол» – достойный продолжатель театральных традиций Политехнического института, имеющих почти вековую историю, отразившую историю развития самодеятельных коллективов в нашей стране. Из ряда известных в свое время театральных коллективов института театр «Глагол» – уверенный должник. За 48 лет своей жизни театр успешно

участвовал во многих конкурсах и фестивалях театрального мастерства. В карту гастролей коллектива включены не только Москва, но и города и веси Ленинградской, Архангельской и Псковской областей, Хакасии, Ямало-Ненецкой АО, Татарстана, Латвии, Белоруссии, Украины, Казахстана, Туркмении. В целом коллектив театра осуществил около 2000 выступлений. В настоящее время в его труппе почти 80 человек, большинство из них – студенты, аспиранты и выпускники Политехнического университета имени Петра Великого. Неизбежная в университетских театрах относительно быстрая смена состава труппы имеет свои минусы и плюсы. Однако мудрость и умение работать с молодежью руководителей «Глагола» позволяют сохранить основной «костяк» исполнителей, продлевая жизнь постановок и поддерживая долгожительство театра. Благодаря разно-образному репертуару и высокому уровню профессионального мастерства исполнителей, которым в свое время аплодировали такие известные режиссёры как П. Н. Фоменко, В. М. Фильштинский. И. Л. Рейхельгауз, А. В. Рогожкин и А. Ю. Герман, театр «Глагол» заслужил славу одного из лучших любительских коллективов и уважение и любовь своих зрителей.

О ТЕАТРЕ-СТУДИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Немного истории

Театр-студия СПбГУ относится к числу старейших любительских театров нашего города.

В 2019 году ему исполнилось 75 лет. Его история началась в 1944 году, когда Ленинградский государственный университет вернулся из оккупации в разрушенный город. По инициативе Евгении Владимировны Карповой (1893 – 1980), актрисы, режиссера и педагога, в университете был организован кружок любителей драматического искусства. Коренная петербурженка, выпускница Императорского театрального училища, где она училась на курсе Владимира Давыдова, известного артиста, театрального режиссера и педагога, ученика знаменитого И.В. Самарина. Учениками В.Н. Давыдова были Вера Комиссаржевская, Леонид Вивьен, Юрий Озаровский. После выпуска Е.В. Карпова три года работала в Народном доме, где сыграла более 50 ролей. В 1916 году была приглашена известным московским режиссером Н.Ф. Балиевым в театр-кабаре «Летучая мышь». Актриса была востребована

и работала со многими знаменитыми режиссерами, в их числе Н.Н. Синельников, А.Р. Кугель, Н.Ф. Монахов, П. Гайдебуров.

Куда бы не забрасывала судьба Елену Владимировну, везде она служила театру: работала перед войной в колхозно-совхозном театре с П. Гайдебуровым, в 1941-1942 годах с концертными бригадами выступала на Северо-Западном фронте, а после эвакуации с большим мужем в Алтайский край организовывала кружки самодеятельности в лесхозе и поселке Тальменка. После смерти мужа вернувшись в Ленинград, отказалась от нескольких приглашений в театры и приступила к организации драматического кружка при ЛГУ. Её знания и

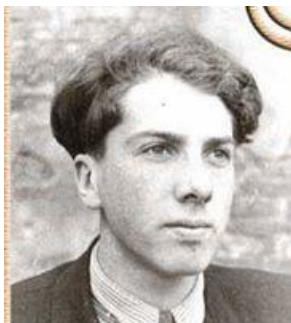
таланты были полностью востребованы.

Инициативу Е. В. Карповой по созданию драматической студии горячо поддержал ректор ЛГУ Алексей Алексеевич Вознесенский. Вместе со своей помощницей, актрисой Маргаритой Ивановой Питовой, она начала деятельность с постановок отрывков из классического и современного репертуара. Но уже через четыре года Е.В. Карпова приступила к репетициям «Ревизора» с Игорем Горбачевым в главной роли.

И. Горбачев в роли Хлестакова

Выбор оказался удачным. 26 марта 1950 года состоялась премьера спектакля в Актовом зале университета. В 1951 году спектакль был выдвинут на Всесоюзный смотр художественной самодеятельности рабочих и служащих и получил там первую премию. В 1954 году Хлестакова репетировал уже Сергей Юрский, тогда как Игорь Горбачев начал пробовать свои силы в режиссуре. В 1953 году он поставил первый спектакль «20 лет спустя» по пьесе М. Светлова, а в 1955 году – спектакль «Старые друзья» по пьесе Л. Малягина. Заметим, что и другие актеры театра-студии рано пробовали свои силы в режиссуре, например, *Андрей Толубеев*.

Сергей Юрский продолжил карьеру актера. Летом 1956 года в Актовом зале университета состоялась премьера спектакля, поставленного Е. В. Карповой по пьесе Ж.-Б. Мольера «Гартиф» с Сергеем Юрским в роли Оргона. В 1957 году спектакль был удостоен почетной грамоты ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений. В 1959 году кружок любителей драматического искусства ЛГУ получил звание Театра-студии.

Елена Владимировна за 20 лет руководства студией заложила основы ее репертуарной политики и выпустила около пятисот студийцев. Ей было присвоено звание заслуженного деятеля культуры СССР.

Затем на посту руководителя театра-студии Е. В. Карпову сменил актер Театра драмы и комедии на Литейном Владимир Викторович Петров, который осуществил ряд интересных постановок, например, спектакль «Картины московской жизни» по пьесам А. Островского (1973 г.). Однако в 1976 году В. В. Петров перешел на преподавательскую работу в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. В 1979 году художественным руководителем Театра-студии становится режиссёр Вадим Сергеевич Голиков, выпускник философского факультета университета, ученик Е. В. Карповой и Г.А. Товсто-ногова. В 2004 году художественным руководи-телем Театра-студии стала ученица В. С. Голикова – *Маргарита Николаевна Дульченко*.

Она состоялась не только как один из ведущих режиссеров театра-студии, но и как успешный администратор. В 2005 году администрацией Адмиралтейского района Санкт-Петербурга по договору о совместной деятельности с СПбГУ, Театру-студии было предоставлено помещение подростково-молодежного клуба "РИТМ" со зрительным залом на 80 мест.

Театр-студия СПбГУ стала настоящей «кузницей» театральной элиты Санкт-Петербурга. Здесь начинали свой путь в искусстве Игорь Горбачев, Сергей Юрский, Нелли Подгорная, Леонид Харитонов, Вадим Голиков, Татьяна Щуко, Елизавета Акуличева, Михаил Данилов, Андрей Толубеев, Сергей Лосев, Борис Смолкин, Иван Краско и другие известные актеры, режиссёры и театральные деятели. Alma mater не забывает своих выпускников, всегда рада встречам с ними и разделяет печаль с близкими об ушедших. 24 марта 2019 года в Театре-студии СПбГУ состоялся вечер памяти Сергея Юрского.

Репертуар

Репертуар, как известно, отражает «лицо» театрального коллектива и афиша театра-студии СПбГУ подтверждает это. Из ее анализа следует, что деятельность Театра-студии носит, прежде всего, просветительский характер. Хотя динамика модных течений в театральных репертуарах часто социально и исторически обусловлена, репертуар театра-студии СПбГУ всегда отличался самобытностью и независимостью в выборе автора пьесы для постановки. В каждый период своего развития театр-студия включал классику, предпочитая малоизвестные произведения. Среди них назовем К. Гольдони – «Кюджинские перепалки», Ж.-Б. Мольер – «Жорж Данден», Лопе де Вега – «Изобретательная влюбленная», А. Островский «Картины московской жизни», Л. Андреев «Из римской истории», Л. Толстой – «И свет во тьме светит», Н. Гумилев «Охота на носорога», Н. Тэффи – «Воспоминания», В. Набоков – «Сказка».

В репертуаре театра-студии всегда были широко представлены пьесы наиболее востребованных современных отечественных авторов соответствующего периода: А. Володина, А. Галича, В. Дудинцева, Б. Васильева, А. Вампилова, В. Пелевина, Л. Петрушевской, С. Довлатова. Кроме того, афиша радуется появлением новых имен: пьесы Ю. Ломовцева, М. Ладо, В. Красногорова, А. Стасюк, А. Бруштейн, А. Яблонской, В. Романова, М. Ивашквичуса, М. Гандина, В. Синакевич в постановке ведущих режиссеров театра-студии были тепло приняты зрителями и отмечены жюри ряда фестивалей. За проведение фестиваля современной петербургской драматургии в марте 2018 г Совет Гильдии драматургов Санкт-Петербурга наградил театр-студию Санкт-Петербургского государственного университета дипломом.

Как театральный коллектив СПбГУ свою просветительскую миссию в области драматургии театр-студия видит также в знакомстве зрителей с малоизвестными пьесами зарубежных авторов XX – XXIв. Примером тому спектакли по произведениям П. Вайса – «Преследование и убийство Жана-Поля Марата, представленное артистической труппой психиатрической лечебницы в Шарантоне под руководством господина Де Сада»; Жана Ануя – «Оркестр»; Т. Уайлдера – «Долгий рождественский обед»; Р. Шиммельпфеннинга – «Арабская ночь», Дж. Ходжа – «Соучастники» и Э.Э. Шмита «Кики ван Бетховен». Спектакль «Соучастники» (реж. Н. Шнейдер) получил Гран-при I Всероссийского фестиваля любительских театров «Невские театральные встречи 2015». По итогам фестиваля О. Щербань был награждён дипломом за лучшую мужскую роль второго плана, Е. Мухина – дипломом за лучшую эпизодическую роль. Спектакль «Кики ван Бетховен» (реж. Н.Шнейдер) участвовал во II Всероссийском фестивале любительских театров «Невские театральные встречи 2016». По итогам фестиваля Л. Хлопотова, Т. Бердникова, В. Белевская, М. Гранкина и С. Никифоровская получили диплом за лучший актерский ансамбль.

Признанный театральная общественностью высокий уровень работы режиссеров и актёрского мастерства театра-студии, несомненно, не в последнюю очередь обусловлен разнообразием репертуара и большой по численности труппой. В сезоне 2018-2019 года репертуар театра-студии включал 12 спектаклей, в которых участвовали 60 членов труппы. При его анализе отчетливо видны личные пристрастия режиссеров-постановщиков к произведениям определенных авторов. Николай Шнейдер предпочитает зарубежных авторов (Дж. Ходж, Э. Э. Шмитт, Т. Вальзер), Максим Садовников – Пелевина. Это, наверное, одно из свидетельств реальной свободы постановщика в выборе и переосмыслении пьесы. Заметим, творческая активность «даймона» театра-студии ярко проявляется в художественном объединении в ряде постановок казалось бы несоединимого; например, Пелевина и Блока в «Гримах истории» (реж М. Дульченко) или трех сюжетно различных рассказов Нины Садур («3Садур3»).

Особняком от них стоит постановка Николаем Шнейдером пьесы «Кики ван Бетховен», как следует из титров, – «по произведениями Эрика Эммануэля Шмитта». Автор известен необычностью композиций, тонким психологизмом. Драматург, философ и прозаик – обладатель престижных литературных премий, широко известен, но читатель не найдет у него пьесы с таким названием. На первый взгляд это удивляет, однако постановщик убедительно воссоздает мироощущение автора, основанное на всепроникающей и объединяющей людей в горе и радости музыки жизни, что столь мощно воплощено в музыке Людвиг ван Бетховена. Сюжет прост. Жизнь у одной из пяти дам, обитающих в доме престарелых, Кики (прекрасная работа Людмилы Хлопотовой), наполнена музыкой Бетховена и когда музыка замолкает, из жизни уходит ее творческое начало и смысл.

Подруги (потрясающий ансамбль!! – Татьяна Бердникова, Виолетта Белевская, Майя Гранкина, Светлана Никифоровская), – каждая ведет свою мелодию-историю жизни-, помогают героине преодолеть одиночество и вернуть музыку. Счастливый конец усилен замечательным эпизодом разговора Кики с подростком-диджеем Бубакаром (Андрей Бельчиков показал портрет тонкого письма!), когда она фактически передает ему дар слышать Бетховена. Режиссер трактует это как передачу ощущения музыки жизни от старшего поколения к следующему. Это приводит к духовному преображению драчливых подростков и они радостно танцуют под музыку Бетховена вместе с Кики. Интересные характеры главных действующих лиц и актеров миманса, содержательные монологи и диалоги наполняют сюжет глубиной и позволяют смотреть спектакль с неослабевающим интересом. Хореография и пластика движения актеров восхищает. Благодаря этому в прологе и финале зритель видит живую бурлящую энергией молодежь – жизнь продолжается!

Как и творческая жизнь театра-студии. Успеха!
Март 2019

Геннадий
Муриков

**Достоин
ли смерти
Жан-Поль
Марат?**

*Некоторые мысли о спектакле Александринского театра
«Убийство Жан-Поля Марата».*

Т. М. Лестева

От Пелопонесской войны до наших дней.
Молодые таланты петербургской сцены.

Рождение ли Сталина? Вопросы? А ответы?

Геннадий Муриков

Достоин ли смерти Жан-Поль Марат?

Спектакль поставлен по пьесе Петера Вайса «Преследование и убийство Жан-Поля Марата, представленное артистической труппой психиатрической лечебницы в Шарантоне под руководством господина де Сада», написанной ещё в 1963 году. Будчи по происхождению венгерским евреем (по отцу), в 1933 году он эмигрировал из Германии, а в 1938 году был вынужден бежать и из Чехословакии в Швецию, где в 1946 году получил гражданство. Первая постановка пьесы на русской сцене была произведена Ю. Любимовым в Театре на Таганке в 1998 году. И вот в феврале 2017 года Андрей Калинин представил на суд публике эту пьесу на сцене Александринского театра, выступив одновременно в качестве режиссёра-постановщика, сценографа и художника по костюмам.

Я читал эту пьесу ещё во время учёбы на филфаке ЛГУ – она была в списке рекомендуемой для прочтения литературы. Герои пьесы «Преследование и убийство Жан-Поля Марата...») Медведь и Козёл (в постановке Анатолия Калинина этих персонажей нет) говорят:

«Да! Превосходно звучат резолюции...
Кто же присвоил плоды революции?!
Ростовщики, захватившие власть,
Сами друг друга спешат обокрасть.
Вор под топор посылает вора,
В кровь перегрызлась собачья свора».

Обратим внимание на тот факт, что эти очень близкие нам слова в постановке как бы и не акцентируются. Очень привлекает зрителя то, что всё действие происходит в некоей металлической клетке – символе сумасшедшего дома. Нужно подчеркнуть, что режиссёр-постановщик Андрей Калинин весьма произвольно обращается с текстом пьесы, и мы понимаем, что перед нами некая аллегория. Для примера одна из цитат из пьесы П. Вайса:

«Хвалёный наш финансист господин Камбон нажился на выпуске фальшивых бумаг, так что страна оказалась на грани инфляции.

Свист и топот.

СОЛОВЕЙ: Да здравствует свободное предпринимательство!

МАРАТ: Мне также известно, что наш достославный банкир господин Перго, вступив с англичанами в заговор, возглавил шпионский центр, расположенный в одном из подвалов его банкирской конторы».

Любой из современных читателей пьесы П. Вайса сразу спросит, не о ваучерах ли Чубайса идёт речь? При словах же о шпионских заговорах вспоминается история со Скрипалями.

Марат (артист Александр Поламишев) и в пьесе П. Вайса, и в постановке А. Калинина предстаёт как фигура двойственная:

«Богатством владеют несколько лиц,
А нищета не имеет границ.
Тогда я понял, что нужен взрыв,
Чтоб несправедливости лопнул нарыв,
Я понял, что нужен полнейший слом
Того, что зовётся всемирным злом,
Что нужен решительный переворот,
Что навсегда человеческий род
Избавился от заплывших жиром
Разбойников, правящих этим миром».

Аллюзии с 1917-м годом (или с современностью?) очевидны. Нам, однако, весьма интересно, почему постановщик А. Калинин и автор пьесы П. Вайс избирают в качестве главного режиссёра не кого-нибудь, а господина де Сада. (Маркиз де Сад 1964 года, года хрущёвской «оттепели» – кто это?) Из исторических фактов известно, что последние годы маркиз де Сад провёл в психиатрической больнице в Шарантоне, куда был заключён по указанию Наполеона (хотя во время революции он был комиссаром одного из парижских округов). А в Шарантоне ему было вначале разрешено ставить пьесы, привлекая в качестве актёров пациентов этой больницы, тем самым, якобы способствуя их излечению. Таким образом, общая документальная основа пьесы и постановки не вызывает сомнения.

Но, конечно, нас интересуют не далёкие времена конца XVIII – XIX, а современная действительность, аллегорически представленная в постановке.

Один из героев пьесы (перекрывая грохот) восклицает:

«Да здравствует Франция, Наполеон
И наша лечебница Шарантон!».

Наверное, так и было задумано А. Калинин, постановщиком этого замечательного спектакля. Зададимся вопросом, неужели нами руководит маркиз де Сад (народный артист России Владимир Лисецкий), а несчастный Жан Поль Марат (кто бы это мог быть?) – воплощение революционной справедливости и народной мудрости – заслуживает только гибели, да при том ещё от руки сумасшедшей Шарлотты Корде (артистка Олеся Соколова).

Я не уверен, что замысел этой постановки столь примитивен, хотя пьеса была задумана, судя по всему, именно так. Петер Вайс всегда был убеждённым коммунистом, но его тексты применительно к сегодняшнему времени приобретает двузначный смысл. Кто из зрителей спектакля может сказать себе: я люблю олигархов? Никто. Олигархи вряд ли пойдут смотреть этот спектакль – на малой сцене Александринского театра нет царской ложи.

И всё-таки я думаю, что основной смысл постановки – это в аллегорической форме разоблачение олигархического строя, который был установлен в нашей стране во времена так называемой «семибанкирщины» и во многом существует до сих пор. Конечно, пьеса П. Вайса не совсем об этом, но постановщик старается нас вернуть в современную реальность.

Жан Поль Марат – это вечная фигура любой революции, человек, посвятивший всю свою жизнь беспощадной борьбе с правящим классом. Для него эта борьба закончилась трагически. Смерть Марата в постановке Андрея Калинина выглядит как кровавое жертвоприношение. Может быть, так оно и есть. Вожди революции заканчивают свою жизнь обычно от мечей и пистолетов контрреволюционеров. Но всё же обратим внимание, что одна из центральных улиц Санкт-Петербурга – бывшая Николаевская – до сих пор носит название Марата.

Санкт-Петербург

20 апреля 2019 года

Т. М. Лестева

**От Пелопонесской войны до наших дней.
Молодые таланты петербургской сцены.**

Как-то случайно, переключая программы в радиоприёмнике, услышала разговор двух корреспондентов, кажется, это было «Эхо Москвы», о театре в год театра. Молодой человек безапелляционно утверждал, что в Питере (слово Ленинград молодёжь не знает, а Петербург для них, по-видимому, труднопроизносимо) можно ходить только на музыкальные спектакли, а драматических просто нет, это кошмар какой-то. Его коллега охотно ему поддакивала: «И это в год театра!». И стало мне «за державу обидно». Ленинградские драматические театры – БДТ времён Георгия Товстоногова, театр Комедии с Николаем Акимовым, Театр им. Пушкина с Леонидом Вильеном, Ленсовета с Игорем Владимировым, В. Ф. Комиссаржевской с Рубеном Агамирзяном – вершина театрального взлёта. Впрочем, для малообразованного поколения постдевяностых – это уже археологические раскопки, хотя, признаюсь, и сама грешу Марининским и Михайловским театрами. Но год театра. *La noblesse oblige* – вечером иду на спектакль «Демагг» на новой сцене Александринского театра неизвестного мне автора по имени Кирилл с известной даже не в узких кругах фамилией Фокин. Сын Валерия Фокина, художественного руководителя Александринского театра? Посмотрим, посмотрим...

Небольшой чёрный зал новой сцены театра. Амфитеатр, чёрные стены, чёрные пол и потолок, чёрные стулья, минимальная декорация в виде прямоугольных белых колонн без ордера, кафедры и нескольких стульев, естественно, тоже чёрных... Мужчины в чёрных костюмах и чёрной обуви. На экране на задней стенке возникает дата – 412 год до н. э. – и затем СУД. По залу прохаживается персонаж Демос (артист Сергей Сидоренко), олицетворяющий народ Афин и выражающий его мнение. Конечно, весь в чёрном. Вместо лица – монитор, на котором в течение спектакля меняются лица людей, но глас народа звучит неизменно громко. Появляются подсудимый, обвинитель, защитник и, наконец, председатель собрания (артист Валерий Степанов). Кого же судят и за что? Обвиняемый – философ, математик и астроном, создатель афинской школы Анаксагор (артист Виктор Семеновский). Главный обвинитель – кожевник Клеон (Андрей Калинин), и его единомышленник, владелец мастерской ламп Гипербол (артист Сергей Еликов). Обвинение поддерживает также Фукидид (народный артист России Сергей Паршин), изгнанный ранее Периклом его соперник, вернувшийся в Афины. Защитником Анаксагора выступает сам правитель и «первый гражданин» Афин – Перикл (засл. артист России Семён Сытник). Все персонажи пьесы – действительно исторические лица.

В чём же обвиняет Клеон философа? Страшное обвинение Анаксагору – в оскорблении богов! Поскольку философ утверждал, что солнце – всего лишь

огненный раскалённый шар, оскорбившиеся боги наслали на Афины жуткие напасти – нападение спартанцев и чуму. По словам Клеона, только смерть Анаксагора в качестве жертвы богам спасёт Афины. Но правителю Периклу, поддерживающему философа, удаётся спасти его: смерть заменяется изгнанием. «Не я потерял Афины, а афиняне потеряли меня», – эти его слова, хотя и не прозвучали в пьесе, но стали историческими.

Вот уже первый конфликт в пьесе – научного взгляда на мир и богочитания. Оскорбление богов заслуживает смерти в Афинах! Современная Россия значительно шагнула вперед: УК РФ предусматривает за оскорбление религиозных чувств верующих всего лишь штраф или два года тюремного заключения, хотя... верующие это всё-таки не боги. До статьи за оскорбление богов наши уважаемые законодатели пока ещё не додумались ... Можно порадоваться тому, что в Афинах бывали мудрые правители, ценившие науку, и что демос порой поддерживал их точку зрения. Не буду вспоминать лихие 90-е и серых (вернее рыжих) кардиналов того времени, хотя рыжая борода главного действующего лица пьесы вкуче с его ораторским талантом вызывает вполне определённые ассоциации, по крайней мере по отношению к науке в России девяностых.

Вернёмся к сценическому действию. Андрей Калинин – рыжебородый Клеон – великолепен, не побоюсь этого слова во всех сценах: интриган, рвущийся к власти, лицемер, присвоивший себе право говорить от имени народа, корыстолюбец, жестокий и трусливый одновременно, не только прекрасно владеет голосом, но и демонстрирует совершенную пластику. В первой сцене суда, когда ещё поддержанный народом Афин Перикл отталкивает от себя Клеона, тот, падая, совершает головокружительные сальто и легко, как ни в чём не бывало, встаёт на ноги. Автор не пожалел красок, чтобы дать возможность артисту воплотить все самые омерзительные черты характера его героя. Например, в сцене Клеона с его женой (актриса Полина Теплякова). В ответ на тихую и в прямом, и в переносном смысле жалобу жены, что она не может ходить по улицам, где от голода и чумы умирают афиняне и что ей жаль погибших детей Перикла, с аппетитом жующий Клеон, которого не трогают страдания народа, поясняет ей, что война приносит ему большой доход, и это главное. Актриса жалуется столь тихим голосом, что её слова с трудом можно расслышать даже в первом ряду. К счастью, в остальных сценах она бесшумна, хотя тоже весьма и весьма пластична, что продемонстрирует в сцене, когда Клеон убивает её. И снова аллюзии с недалёким прошлым, если не сказать настоящим, России: кому война, а кому мать родна.

Убедителен Перикл в исполнении Семёна Сытника: в первой сцене суда это уверенный в своей правоте правитель, воспринимающий гневную филиппику Клеона и его соратников, как надоедливое жужжание комара. Когда же все бедствия обрушились на его голову, включая гибель на войне его сыновей, и снова Клеон предстаёт перед судом, то это ещё не сломленный до конца, но уже надломленный человек. Ему нечего возразить на обвинения, впрочем, ему, как «первому гражданину», и не пристало оправдываться и

каяться. На суде он сидит отрешённо, будто и не слыша обвинений, погружённый в свои мысли, не произнося ни слова, пока обсуждается его судьба – лишение прав или огромный штраф в полторы тонны золота. И только потом легко встаёт и, не глядя на обвинителей, коротко бросает: «Я заплачу!». Деньги решают и оправдывают всё. Актуальненько!

Впрочем, и в демократических Афинах не только деньги, но и власть располагала весьма широкими возможностями. Упомянутое вскользь в тексте пьесы решение о присвоении незаконнорожденному сыну Перикла звания гражданина, вызвавшее ярость Клеона, тому подтверждение. (В этот момент мне почему-то вспомнилась Татьяна Дьяченко.) Правда, исторический факт несколько иной: ярость Клеона вызывает присвоение афинского гражданства комику Аристофану. Но это к слову.

Кирилл Фокин – это я узнала уже после спектакля из прессы, решив поближе познакомиться с заинтересовавшим меня драматургом, – как оказалось, написал эту пьесу в 17 лет, будучи студентом второго курса исторического факультета МГУ в момент изучения истории Древней Греции. Прямо скажем, впечатляет. По-видимому, Клио вдохновляет своих юных поклонников стремиться находить себя и выражать своё эго не только в исторической науке, но и на стыке науки и литературы, и на стыке веков. Так, другой студент-историк Ленинградского педагогического института Александр Беззубцев-Кондаков к 17 годам был принят в Союз писателей России, написав к этому времени два исторических романа. Что же касается Кирилла Фокина, то его пьесу в сентябре 2018 года поставил двадцатипятилетний режиссёр Хуго Эрикссен, выпускник 2016 года Театрального училища им. Б. Щукина 2016 года, в рамках проекта Александринского театра «Премьеры молодых режиссёров на новой сцене». Режиссёр щедро использует достижения современной техники: Аристофан (актёр Иван Ефремов), персонаж этой пьесы, общается с полководцем Никием по видеосвязи, и это не вызывает отторжения у зрителей, (правда, аудитория была процентов на девяноста молодёжной), равно как и современный его костюм – широченные штаны с заниженным шаговым швом и яркие кроссовки. Аристофан – единственный персонаж в одежде с яркой цветовой гамме. Это понятно: комик в траурной чёрной одежде... – это было бы явным перебором. Впрочем, художник-постановщик Ютта Ротгэ была весьма лаконична и в костюмах персонажей театра Аристофана в пьесе, считая, что масок на лицах актёров вполне достаточно, как и длиннополого распашного халата *босоногой* Миррины – жены Клеона. Наверное, и это минималистское решение оправдано – в Афинах война, голод, да и Клеон, по-видимому, не столь щедр, как российские олигархи постперестроечного времени.

В пьесе и её постановке явно просматриваются аллюзии на темы политической жизни сегодняшней России. Это не только весьма современный унитаз, в котором Клеон «мочит» Аристофана за его сатиру, это и бесполезные увещевания спартанского посла и Никия о необходимости принять предложение Спарты о мире, прекратить гибельную для Афин войну. Это и крупное зелёное яблоко, с которого демонстративно срезает кожуру

полководец Никий, отправляя Клеона на битву с врагами Афин. Кстати, патриот Никий не разрезает яблоко, а только счищает с него кожуру. Это случайность или намёк молодых автора и постановщика на возможность обновления пресловутого либерально-демагогического Яблока? Кирилл Фокин подчёркивает роль театра как выразителя общественного мнения, но одновременно показывает и страх актёров, которые моментально разбегаются при виде тирана. Аристофан остаётся один. Автор обыгрывает здесь ещё один исторический факт, когда Аристофану самому пришлось играть роль Клеона в одной из комедий, так как никто из артистов не решался взяться за эту роль. Что же касается военной победы, украденной Клеоном у стратега Демосфена, тут аллегория столь очевидна, что комментарии излишни.

По классификации драматических произведений Аристотеля в «Поэтике» «Демагога» К. Фокина следовало бы отнести по жанру к трагедии: завершённое действие со «страшной» концовкой – гибелью главного героя. Но финал пьесы, на первый взгляд, весьма оптимистичен: тиран и демагог погибает. Но... на смену погибшего тирана приходит (на стене появляется бегущая строка с описанием дальнейшей истории Афин) его ближайший помощник Фукидид. Увы!

Самое яркое впечатление от спектакля оставила игра Андрея Калинина, блестяще создавшего типаж демагога, этого актёра, не только с прекрасно поставленным голосом, но и, повторюсь, с великолепной пластикой. Впрочем, пластичны и другие молодые исполнители в роли актёров афинского театра и, бесспорно, Иван Ефремов в роли Аристофана. Думаю, что несомненная заслуга в этом принадлежит хореографу – Александру Лимину.

Резюмируя, хочу отметить, что спектакль молодых автора и режиссёра удался, и пожелать Кириллу Фокину и Хуго Эриксену продолжения творческого взлёта.

*Член Союза писателей России и Союза журналистов
главный редактор журнала «На русских просторах»
Татьяна Лестева*

29.03.2019

Санкт-Петербург

Татьяна Лестева

Рождение ли Сталина? Вопросы? А ответы?

Весь Петербург был буквально заставлен щитами с рекламой о готовящейся премьере «Рождение Сталина» 22 февраля 2019 г. в Александринском театре. Не успели к юбилею Иосифа Виссарионовича в 2018 году? «Рождение Сталина» – это о чём? Все версии об отце юного Иосифа Джугашвили, о годах семинарии, о начале поэтического творчества или о первых политических процессах, когда Иосиф Джугашвили и стал-таки Иосифом Сталиным? Реклама сделала своё дело, пробудила интерес. Мне удалось купить билет только на четвёртый премьерный спектакль – 29 марта. Несмотря на заоблачные цены билетов в партер, был аншлаг.

Первые вопросы у меня появились сразу же, как только я купила программку: золотое тиснение фронтона театра с указанием даты его основания в 1756 году на обложке, выделенные красным фамилии актёров, но в программке не было даты спектакля, не отмечены артисты, играющие сегодня. Мелочи, конечно, но всё же... Дальше больше. Кто автор пьесы? Да это и не пьеса вовсе, а «сценическая композиция», в основе которой «исторические материалы (запятая отсутствует) фрагменты из романа Ф. Достоевского «Бесы» (далее в ней несколько слов жирно замазаны корректирующей жидкостью) а также тексты современных авторов (точка тоже отсутствует)». Любопытство зашкаливает. Монетой аккуратно стираю штрих и читаю: «и из пьесы М.Булгакова “Батум”». Постмодернизм налицо. Ниже читаю, что это «СПЕКТАКЛЬ народного артиста России лауреата Государственных премий России **Валерия ФОКИНА**, сценография **Николая РОЩИНА**». Впечатляет! Создатели спектакля художественный руководитель театра и его главный режиссёр! Но где же автор текста? Должен же кто-то выходить в конце спектакля на поклонны в качестве автора? И ещё. «Куда же делись объявленные в первой программке «фрагменты» из «Батума» Булгакова, пьесы от которой в своё время поморщился сам Сталин. После первого спектакля 22 февраля что-то исключили из действия? Или только вычеркнули из программки? Третий звонок...

Действо начинается у стены семинарии, куда приходит Екатерина Джугашвили – Кеке, мать семинариста (засл. артистка России Елена Немзер) – с корзиной провизии подкормить сына Иосифа (Владимир Кошевой). Она уговаривает его закончить семинарию. Сын молчит, отказываясь от еды. И только когда колокол зовёт семинаристов на службу, Кеке торопит его, чтобы он не опоздал, он начинает демонстративно медленно есть. Опаздывает, но потихоньку протискивается и начинает молиться. Сцена в церкви является центральной в спектакле. После службы, испросив разрешения у отца Григория (Алексей Васильченко) остаться в церкви, Иосиф и его друг Давид (Николай Белин) столь бурно выражают свой восторг от свободы от церковного надзора, что невольно вспоминаешь танцы Puss! Riot в храме Спасителя. Но это буйство быстро сменяется серьёзным делом – проповедью

Иосифа, который с амвона читает... революционную прокламацию. На слух трудно судить, то ли эта прокламация из заявленных «Бесов», то ли большой фрагмент из «Катехизиса революционера» Сергея Нечаева, который, по-видимому, фигурирует в программке в числе «исторических материалов». Во всяком случае, этот текст прозвучал недаром: не только склонил испуганного вначале Давида к вступлению в тайную организацию, но и периодически звучит в разных сценах в течение спектакля. Например, после ограбления и убийства по разработанному Сосо плану отца Ольги (народный артист России Владимир Лисецкий) – девушка пришла в организацию, отказавшись от своего эксплуататорского класса, – Сосо, уже как бы обращаясь к зрителям, – Сосо, уже как бы обращаясь к зрителям, убежденно констатирует, что всё-таки «она не наша». (По классификации Нечаева в «Катехизисе...» женщины делятся на три категории: пустых; преданных, но не наших; и, наконец, товарищей.)

Кстати, во многих сценах зритель видит спину Иосифа Джугашвили: лицом он обращён к своим сотоварищам, рассказывая им о плане очередной операции и убеждая их. Он – «мозг» организации, деятельность которой пока, во всяком случае, направлена на экспроприацию награбленного, хотя, куда и кому идут экспроприированные деньги, об этом в спектакле ничего не говорится. Создатели текста (и спектакля?) грубо проехали по героическому образу в советской истории и литературе революционера Камо: в ответ на призыв Сосо «думать», тот искренне по простоте душевной отвечает: «А я не думаю!» (артист Иван Ефремов). Как-то не так мы представляем себе жизнь Камо, впрочем, его образ практически и не прописан в спектакле: так... какой-то бандит-экспроприатор из второстепенных (по классификации С. Нечаева).

Думает глава и организатор этой «революционной ячейки», причём он не только *обдумывает* планы экспроприации, но и размышляет о верности идеалам революции её членов, проверяя их в условиях тех или иных операций. Вот эти свои мысли и выводы Владимир Кошевой всегда произносит у края сцены, обращая их к зрителям, никогда не забывая о сухорукости левой руки будущего вождя всех времён и народов. При этом «мозг» организации разрабатывает планы операции, но лично в них не участвует, наблюдая со стороны за их выполнением.

По ходу действия создатели спектакля стараются показать эволюцию личности Сосо. С самого начала он – центр тайного общества, но всё ещё ценит дружбу, грубо отталкивая Ольгу, невесту Давида. Даже предлагает их обвенчать, поскольку Кеке мечтала, чтобы он стал священником. Но в дальнейшем, следуя «Катехизису революционера» С. Нечаева, в нём развивается подозрительность, он начинает проверять своих соратников, пытаясь вычислить среди них предателей. В этой среде он чувствует себя уже почти богом. Пытаясь получить выкуп, члены группы по разработанному им плану похищают сына некоего персонажа пьесы – богача Бархатова (артист Александр Лушин) и хотят его повесить на глазах отца. Киднэппинг как переключка с Россией перестроенного времени? Бархатов для спасения сына соглашается пожертвовать всем. Сосо же, повернувшись лицом к зрителям, произносит с удовлетворением: «Повесить сына на глазах отца?»

Божественно!». И как бог заменяет жертву Исаака на барана, так и Сосо отменяет казнь сына Бархатова, ограничиваясь деньгами. Бывший семинарист вспомнил библейскую притчу о сыне Авраама? Но не в этом ли «Божественно!» создатели спектакля видят и хотят показать причину рождения будущего тирана? Наслаждение властью над людьми «второго сорта» почти по классификации Нечаева? Возможно и так!

Хочется отметить, что спектакль пронизан нескрываемым восхищением и ностальгической любовью к Грузии, её природе, культуре, музыке. Красивые виды гор, великолепно поставленные танцы молодых грузинских революционеров (пластика Игоря Качаева), дивное музыкальное сопровождение спектакля (заслуженный артист России Иван Благодёр) от классического грузинского «Сулико» до надрывающего душу тихого плача дудука (соло на дудуке Хачатура Саркисянца). Впрочем, дудук – это народный инструмент Армении, а не Грузии. Грузию скорее олицетворяет зажигательная лезгинка, которую мастерски исполняли соратники Сосо, разумеется, без его участия. Но всё равно впечатляет! Стихи... Вернее стихотворение молодого Иосифа Джугашвили «Утро» с призывом соловья к детям читает Владимир Кошевой и по-грузински, и по-русски:

“Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учёбою, друзья,
Прославьте Родину свою!”

Утро Грузии... Когда оно началось? С началом революционной деятельности грузинского народа? Относительно её расцвета сомневаться не приходится – это период Грузинской ССР в составе СССР, да и относительно «соловья», прославившего свою Родину, несомненно, тоже. Хотя соловьи бывают разные, в русском фольклоре есть Соловей-разбойник...

Спектакль «Рождение Сталина» идёт два часа без антракта, хотя в нём нет нарастающей от сцены к сцене детективной интриги, в чём-то эпизоды ограблений и расправ однотипны, несколько монотонны и порой даже скучноваты, за исключением последней сцены – ареста Сосо и тюрьмы. Действие дважды оживляется блестящей иронической находкой создателей спектакля – появлением после каждого удачного громкого ограбления пары мальчишек-газетчиков, звонкими, пронзительными криками на грузинском языке оповещающими зрителей о происшествии. Не могу назвать исполнителей – в этом спектакле их было двое – маленький мальчишка лет девяти и подросток лет пятнадцати (в программке названы имена шестерых исполнителей). Но молодцы! Заставили впадающих порой в дремоту зрителей вздрогнуть и проснуться!

И, наконец, финальная сцена – арест Сосо. Полицейский вталкивает его в одиночную тюремную камеру, раздевают до нижнего белья, даже носки стаскивает. Полицейский избивает революционера, тот падает на каменный пол и, лежит на нём, без сил даже взобраться на нары. Здесь отнюдь не Сосо, уверенный глава революционной ячейки, а маленький слабый человек.

Сломленный до конца? Стена камеры раздвигается, и в неё вкатывают открытый саркофаг, на ложе – труп Иосифа Виссарионовича Сталина в парадном мундире, на белом кителе сияет золотая награда. Сталин (народный артист России Пётр Семак) медленно приподнимается, встаёт, нет даже намёка на его сухорукость, акцентированную у молодого Джугашвили, подходит к скрюченному на полу Сосо, чуть ли не с презрением смотрит на него, говорит что власть – самое главное в жизни. В конце его монолога Сосо приподнимается с пола, пытаясь подняться на ноги. Сталин отталкивает его – воспоминания о проявленной слабости недостойны великого вождя! – и твёрдым шагом подходит к краю рампы в самом середине сцены.

В этот момент из оркестровой ямы поднимается огромная скульптура великого Сталина (стилизованная копия памятника Сталину на Волго-Донском канале?) и из глубин, как морской рокот, звучит многотысячный хор, повторяющий одно слово: Сталин, Сталин, Сталин... Удачная, на мой взгляд, сценическая находка: культ личности? Ошеломлённая публика молчит... И только, когда великий вождь отходит вглубь сцены, раздаются аплодисменты. Артисты выходят на поклоны, но *автор* на премьере так и не появился.

Эта «сценическая композиция» – не пьеса – оставила двойственное впечатление: с одной стороны, весьма интересно, с другой – скучновато, с одной стороны – блестящая игра Владимира Кошевого, с другой – бледные тени его соратников, которым тексты ролей не дают возможности блеснуть всеми гранями своих талантов. К тому же авторы сценической композиции в чём-то погрешили против исторической правды, представив молодого Сталина весьма однобоко, всего лишь организатором небольшой банды террористов-экспроприаторов. Мелковато для человека, решавшего судьбы народа, перекраивавшего карту Европы.

Шедевра, похоже, не получилось, но... лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Санкт-Петербург Апрель 2019 года

VII. НАД ЖИЗНЬЮ. СТИХИ и ПРОЗА, статьи и ПИСЬМА

Н. И. Калягин

**Чтения о русской поэзии.
Л. А. МЕЙ»**

**Галина Дюмонд
Лейтенант и Лелечка**

Л. Л. Бубнова

ДИАЛОГ ПИСАТЕЛЯ С КРИТИКОМ

СИРОТЛИВО СТОИТ РЕДАКТОР...

Анвар Абдураимов. Налетели ветры злые

В. Чернышев. Расставание на лето

Н. И. КАЛЯГИН.
Отрывки из «Чтений о русской поэзии. Л. А. МЕЙ.

Этнический немец Мей, убитый слишком рано (в сорок лет) национальным русским напитком.

Виртуозный легконогий поэт, вовсе не запятнанный революционными вождениями. Поэт, имевший феноменальную начальную филологическую подготовку, вращавшийся с юных лет среди крупнейших художников и мыслителей России (Островский, Аполлон Григорьев) и бывший с ними – одной компанией. Милый и скромный человек, который *любил жизнь и верил в Бога*.

Отчего я, разбирая поочередно поэтов, причастных к области мрака, отнес к их числу и солнечного лицеиста Мея? С ним-то что не так? Какую связь можно усмотреть между Львом Александровичем Меем и Гражданской войной в России, начавшейся через пятьдесят пять лет после его кончины?

С Гражданской войной в России Лев Александрович, разумеется, никак не был связан, но он связан, на мой взгляд, с новыми течениями в искусстве, каковыми революции обычно предваряются. Постараемся разобраться с этими связями.

Но будет трудно, предупреждаю.

Начнем издалека.

Анна Ахматова, прочитав на заре хрущёвской оттепели сенсационную в ту пору поэму Твардовского «За далью – даль», замечает желчно: «Он воображает, будто можно написать поэму обыкновенными кубиками. Да ими шестнадцать строк напишешь, не больше. Все это от невежества. Греки писали емким гекзаметром, Дант терцинами, где были внутренние рифмы, где все переливалось, как кожа змеи. Пушкин, пускаясь в онегинский путь, создал особую строфу. <...> А тут – отмахать целую поэму – тысячи километров – кубиками. Какая чепуха!»

«Поэзия без техники не существует», провозглашает Ахматова.

В той же книге (вы заметили, наверное, что я цитирую «Записки об Анне Ахматовой») Лидия Чуковская заводит разговор о тех поэтах, которые ей представляются достойными, но второстепенными («при великолепных стихах, рядом провалы в немощь, в безвкусицу»), самонадеянно начинает судить-рядить «о Фете, Полонском и Случевском».

Ахматова откликается: «Да, у всех у них были дивные стихи – избранные, немногие, но самого высокого класса. Кажется, только у Мея нельзя разыскать ни единой строчки».

Тут есть очевидная нестыковка.

Поэтическая техника не у одного Твардовского хромала. Некрасов тоже опирался на общеупотребительную строфику, орудовал нехитрыми двусложными размерами (да и более благородные стиховые размеры –

анapest, дактиль – делались в его аранжировке нехитрыми); Некрасов тоже «писал кубиками».

Но почему-то Ахматова, относясь более чем благосклонно к поэзии Некрасова, сурово судит Твардовского, такого же, как и Некрасов, «кубиста», и вовсе отказывает в звании поэта Мею («ни единой строчки»), который кубиками никогда не писал, у которого с техникой был порядок полный.

Странно.

Получается, что пышные разговоры Ахматовой о поэтической технике мало что значат. Получается, что поэзия без техники существует.

А чем могут быть интересны и важны стихи, написанные, с технической стороны, слабо? Только *темой*.

Нетехнический поэт Некрасов размышлял постоянно о крупных темах (о скорби народной, которой переполнилась наша земля, о Грише Добросклонове, призванном исцелить скорбь, о Николае Добролюбове, светильнике разума, и о великом Чернышевском, напомнившем кому следует о Христе), виртуозный технарь Мей разрабатывал постоянно темы мелкие.

То он вспомнит о соседке по даче, когда-то пробудившей в сердце поэта первую робкую влюбленность:

*Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилось?..
 Будто живется оячь мне, как смолоду жилися;
 Будто мне на сердце веет бывальными вёснами:
 Просекой, дачкой, подснежником, хмурыми соснами,
 Тальными зорьками, пеночкой, Невкой, березами,
 Нашими детскими... нет! – уж не детскими грезами!
 Нет!.. уже что-то тревожно в груди колотилось...
 Знаешь ли, Юленька?.. глупо!.. а все же приснилось... –*

а то оплачет в стихах околевшего пса:

*Ты непородист был, нескладен и невзрачен,
 И постоянно зол, и постоянно мрачен;
 Не гладила тебя почти ничья рука, –
 И только иногда приятель-забияка
 Мне скажет, над тобой глумяся свысока:
 «Какая у тебя противная собака!»*

Потому-то на бесстрастном безмене истории поэт Некрасов перевесил поэта Мея. Стал более значительным художником. Стал классиком русской словесности.

К сожалению, всю эту стройную теорию, обосновывающую торжество крупнотемья над мелкотемьем, портит одно обстоятельство. Вполне очевидно, что Мей не только технически, но и тематически Некрасова превосходит. Тема о первой любви художника или о собаке, умершей у ног хозяина-рапсода (вспомним минуту возвращения Одиссея в родной дом после

20-летней отлучки), заведомо важнее тем о «народном заступнике», об «огороднике лихом» и о тому подобных, не существующих в живой природе, лицах.

Смешно говорить про мелкотемье поэта Мея – человека, по-настоящему крупного и по-настоящему ученого, знавшего восемь иностранных языков, разрабатывавшего самые сложные стиховые размеры (диковинную средневековую секстину, например), сочинявшего стихотворные драмы из времен Нерона и Ивана Грозного, где историческая часть находилась неизменно на очень высоком уровне!

Среди исторических его полотен выделим небольшую поэму «Цветы», настолько восхитившую Ап. Григорьева своей объективностью («какое-то ироническое спокойствие, даже холодность, или, лучше, выдержанность в рисовке»), что великий критик недогнувшей рукой поставил Мея (как исторического живописца) выше Лермонтова! Опытный критический взгляд Аполлона Григорьева обнаружил, что Нерон и Поппея изображены у Мея правдивее, чем купец Калашников или царица Тамара у Лермонтова (то есть Нерон и Поппея, описанные Меем, отсылают читателя к Нерону и Поппее, а купец Калашников, описанный Лермонтовым, отсылает читателя к самому Лермонтову, а не к какому бы то ни было купцу, реально жившему в Москве XVI столетия).

Вспомним еще прелестную миниатюру «Кесарь Клавдий и Агриппина», попутно удивившись тому, как ненатурно и остро проявлялась в оригинальном художественном творчестве Мея его солидная ученость:

*Голоден кесарь... «Да что ж вы, рабы!
Скоро ли будут готовы грибы?»
Скоро: сама Агриппина готовит...
Повар, что Гебу, ее славословит.
Прямо в собранье бессмертных богов
Явится Клавдий, покушав грибов...*

В «Москвитянине» М. П. Погодина наш герой возглавляет с 1850-го года сразу два отдела (русской словесности и иностранной литературы), входит в знаменитую «молодую редакцию» журнала... Впоследствии делается соредактором (вместе с Ап. Григорьевым и Полонским) неплохого тоже журнала «Русское слово».

Но «Русское слово» не так значительно, как значителен воздвигшийся в самой сердцевине российского XIX века «Москвитянин».

Скажу прямо: был в России «пушкинский круг», была в России «молодая редакция» журнала «Москвитянин», а с тех пор ничего близко похожего на два этих блистательных содружества молодых талантов в России не наблюдалось.

Скажу еще, что в «молодой редакции» Мей занимал такое же приблизительно место, какое занимал в пушкинском кругу Дельвиг.

Конечно, имелись между двумя поэтами важные различия (главное из них

заключается в том, что Мей в «молодой редакции» не знал своего Пушкина, был без Пушкина Дельвиг), но имелось между ними и немаловажное сходство.

Милота, человечность, детская резвость ног, которую теряют обычно мужчины, достигшие зрелого возраста, какая-то сказочная безалаберность – все это сближает Мея с Дельвигом (ну и пристрастие к алкоголю, без какового пристрастия, что бы ни думал о том минздрав, само понятие «человечность» делается иногда прямолинейным и скучным).

Дельвиг не был особенно учен, но неукоснительно (и далеко не безуспешно) стилизовал свои труды под ученость. Мей, при всей своей очевидной учености (восемь языков! древнееврейский и древнегреческий в том числе!), был таким же в точности, как Дельвиг, расхлябанным субъектом. Оба эти поэта были – богема. А без *настоящей* богемы искусство в стране существовать не может.

Самый крупный (потенциально) художник ничего в искусстве не добьется и как художник зачахнет, если не повстречает в молодости двух-трех представителей богемы, которые привьют ему особый взгляд на жизнь, согласно которому на все в этом мире можно наплевать (на карьеру, на семью, на здоровье, на саму жизнь) и только к искусству следует относиться серьезно.

Придуманый Бродским тиран, который сумел *покончить с мировой культурой*, всего-навсего пересажавав *завсегдатаев кафе*, ясно эту зависимость искусства от расхлябанности понимал. Тиран получился у Бродского неглупый.

«Понятно, – скажет на этом месте иной нетерпеливый читатель. – Вы открыли еще одного (после Катенина) крупного русского поэта, обойденного общественным вниманием. Вы подарили родной стране нового классика. Как это замечательно! Как это нам всем всё нужно... Мои поздравления!»

Спасибо за поздравления, конечно, но никаких открытий я нынче не совершил.

В принципе я согласен с Ахматовой в том, что Мей не принадлежит в русской поэзии к «самому высокому классу». И я сознаю, что Мей как поэт даже Некрасову уступает в значении.

Никакой он не классик.

Современники Мея, лежавшие ниц перед поэзией Лермонтова и начинавшие находить вкус в поэзии Некрасова, относились к нашему герою пренебрежительно. Его называли обычно «голым талантом».

«Так ведь кто называл?! – возразит на это нетерпеливый читатель. – Читательская масса! Стадо баранов, бредущих за вожаком-Белинским! Тупая пушкинская чернь! Профаны!»

Не скажите. Читающая публика (если хотите, читательская масса; в общем, толпа), беспомощно барахтаясь в море злостнейших проблем – научных, культурных, социальных, – решая вкривь и вкось такие вопросы, которых и понять-то нельзя при отсутствии специальных узкопрофессиональных знаний, – постоянно оказывается права в главном.

Ибо, по замечанию Страхова, «самые беспорядочные умственные волнения публики имеют свой смысл, свою логику» и, более того, «в инстинктах толпы обыкновенно есть что-то верное и благородное». (Другое дело, что «в приложении этих инстинктов» к области практических дел у человека толпы «почти всегда происходит ошибка».)

Определение «голый талант» очень даже Мею подходит. О его таланте в самом деле нечего сообщить, кроме того, что талант у поэта был бесспорный.

Настолько уже бесспорный, что личность носителя таланта сделалась на фоне таланта незаметной. Выщела, как моль, под его лучами.

И вот только теперь начинаются трудности, о которых я предупредил заранее.

Связь с новыми течениями в искусстве, приписанная мной Льву Александровичу Мею, считается в наши дни высшей добродетелью для художника.

Люди сегодня равнодушны к прошлому, они недовольны настоящим. Люди сегодня поклоняются будущему.

Завет Спасителя: «Не заботьтесь о завтрашнем дне», – никого больше не интересует. Трудно и где-то даже противоестественно верить в Бога (которого «человекам невозможно видеть») – легко и просто верить в такую штуку, как прогресс. Верить, что в мире происходит непрерывно «борьба старого с новым», в которой «новое» всегда побеждает и дарит человечеству замечательные вещи, о которых оно (человечество) и мечтать не смело в прошлом: то пенициллин ему подбросит, то смывной унитаз... Это же **очевидно!** Это же **так и есть!**

Люди, уверовавшие в прогресс, суть готовые революционеры.

В области искусства вера в прогресс кажется невозможной (какой там прогресс, если мы сегодня не то чтобы за Пушкиным или за Шекспиром – мы даже за Тургеневым повторить не можем, не можем повторить даже за Некрасовым, даже за Плещеевым повторить не можем), но и в этой деликатной области вера в прогресс торжествует! Пушкин сокрушенно заметил в 1830 году: «За новизной бежать смиренно народ бессмысленный привык». В 1896 году Брюсов торжественно провозгласил: «Только грядущее – область поэта».

Курьезная это штука – прогресс в искусстве. Его нельзя пощупать, его невозможно обнаружить в реальности – о нем можно только мечтать! Люди, уверовавшие в прогресс искусства, вдвойне революционеры. Из таких именно людей получают хорошие молодые штурманы будущих революционных бурь.

Вспомним статью Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» Оценим по достоинству время, когда она была написана. Золотой век русской литературы. 1860 год. Только что созданы Тютчевым «Есть в осени первоначальной...», Фетом «На стог сена ночью южной...» Толстой обдумывает «Войну и мир», Достоевский – «Преступление и наказание».

Тургенев, в меру отпущенных ему матерью-природой литературных сил, пишет свои ранние романы: «Дворянское гнездо» пишет, пишет вот «Накануне»...

Ведь это какая пламенная вера в полезность будущих бурь жила в человеке, если он, глядя в упор на день истории, который мы только что кое-как обрисовали (а в 1860 году масса других интересных и замечательных культурных событий в стране происходила; в тот год, например, познакомились и сошлись Ап. Григорьев и Н. Н. Страхов)), объявил его – ненастоящим! Придет-де настоящий день – и всяческого добра (в том числе и повестушек Тургенева) станет в стране намного больше! И будут они на порядок лучше! Ох, и заколосится тогда нива русского слова...

Страшная это вещь: мечта о будущем. Видишь реально отечество, *которое будет*, видишь *рассиявшееся до небес* отечество – и видишь одновременно сто тысяч, двести тысяч, полмиллиона, два миллиона, двадцать наконец миллионов отвратительных заскорузных человеческих существ, которые мешают счастью осуществиться...

В этой мечте корень революции. С нее-то и начинается в стране гражданская война.

Но продолжим разговор о столкновении Добролюбова с Тургеневым, которым многое в истории искусства объясняется и к которому мы подойдем сегодня с неожиданной стороны.

В стихотворном цикле Бродского «Мексиканский дивертисмент» присутствует случайный герой – попугай, который сидит на ветке, глядит на валяющиеся в кустах простреленные черепа (закономерный, но единственный результат последней Великой революции в Мексике) и так поет:

*Презренья к ближнему у нюхающих розы
Пускай не лучше, но честней гражданской поэзы.
И то и это порождает кровь и слезы...*

Вот вам перифраз мощного столкновения Добролюбова с Тургеневым. Такое же точно столкновение происходит в другом столетии и на другом континенте (история Мексики, замечает мимоходом Бродский, «грустна; однако, нельзя сказать чтоб уникальна»).

Узнаваемая ситуация, бесспорно. Эпоха «великих реформ» в России, когда впервые возникла в стране революционная ситуация и когда в недрах передового журнала «Современник» произошел потрясший читающую публику разрыв между «нюхающим розы» Тургеневым (также и Дружининым, Фетом) и принявшим «гражданскую позу» Добролюбовым (также и Некрасовым, Чернышевским).

По мысли Бродского, оба направления – тупиковые. *Две дороги в никуда*. Победы в 1917 году любители роз, они точно так же уничтожили бы своих оппонентов, как люди «гражданской поэзы», победившие в 1917 году, убили их самих.

Это остроумно. Но, на момент Февральской революции, раскол в

русской литературе проходил по другой совершенно линии. Раскол в литературе проходил по линии, отделявшей кондовых реалистов (Горький, Короленко, Сергеев-Ценский, ранний Шмелев, в лучшем случае – Куприн) от декадентов.

Известно, что декаденты с самого начала одолевали (в плане тиражей, гонораров – в любом плане пересиливали) и под конец, в глазах мало-мальски образованного российского читателя, победили суконных реалистов «в одну калитку». Стоит ли упоминать о том, что обе эти литературные силы с одинаковым нетерпением ожидали приход революции, что они обе одинаково остервенело верили в маячащий на горизонте «настоящий день»?

Русское декадентство – роковая сила, вобравшая в себя задолго до Февраля две линии в искусстве, о которых говорит Бродский в «Мексиканском дивертисменте» и которые не только Бродскому, но и любому нормальному человеку представляются несовместимыми, противоположными.

Однако Гегель знал, что противоположности сходятся. И Гераклит заметил некогда, что Дионис (жизнь на кураже, залихватская жизнь) и Гадес (смерть, ад) одно и то же.

В мировом пространстве есть точка, в которой жрецы «чистого искусства» и адепты «гражданской позы» сростаются. Всмотревшись в эту точку, видишь ясно, что Добролюбов и Тургенев – одно и то же. Что нюхать розы и принимать гражданскую позу одинаково неприлично или, выражаясь точнее, одинаково недостаточно.

Такой точкой и является декадентство.

Без противоестественного объединения чужеродных начал, декадентство в России никогда не одолело бы суконных реалистов. Потому только и смогли победить декаденты, что в них самих присутствовало необходимое и достаточное (для удовлетворения законных требований рынка) количество сукна.

Современный исследователь Г. Обратин напечатал недавно слова, не привлекая к себе, увы, общего внимания: «Только “отбросы декадентства” (Городецкий) ориентировались на твердые строфические формы. Столпы декадентства тянулись к разговорной демократической стилистике Н. Некрасова и к народнической поэзии, связанной с общеупотребительной строфикой».

Это очень важно! «Столпы декадентства» реально опирались на Некрасова и на Трефолева. Отсюда их влияние, отсюда их вызывающие оторопь тиражи и доходы.

Но, захватив рынок с помощью «демократической стилистики» и «общеупотребительной строфики», столпы российского декадентства успешно впаривали читающей публике *свой товар*: презрение к ближнему и культ чистого искусства.

Символизм пришел в Россию из Франции. Это неудивительно. На протяжении двух-трех веков российский обыватель взирал на Францию с обожанием; любая французская мода с небольшой временной задержкой

(Стендаль в «Красном и черном», говорит, помнится, о тридцатилетней задержке) становилась модой российской.

Но строфика французского символизма, заметите вы, не была никогда общеупотребительной. Она была сложной и изысканной. Разве это не так? Какой-то странной получилась пересадка французского символизма на российскую почву.

Какой получилась, такой и получилась. Старались. Хотели, как лучше. Но получилось так, как и получается всегда у людей, взваливших на свои плечи чужую ношу: получилось натужно. В русском декадентстве, с самых первых его шагов, присутствуют одновременно такие начала, которые враждуют между собой, которым в одной лодке находиться неудобно: эстетизм и народничество, покушения на экзотическую строфику и постоянные провалы в строфику банальную; презренье к ближнему, не способному на должном уровне обсудить с декадентом вопрос о «предельном символе», и повальные среди русских модернистов революционные возжелания («народ же страдает же!») ; *отвращение от жизни и к ней безумная любовь*; Некрасов и Малларме, сросшиеся воедино.

Одним словом, кентавр. Четвероногое чудовище с человеческим лицом, ковыляющее по необозримой зеленой равнине, и является, в значительной степени, олицетворением русского декадентства, его, с позволения сказать, иконой.

Среди столпов русского модернизма один Иннокентий Анненский выглядит со стороны более или менее человеком.

В силу уникальности своих личных качеств (всеобъемлющая образованность на уровне лучших европейских образцов и, одновременно, наследственное, восанное с молоком матери народничество), Анненский сумел кое-как слепить из Некрасова и Малларме двуногое существо. Все-таки у него получился не кентавр. Получился скорее человек, хоть и обладающий определенными лошадиными качествами.

Поэтому Анненский и пророс в будущее русской поэзии, оказав колоссальное влияние на акмеистов и на их последователей. Кондовые же декаденты остались в истории русской поэзии без потомства.

Но об Анненском мы будем говорить на следующем чтении.

А пока что возвратимся к Мейю, дабы завершить наконец наш сумбурный разговор об этом поэте.

Будет по-прежнему непросто.

Итак, мы обвинили Мейя в сознательной связи с новыми течениями в искусстве. Параллельно мы заговорили (впервые на этих чтениях) о декадентстве, приписав ему некую злую и разрушительную силу.

Остается только связать Мейя с декадентством. Возможно ли это?

Я попытаюсь.

Как и у марксизма, у русского декадентства «три источника, три составные части». Во-первых, эстетизм, презренье к ближнему и тесно с ними связанное богоборчество: претензия называться самому Богом, творящим из пустоты. Во-вторых, пографление вкусам толпы, прочная связь с предыдущей

интеллектуальной модой (для России это народничество), умение ловко впарить самый изысканный (якобы изысканный) товар самому массовому покупателю. Наконец, твердая ориентация на лучшие образцы мирового искусства (действительно лучшие, лучшие без обмана), каковая ориентация, при средних способностях, доставшихся от Бога «столпам декадентства», приводила их постоянно к жульничеству в литературной работе. Брюсов и Мережковский, по уровню своего таланта, просто не могли писать в ту силу, в какую писали Пушкин и Достоевский. Но у них хватало литературного вкуса, чтобы понять, насколько значимо, насколько великолепно творчество Пушкина и Достоевского. У них хватало ума, чтобы изучить творчество Пушкина и Достоевского досконально, чтобы постичь его глубоко. И у них хватало наглости на то, чтобы стилизовать свои поделки под творения Пушкина и Достоевского. «Пою, как Пушкин (почти)». «Пишу, как Достоевский (почти)». Постоянное стремление занять чужое место, захватить чужую высоту и, тесно связанное с этим стремлением, постоянное перемещение в пространстве на цыпочках, на котурнах, на ходулях – характерная тоже черта декадентства.

(Чехов назвал однажды наших декадентов «жуликами». А как по-другому назвать людей, которые зарятся на чужое? Жулики и есть.)

Что с Меем?

Наш поэт предан был Церкви и, имея известную слабость, строил свои отношения с Богом в целом правильно:

*Нет предела стремлению жадному...
Нет исхода труду безуспешному...
Нет конца и пути безотрадному...
Боже, милостив буди мне грешному, –*

написал он перед самым концом безотрадного пути.

Потрафлять вкусам толпы Мей неспособен был органически, почему и прожил свою короткую жизнь в большой бедности.

Но вот халтурить в стихах, стилизовать свои труды под чужие высокие образцы Мей научился задолго до Брюсова.

Приведу для примера стихотворение «Плясунья» – не лучшее у Мея, но и не худшее его стихотворение.

*Окрыленная пляской без роздыху,
Закаленная в серном огне,
Ты, помпеевка, мчишься по воздуху,
Не по этой спаленной стене.*

*Опрозрачила ткань паутиная
Твой призывно откинутый стан;
Ветром пашет коса твоя длинная,
И в руке замирает тимпан.*

*Пред твою красой величавою
Без речей и без звуков уста,
И такой же горячею лавою,
Как и ты, вся душа облита.*

*Но не сила Везувия знойная
Призвала тебя к жизни – легка
И чиста, ты несешься, спокойная,
Как отчизны твоей облака.*

*Ты жила и погибла тедескою
И тедескою стала навек,
Чтоб в тебе, под воскреснувшей фрескою,
Вечность духа прозрел человек.*

Как вам кажется, это хорошо или это плохо?

«Ну, это необычно, – заметит осторожный читатель. – Так звучно, так раскованно... Правда, в позапрошлом веке написано? А похоже, знаете, на Вознесенского, на Беллу Ахмадулину...»

Именно! Именно на Ахмадулину! И как странно сознавать, что столь яркий образец советской эстрадной поэзии, каким является «Плясунья», мог быть сочинен уже в 1859 году.

На девятом чтении мы вспоминали веское суждение Адамовича о Баратынском: «Нет стихов более напряженных, более зрелых, нет ни у кого столь полного соответствия между внутренней жизнью и ее словесным выражением <...> После его стихов все остальные, без всяких исключений, кажутся легковесными, поверхностными».

Тут есть тонкий момент, который необходимо продумать до конца. В самом деле, даже стихи Пушкина, после стихов Баратынского, могут *показаться* на минуту «легковесными, поверхностными». Но они не таковы. Адамович опускает одну характерную мелочь: в пушкинском творчестве осуществлялось такое же в точности «полное соответствие между внутренней жизнью и ее словесным выражением», как и у Баратынского в лучших его стихотворениях. Конечно, у Пушкина была своя – не такая, как у Баратынского – внутренняя жизнь. Ведь «внутренняя жизнь» человека, если назвать ее по-другому, если проще ее назвать и одним словом, это *душа*. А человечьи души – они все разные, двух одинаковых не бывает. При этом они все равноценны. Или, что одно и то же, все человеческие души одинаково бесценны.

Человеческая душа, точно запечатленная в слове, просто не может быть лучше или хуже («легковесней» или «тяжеловесней») другой человеческой души, точно запечатленной в слове.

Возвратившись же к стихотворению Мей «Плясунья» обнаруживаешь в

нем полное несоответствие между внутренней жизнью Мей и ее словесным выражением. Обнаруживаешь редкое даже в наш век пустозвонство. Правду сказать, внутренняя жизнь поэта в данном стихотворении не выражена совсем.

Рассмотрим по диагонали эту «Плясунью».

Первая строфа – сносная. Более чем. Мы вместе с Меем глядим на танцовщицу, изображенную на знаменитой помпейской мозаике, и радуемся тому, что видим.

Содержание второй строфы: танцовщица бешено пляшет (при этом тимпан в ее руке по непонятной причине «замирает», хотя даже коса на затылке продолжает двигаться), призывно откидываясь назад, – и через прозрачную ткань становится виден ее животик.

В третьей строфе Мей называет бешеную картину, описанную в предыдущей строфе, «красой величавою» и сообщает, что это зрелище облило его душу «такой же горячею лавою», как горяча была лава (наверное, все-таки там был вулканический пепел?), убившая танцовщицу 24 августа 79 года.

В предельно темной следующей строфе (*«Но не сила Везувия знойная //Призвала тебя к жизни...»*) речь просто идет о том, что погибшая танцовщица была иноземкой, что она не в Италии родилась.

В последней строфе открывается, что танцовщица была тедеской (т. е. германкой, немкой), после чего звучат два мощных заключительных аккорда, достойно венчающих стихотворение «Плясунья». Мей замечает, что хорошая танцовщица, бывшая немкой при жизни, остается немкой навек (плохая же танцовщица-немка после смерти становится, вероятно, навек итальянкой?), а потом сообщает, что человек, взглянувший раз на ее, тедески, мозаичное изображение, способен прозреть в ней, под воскреснувшей (то есть расчищенной, отреставрированной) фреской, вечность духа.

Поскольку сам поэт, разглядевший фреску детально еще во второй строфе стихотворения, прозрел в несчастной молодой женщине лишь просвечивающий сквозь рубашку живот, то «вечность духа» (вообще-то несомненная, как несомненна маслянистость масла) в этом именно сочинении становится проблематичной.

Сознаю, что многим не понравится резкость, которую я проявил только что при разборе стихотворения «Плясунья». Но будьте же справедливы. В этой книге я очень редко говорю о недостатках, о слабостях, об огрехах – я именно что пытаюсь сосредоточиться на удачах, на достижениях.

И если бы Мей написал целых полсотни откровенно слабых стихотворений, то, конечно, я обошел бы их вниманием, как обходил до сих пор стороной неудачные стихи других поэтов...

Но в том-то и дело, что стихотворение «Плясунья» совсем не слабое. Для определенных целей (для исполнения с эстрады, скажем) оно просто превосходное!

Звуки льются, напряжение слушателей нарастает. Погибшая танцовщица покидает спаленную стену и мчится по воздуху... Ничего, что контуры размыты, – есть драйв! Вознесенский рукоплещет. Ахмадулина отдыхает.

Мей решает в данном стихотворении узкоспециальную и довольно сложную задачу – задачу *звучать* так, как звучали до него в русской поэзии Пушкин и Жуковский, Баратынский и Лермонтов, Тютчев и Фет. Но, поскольку внутренняя жизнь Мея не имеет высоких качеств, которые могли бы обеспечить желаемое яркое звучание, Мей начинает свою внутреннюю жизнь сочинять. Начинает, как та лягушка у Эзопа, завидевшая быка и позавидовавшая его размерам, «надувать дряблую кожу». Начинает врать про вулканическую лаву, обжегшую душу поэта («такая вот у меня сила сочувствия к погибшей древней артистке; уж так-то я люблю античную пляску!»), начинает прозревать вечность духа в самых неподходящих местах. Умный человек начинает писать заведомую бессмыслицу лишь потому, что она хорошо звучит.

Поэту кажется, что он являет миру новые грани своего несомненного дарования; поэту кажется, что он сам *мчится по воздуху*. В действительности поэт пятится задом. Жертвует смыслом, чтобы «петь примерно как Пушкин». Но Пушкин-то ни одной строчкой своего творчества от смысла не отступил. Даром что звучал всегда божественно...

У позднего Заболоцкого есть стихотворение:

*Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.*

*И в бессмыслице скомканной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?*

*И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?*

*Нет, поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам...*

Обращенные к Мандельштаму, эти стихи и к Мею имеют самое непосредственное отношение. Но если Мандельштама стихотворение Заболоцкого унижает (что вызывает по временам яростный отпор со стороны почитателей Осипа Эмильевича), то Мея оно скорее возвышает.

Мей не всегда ведь занимался выдумками, не всегда замахивался на вечность духа. Чаще он брал небольшие темы (находившие при этом реальные соответствия и созвучия во внутреннем мире поэта) и обрабатывал

их не без виртуозности. Бормотанье сверчка и ребенка, изощренность скомканной речи – все эти любопытные и забавные вещи в поэзии Мея постоянно присутствуют.

Не так все плохо закончилось для Мея как для поэта. Свой читатель, немногочисленный, но зато тонкий, у него будет всегда.

Конечно, «смысла живая основа» у поэта почти не звучит, но сам-то он как мог это поправить? Никак он не мог этого поправить. Он говорил в стихах замечательные вещи – он первым сказал, например: «*Какая у тебя противная собака!*» Он дал то, что мог дать. Он не мог дать того, чего дать не мог, чего не было в его внутреннем опыте. Хотя иногда пытался... Лучше бы не пытался.

И последнее.

Пусть Мей – один из отцов-основателей русского декадентства. Допустим, что оно так и есть.

Но сам-то Мей ничего о декадентстве не знал и знать не мог, и основывать его в России вовсе не собирался! Он хотел знать, что получится, если скромные наличные ресурсы души (где не было, увы, «предела стремлению жадному» к спиртным напиткам) обогатить красотой их (ресурсов) словесного выражения. Он пытался понять, не повысится ли полезное давление в котле, если усилить до предела свист выпускаемого наружу бесполезного пара? Он экспериментировал, на что каждый художник имеет право.

И он не считал, кстати сказать, что в результате экспериментов открыл что-то важное. Он не носился со своими открытиями, не стремился их отоварить... Как и большинство художников прошлого, он обладал элементарной порядочностью. Он вышел из Царскосельского лицея. Он мог применять в творчестве шарлатанские приемы (из любопытства, с экспериментальной целью) – шарлатаном он стать не мог.

Вот чего нельзя сказать про крупных поэтов XX века, из которых каждый был причастен (в неодинаковой степени, конечно) шарлатанству.

Я произношу эти слова без осуждения.

Точнее было бы сказать чуть по-другому: в XX-ом столетии крупный русский поэт непричастен шарлатанству быть не мог.

Сразу по двум причинам не мог. Потому, во-первых, что стихи, лишенные декадентской изюминки, в наше время никому не нужны. На рынке их не продашь. И потому, во-вторых (это главное), что поэт, однажды хлебнувший *декадентской отравы*, не может уже без нее обходиться, как не может обойтись без героина два-три раза уколовшийся человек.

Выражение «декадентская отравка» принадлежит Георгию Иванову, вспомним стихотворение, в котором оно прозвучало:

*Летний вечер прозрачный и грузный.
Встала радуга коркой арбузной,
Вьется птица – крылатый булыжник...*

*Так на небо глядел передвижник,
Оптимист и искусства подвижник.*

*Он был прав. Мы с тобою не правы.
Берегись декадентской отравы:
«Райских звезд», искаженного света...*

Георгий Иванов знает лучше других декадентскую музыку («музыку, что жизнь мою сожгла»); Георгий Иванов всерьез предупреждает: «Берегись декадентской отравы»; но Георгий Иванов знает также, что в искусство будущего не проложена еще дорога, которая сумела бы обогнуть стороной область декадентства.

На прошлом чтении мы говорили про импрессионистов, чья живопись («отличные куски живописи») убила бывшее до них изобразительное искусство. Никого больше не радует крылатый бульжник, выдаваемый художником-академистом за вьющегося в небе голубя, никому не нужна радуга, трудноотличимая от корки арбузной.

Так и в русской поэзии музыка Сологуба, музыка Анненского, черная музыка Блока навеки уничтожили поэзию, которая звучит хотя бы самую малость попроще и победнее.

Поэты, под чью кожу не были своевременно вколоты микробы декадентства, могут быть хорошими поэтами – такими поэтами в русском XX столетии были Бунин и, скажем, Твардовский, – но все-таки и Бунин, и Твардовский остаются в истории искусства хорошими русскими поэтами второго ряда. Они – не на магистральном пути.

Лейтенант и Лелечка
сюита распада¹

Галина Дюмонд

Прелюдия

*Я остался в живых после страшной войны.
В этом нету заслуг, в этом нет и вины.
Я изведаль, как все, отступленья и бой,
Но остался в живых, сохранённый судьбой...*

*В сорок пятом году, под весенним дождём,
Я, счастливый, орал, что я дважды рождён.
Двадцать суток качался хмельной паровик.
Продолжались дожди.*

Я к ним слишком привык.

*Натяну макинтош и брожу, и дышу...
Захочу – тороплюсь, захочу – не спешу.
Заверну в тупичок, развернусь – через мост,
Мне подарено всё, вплоть до вымокиших звёзд.*

*Мне подарено всё и сегодня, и впредь:
Я остался в живых. Значит буду стареть.
А друзьям – не дышать,
а друзьям – не дергать...*

*Это трудно понять. Это нужно сказать
Не другим, а себе. Пусть не громко, но вслух.
Сколько дел бы смогли они выдать на круг!
Сколько сделать ещё я обязан за них,
Чтобы жить,*

*если вдруг
я остался в живых.²*

Далёкий 1948 год. Молодой лейтенант, слушатель Высших радиолокационных курсов ВМФ, Игорь Александрович Смирнов, изведавший уже, «отступленья и бой», но оставшийся «в живых, сохранённый судьбой...», в этом эйфорическом состоянии счастья: «Мне подарено всё, вплоть до вымокиших звёзд», читает свои стихи совсем ещё юной девушке, десятикласснице Лелечке, как называет свою воспитанницу его мама Любовь Николаевна. А произошло это вот почему: у Лелечки проблемы с физикой и Любовь Николаевна просит сына позаниматься с ней, предупредив: «Смотри помни – это моя воспитанница». Был назначен день и час занятий.

Леля приходит к ним с тетрадкой и учебником, но чувствует неловкость: Любовь Николаевна отсутствует, Игорь один. За письменным столом он что-то пытается объяснить ей, она же, смущенная ситуацией, вообще не способна воспринимать что-либо из того, о чём идёт речь. Поняв всю бесполезность занятия, Игорь закрывает учебник. «Хочешь послушать мои стихи?» – он же ещё и поэт, его стихи уже публикуются в периодической печати. Молча кивает. Игорь встаёт, проходит через комнату и садится на широкий кожаный диван. Она тоже встаёт, проходит и прижимается спиной к белой изразцовой, излучающей приятное тепло, печке. Игорь начинает читать. Читает о море. Возбуждённо читает. Всё только о море! Глаза его горят – его стихия, его тематика!

Но это не первая их встреча. 1944 год. В костромскую деревушку Максимово приезжает на непродолжительную побывку, навестить мать, курсант Тихоокеанского высшего военно-морского училища Игорь Смирнов. Любовь Николаевна работает воспитательницей в интернате, куда были эвакуированы ещё в сорок первом из блокадного Ленинграда Элеонора Мальгеева (Лелей, а не как принято Элей, называли её потому, что маленькой на вопрос, как её звать, она только бормотала: «Ле-ле, ле-ле». Сначала в шутку поддразнивали, а потом и привыкли. Так и стала Лелей.) со своей младшей сестрой Милой. Элеонора «до сих пор не может говорить без комка в горле о том, как местные жители, сами не евшие досыта, тайком подкладывали в парту ленинградским ребятишкам то шанежку, то картофелину...»³

После отъезда Игоря, интернатовские пишут ему во Владивосток письма. Вернее, как старшая в группе, пишет от имени всех Леля. Письма начинались со слов: «Дорогой Игорь». Могла ли она даже предположить, каким дорогим станет для неё когда-то этот человек.

Может, Игорь и не помнил тех мимолётных встреч, а для девочек школьниц, полуголодных... Он, красивый и стройный, да ещё в морской форме! – забываемо!

И вот снова он!.. И он для неё (!) читает свои стихи! Игорю, хлебнувшему уже немало, интересно наблюдать за реакцией девочки. Несколько иронично, он спрашивает её: любит ли и она стихи, какие любит, помнит ли что-нибудь?

Прижавшаяся к печке, начинает, в каком-то забытьи... Не останавливаясь, одно за другим, одно за другим:

А. Суркову

*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди...*

*Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси...*

*Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабым чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём».*

...

*По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.*

*Нас пули с тобою пока ещё милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.*

*За то, что сражаться на ней мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.*

* * *

*Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: «Выбирай!»*

*Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила,*

*Злую, ветреную, колючую,
Хоть не надолго, да мою.
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.*

...

*Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведённых на шее рук*

*Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.*

*Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой самой малой малости
На земле бы не бросил я.*

...

*И за эти земные корысти,
Удивлённо меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня.*

* * *

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.*

*Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.*

*Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет – повезло.
Не понять неждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.⁴*

И ещё, и ещё, и ещё... Не менее двадцати. Не могла остановиться, не переводя дыхания. Игорь сидел, если и не потрясённый, то обескураженный – точно: «Как могла, совсем ещё девочка, так понять, так прочувствовать?!» А она? Она летела домой окрылённая. Наконец-то, наконец-то, её кто-то выслушал, кому-то она смогла раскрыться. Такого она ещё не испытывала никогда. Эта, заронённая искорка, не раздуваемая, не беспокоила особенно, просто тихонько тлела. А для Игоря, как пишет в выше уже упомянутом произведении Лариса Щасная, «она была тогда всего лишь легко красневшим ребёнком... Встречи с Игорем были редкими, детская влюблённость переросла в затаённое чувство пожизненной привязанности. Но разница в возрасте в одиннадцать лет, видимо, долго не позволяла Игорю взглянуть на Элеонору как на взрослую женщину. И жизнь их долгие годы шла “параллельными курсами”».

Часть первая – Лейтенант

СМИРНОВ Игорь Александрович – военный моряк, участник ВОВ, ученый, поэт, историк.

Я не была близко знакома с Игорем Александровичем, кивнёшь при встрече в знак приветствия – и всё. Поэтому хочу ограничиться формальными данными о его пройденном пути:

Отец – ученый агроном, в 1933 был репрессирован и в 1937 расстрелян. Полностью реабилитирован в 1990; мать – воспитатель детского сада. 19 июня 1941 окончил школу № 299.

«Окончил Тихоокеанское военно-морское училище (1945), служил штурманом на минном заградителе, принимал участие в высадке десанта на Южный Сахалин и Курильские острова (о. Шикотан) в августе 1945 г. Был начальником радиотехнической службы на крейсере. После обучения в Военно-морской академии им. А. Н. Крылова (1957) преподавал в Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова. Доктор технических наук (1978). После ухода в запас – профессор Санкт-Петербургской государственной академии методов и техники управления, автор 95 опубликованных научных работ и 68 исторических и публицистических статей в газетах и журналах. Первая публикация стихов в 1942 г.

Первая публикация стихов в 1942 г.

Член Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов (1996). Председатель исторической комиссии Ленинградского отделения Совета ветеранов Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии. Включён в энциклопедию “Лучшие люди России” (2004). Член Союза писателей России с 1996 г.

Основные публикации: «Штормовой маршрут», «Паруса», «Камни», «Лейтенантское плавание», «Течения и ветры», «Избранная лирика», «Суть», «Бытие». Научно-публицистический очерк «Бюрократия и МЫ», «Голоса ветеранов Тихоокеанского флота», «Судьба репрессированного в письмах к жене (1933 – 1937 г.г.)⁵, «Поэзия военных моряков Российского флота», «Русские военные моряки на Тихом океане».

Награжден орденами «Отечественной войны» и «Красной Звезды», медалями: «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За боевые заслуги», «70 лет вооруженных сил СССР 1918-1988», «300-летие Ленинграда» и др.

Из этого предельно сжато изложенного материала всё же правомочно сделать вывод, что выполнил он взятое на себя обязательство, данное почти как клятву: «... *сколько сделать ещё я обязан за них...*», за тех, кому уже никогда больше, никогда (!) – *«не дышать»* и *«не дерзать»*.

Высокий, стройный. Шаг широкий и быстрый. Когда он шёл к кораблю, все, свободные от работы, выходили на палубу посмотреть, как идёт Смирнов. Голос – такие называют «летучими»: когда читал лекции, было слышно во всех коридорах Академии. Взгляд – прямой, испытующий. Впечатление силы, справедливости. Из тех, имеющих право произносить: «Честь имею!»

В 2015 году вышла книга (более тридцати очерков, воспоминаний об Игоре Александровиче) с таким высокочастотным названием *«Исповедия кодекс чести»*⁶. Буквально все помещённые в неё воспоминания подтверждают вывод о нём, как о личности «честь имеющей».

Часть вторая – Лелечка

Мальтеева Элеонора (Лелечка) – окончила Институт иностранных языков, переводчик, владеющая английским, немецким, французским языками.

Элеоноре Владимировне

*Дорогая балерина,
 Улыбающаяся свет,
 Ваши ножки, ручки, спинка
 Самые красивые в балете.
 Вы изумительно красивы,
 Вам уша не закидать.
 Где же Вы берёте силы,
 Стоишь хворью помогать?
 Вы, как ласточка, прыгаете,
 Обладаете высотой.
 И душа у Вас богата
 Мелочей и добротой!*

Н. П.

6. VIII. 2003

Об Элеоноре мне писать ещё труднее, чем о Игоре. Если его я и мало знала, но написанного о нём – предостаточно. А о ней я, вообще, ничего не знала. Однажды встретила у Поляковой Надежды (Игорь Александрович и Надежда Михайловна, как участники ВОВ, с большим уважением, большой симпатией относились друг к другу), но она уже уходила, да пару раз на улице (жили они через два дома от меня). В приведённом посвящении Надежда Михайловна, а она была умна и проницательна, мне кажется,хватила главное: *теплота и доброта*.

По окончании 323 школы в Ленинграде в 1950 г. поступает в Государственный институт иностранных языков. В послевоенные годы всем жилось не легко, но здесь... Мать блокадница. И... Трудно даже представить себе – в блокадном Ленинграде рождает ещё одну дочь. Отец, блокадник, умирает в 1944 г. Элеонора почти не видит мать: с утра до ночи на работе, чтобы всех прокормить: у неё на руках, кроме своих троих, ещё сын сестры, умершей в блокаду, и дочь брата, погибшего под Кенигсбергом, мать которого также умерла в блокаду. Все домашние дела на хрупких плечах Элеоноры – старшая в семье. На переменах в институте, когда все бегут в буфет подкрепиться, идёт в другую сторону, мечтает где-нибудь у окна – в кармане у неё никогда нет денег. После возвращения в Ленинград, она чувствует особую привязанность к своей воспитательнице Любови Николаевне (в эвакуации, можно сказать, она заменила ей мать), часто навещает её.

Работает: Всесоюзная Геологическая библиотеке ВСЕГЕИ; БАН Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР; НИИ Геологии Арктики. Свободно владеющую несколькими иностранными языками, её постоянно привлекает для сотрудничества Академия наук. Многие учёные, в том числе и известный британский палеонтолог, академик Реймонд Кейси, просят подключить к работе с ними в качестве переводчика именно её. И когда она подаёт заявление об уходе – необходим постоянный уход за больной, пережившей блокаду, тётей – в дирекции просят её остаться с возможностью работать на *дому* исключительно с переводами.

Муж, талантливый пианист, постоянные продолжительные турне. Она заядлая театралка. Балет, музыка – её страсть. Каждый живёт своей жизнью, своими интересами. Но судьба опять подбрасывает ей эту роль – ухаживать за тяжело заболевшим мужем.

Игорь Александрович всегда звонит, поздравляет со всеми праздниками, корит, что сама она никогда не позвонит. Когда случилась эта беда предлагает поменять квартиру, поближе к ним – легче ей будет. Но нет, нет – она сама, сама...

И дальше – «параллельными курсами».

Часть третья – Канцона 7 любви

Параллельными... Но науке известно, что параллельные рано или поздно пересекаются.

*Борьба за власть
растлила свет,
певцы-дельцы
взошли на клирос.
Законов – тьма,
но чести нет,
и всюду –
долларовый вирус.
А я твержу себе:
живи!
Устанут верить
пустословью.
Всё начинается
с любви,
и всё кончается
любовью 8.*

В приведённом стихотворении строчка «Всё начинается с любви» из стихов Роберта Рождественского, но Игорь Смирнов завершает её своим утверждением: «И всё кончается любовью».

Как-то Элеонору однокашники Игоря спросили, что ей нравится в их друге. Ответ был кратким: «Жизненный почерк».

Жизненный почерк... Основой этого почерка было служение Родине.

...

*От невских далей добрый флаг
с надеждой предки пронесли,
не для добычи личных благ –
для утверждения России.*

*Они ушли. Осилим путь?
В одном не стоит сомневаться:
и мы уйдём когда-нибудь,
Россия – будет продолжаться...*

И до самого конца его минуют «*занайство, тщеславье и зависть*», он «*никогда не жаждал власти, / хоть и водил в морях суда. / Честолюбивейшие страсти / проплыли мимо, в никуда...*». (Как пишет в «Исповедуя кодекс чести» А. Кузнецова: «Мне казалось, что он не любил и не желал быть лидером... но в экстремальной ситуации мог бы взвалить на себя львиную долю проблем, в том числе и неоспоримое лидерство»). Одна забота «*лишь бы Родину свято / любую ценою сберечь*».

...

*Едина она.
Словно мать у любого.
Зовётся Россией.
Прекрасное слово!
Беречь её нужно
от всякой напасти:
от козней заморских
и царственной власти,
от мести, от лести,
от пьянства и лени,
чтоб враг не поставил её
на колени.*

... «*чтоб враг не поставил её на колени*». Как необходимо звучание этих строк сейчас. Во весь бы голос! На титульный бы лист их 1-го канала. *Игорь бы смог*... Никто из других современных пиитов... Только бы он...

*Сколько поклонов в окно мне, грешному,
мокрые ветви клёнов отвешивают,
чёрные ветви клёнов с багровыми листьями,
щедро сулящими истины.*

*За что меня балуешь, осеннее зарево,
строки дождя раздаривая?
Смогу ли ответить?*

Успею ли?

Чем рассчитываюсь?

Но я попытаюсь.

Я попытаюсь...

Вслед за Шарлем Де Голлем: «Я никогда не изменял ни Франции, ни жене», он мог бы повторить то же о своей Родине и о своей жене. Всегда рвущийся вперёд, не щадящий себя. Но... И его настигает: «... **Как всё же жизнь несправедлива! / Был мой черёд. Но – всем на диво – / ты умерла. А я – дышу...**» Скоропостижно умирает его жена Тамара. Брак был поздним, «... был мой черёд» – она намного моложе его. И в эти, трудные для себя, дни он обращается за помощью к Элеоноре. Кому, кому ещё, как ни ей, он может доверить свою маленькую внучку?.. В «лихие девяностые» взрослые не могут себе позволить оставить работу, работают за мизерные зарплаты, а часто и вообще без, лишь бы сохранить уникальные кадры и дело. Элеонора тут же увольняется с работы (в перестроечные годы она учитель и воспитатель в школе-интернате), забирает внучку из садика, вплотную занимается ею. И даже летом ездит, как на работу, в Мельничный ручей, когда Татьяна, дочь Игоря, должна быть на работе. Привязанность Элеоноры к Катеньке и Катеньки к ней становится трогательной. Нетерпеливо ждёт её приезда Катенька, сидя на бревне перед калиткой вместе с Игорем, летит навстречу чуть ли не тараня головой её живот. А Игорь... Какие теперь он пишет стихи...

Осенние сказки

Э. И. Мальтеевой

1

*Осень смешивает краски,
как всегда, – неповторимо,
хоть цвета её известны,
все одни – из года в год.
Осень ходит по просёлкам
грустной тенью пилигрима
с перелатаной котомкой
нескончаемых забот.*

*Воздух плотен и прозрачен.
Лес заманчив и радушен.
И к нему – до горизонта –
тучи медленно плывут.
Но, хоть всё реальность это,
мир иллюзий не разрушен:
без осенних тихих сказок
люди дня не проживут.*

2

*Воплощение минора,
я к тебе приду не скоро,
всё плутаю среди сора,
но не майся, как в аду.*

*Через чёрточки секундок,
через собственный рассудок,
я, с охалкой незабудок,
всё равно тебя найду.*

*От разбуженного детства
никуда теперь не деться.
Невозможно наглядеться
на него через года.*

*Бродят тени в зыбком свете...
Да, конечно, мы не дети.
Но бесследно тени эти
не растают никогда...*

Встречающимся, в силу обстоятельств, чаще, им «... от разбуженного детства никуда теперь не деться».

* * *

*Быть рядом с тобой –
это высшее счастье...
Не надо молебнов,
не надо причастья,
не надо
блестящей цветной мишуры.
На небе безоблачном
звёзды мерцают.
Они этой истины не отрицают.
Молчат.
Но молчанье приятно и лестно:
ведь звёздам всё видно
и всё им известно.*

Всё ли было известно звёздам, но Элеонора первая почувствовала, что со здоровьем Игоря не всё в порядке. Она стала настаивать на обследовании. Он отнекивался, говорил, что у него же ничего не болит, но, наконец, сдался, что вот допишет «Лейтенантское плавание» и тогда...

И тогда... Писал целое лето. Дописал, но время... Время было упущено.

Предстоит операция. Игорь Александрович просит, чтобы после Элеоноре сказали всю правду как его жене. Операция в 1-м военно-морском госпитале. И хирург Александр Юрьевич Семёнов в беседе с ней говорит, что в таких случаях (4-я стадия) 2-3 года, редко – пять, что он не смог сказать правду самому Игорю Александровичу, так тот просиял при словах, «что его ждут», которые просила сказать ему Элеонора, когда он придёт в себя...

И она принимает на себя ответственность вообще не говорить Игорю Александровичу об этом всю правду.

С этого времени они уже не расстаются – за ним нужен постоянный уход.

Осенняя любовь

*Как поздно ты пришла –
уж осень на дворе,
то солнышко, то дождь –
изменчива погода.
Не стало наших лип
на Липовой горе,
и ветрам молодым
гулять теперь – свобода.*

*Но истина живёт,
не зная, что стара,
всё бродит по земле,
твердя как заклинанье:
ах, осень для любви –
волшебная пора
и, как сказал поэт,
«очей очарованье».*

*Осенняя любовь,
как утренний туман,
ты плавно и легко
заполнила пространство...
И страсти не нужны
и жажда жарких стран,
а только тишина
и только постоянство.*

Каждый год – обследование. Игорь Александрович порой возмущается, зачем Элеонора всё это устраивает, что от него скрывают? Но она убеждает: «Это же прекрасно, что такой хирург держит тебя под наблюдением, не так уж трудно лишний раз обследоваться, зато мы спокойны».

* * *

*Дарю тебе цветы
в знак памяти об этом.
Хочу я, чтобы ты
всегда была с букетом
ромашек полевых
иль скромных незабудок.
Ты пуще всех живых
мутила мой рассудок.
Принцессою смогла
владеть семейным царством,
и расступилась мгла
перед твоим лекарством...
Я слишком долго спал,
теперь проснулся всё же
и чувствую, что стал
немножечко моложе
и чуточку нежней,
и как-то человечней...*

На себя же она взваливает чуть ли не ежедневные поездки на рынки в поисках козьего молока, молодой моркови, сметаны для повышения гемоглобина, приготовления бульонов, морковь трёт чуть ли не до крови в пальцах, организацию обследований, поездок в дома отдыха...

Прощание с летом, но не с тобой

*Вот и растрчено тепло.
А было – пекло!
Оно текло, текло, текло
и тихо блекло,
И растворилось в облаках
под синим сводом,
и отражалось на руках
янтарным мёдом.
Как возмущались мы порой:
– Несносно! – Жарко!
Но вот и лето за горой.
А лета – жалко.
Оно сомкнёт свои уста,
угомониться...
Есть, правда, тёплые места,
хотя бы – Ницца.*

*Теперь туда – монет наскрѣб –
и вся забота.*

Но ты в упор, вопросом в лоб:

– А как работа?

Лети один, чтоб не скорбя

раскрепоститься.

Зачем мне Ницца без тебя?

Зачем мне Ницца?

Он чувствует возрождение, ренессанс. И даже шутит. Гостила у них как-то Лариса Шасная⁹. Беседуют в кабинете, и на что-то Лариса Ивановна вдруг говорит: «Пусть это лучше Лелечка сделает, у неё рука лёгкая». Он тут же в ответ: «У неё и нога не тяжёлая».

До конца оставался интересным мужчиной, где бы ни находился не оставался незамеченным. Так отдыхали они в пансионате «Заря», Элеонора записалась и ходила там на восточные танцы, а Игорь ждал её обычно в парке на скамейке. И вот подходит к нему женщина и протягивает на ладони яблоко. Игорь Александрович поблагодарил, но отказался. Женщина настаивала, говоря, что отказывать женщине невежливо. Он берёт яблоко, благодарит, а женщина просит разрешения сесть с ним рядом. Разрешает, разумеется, предупредив, что через пару минут уходит встречать жену. Встретившись, Игорь рассказывает Элеоноре об этом. Улыбнувшись, Элеонора отвечает, что эта старая библейская история известна давно, ибо именно за это Адам и Ева были изгнаны из рая.

Предложения он ей уже делал. Элеонора неизменно отказывалась, считала, что штамп в паспорте совсем не нужен, особенно в их случае. Но Игорь не был бы Игорем – он не умел отступать.

Рядом с моим домом гостиница «Охтинская». В гостинице уютное кафе и многие заскакивают туда выпить чашечку кофе. Однажды Элеонора выходит отсюда и видит на противоположной стороне улицы Игоря, поджидающего её: «Паспорт у тебя с собой?» – спрашивает. И ничего более не объясняя, ведёт её за руку в ЗАГС, что как раз рядом. И Элеонора безропотно подписывает все документы, хотя она отнюдь не «безропотная овечка». Он как-то даже предупредил своих друзей, вознамерившихся подтрунивать, чтобы были поосторожней, что она, мол, с характером. Когда на него однажды нашла блажь покомандовать, она спокойненько сказала: «Капитан, сойдите с мостика». Он растерялся, как мальчишка.

Так вот – безропотно подписывает, зная, что ничего ей, кажется, не предстоит, как только опять ухаживать за смертельно больным человеком. Ромео и Джульетта, Тахир и Зухра, Тристан и Изольда... Много можно ещё перечислять, когда кровь горяча, ничего, кроме любви не видят и не знают... А это... – это уникальный случай. «Если бы не она, наверное, не было бы тех пятнадцати лет труда и счастья, которые они прожили вместе. Трудного счастья, прекрасного счастья...», – пишет Лариса Шасная.

Не три, не пять – пятнадцать лет она подарила ему своей любовью.

* * *

Без пятнадцати осень...
 Не восемь, не восемь, а – осень.
 Я ничуть не ошибся,
 ведь мне-то из лета видней...
 Август красит рябины...
 О, как этот август несносен,
 как он быстро листает
 страницы малиновых дней.
 Их осталось пятнадцать –
 и – лето уйдёт от причала,
 чтобы снова вернуться...
 Я буду с ним встретиться рад...
 Только б чёрная вьюга
 меня невзначай не умчала
 в белоснежное поле,
 откуда немыслим возврат...

* * *

В больничной тишине внезапно промелькнёт
 Твой образ сквозь вуаль из слякоти и снега.
 Капли простучат двенадцать нежных нот,
 Блуждающих во тьме с надеждою ночлега.

Всё зыбко. Всё плывёт. Со стен и потолка,
 Как водоросли, льнут причудливые тени.
 Я чувствую тебя. Рука твоя легка.
 Она скользит по мне, спускаясь на колени.

Какой сегодня день? Или – вернее – ночь?
 Какой сегодня год,
 что вместе нами прожит?..
 Ах, если б кто-нибудь способен был помочь!
 Но, кроме нас самих, никто нам не поможет.

Она держит его за руку. С трудом шевеля губами, он произносит: «Ты помнишь тот урок физики?» Этот вопрос... Она не может вздохнуть, комок подступает к горлу: *он помнил, он всё это всегда помнил...*

Часть четвёртая – Соучастница

«Конечно, женщина всегда влияет на творчество мужчины. Или она возбуждает в нём желание творить, или гасит, уничтожает всячески его желание или возможность творить. Значит – всегда соучастник. И в победах, и в поражениях». Виктор Конецкий¹⁰

В годы совместной жизни Элеонора не только заботится о здоровье Игоря Александровича, она становится помощником во всех его делах. В книгах, вышедших после 1998 г.: «Суть», «Бытие», «Лейтенантское плавание», «Судьба репрессированного в письмах жене»¹¹, «Поэзия военных моряков Российского флота», «Корни», даже если где-то редакторы и корректоры указаны, но первой вычитку делала всегда Элеонора, правила, обсуждала с Игорем, доводила до «ума». И не только книги – всевозможные публицистические очерки, статьи. Работая над этим эссе, расспрашивая её, уточняя, я видела, как безошибочно ориентируется она в материале, наизусть зная где, что расположено. Или вот ещё. В связи с 300-м юбилеем города ленинградцев награждали медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Игорь Смирнов был записан на получение медали в Союзе писателей, поэтому он отказался от её получения на работе. Получив уже сама медаль, Элеонора попросила Игоря Александровича узнать, как обстоят дела с его медалью. Позвонив в Союз, он получил удивительный ответ: «Игорь Александрович, у Вас и так много наград, поэтому мы вас вычеркнули из

списков». Возмущённая Элеонора пошла в администрацию Красногвардейского района, и его имя тут же было внесено в списки. (Кстати, там она узнаёт, что Надежды Поляковой также нет в списках, что она вообще не числится в списках живых. Она идёт к Поляковой и, ничего не говоря ей об этом, просто берёт документы и «возвращает её к жизни». Медаль Поляковой была вручена).

А далее... Далее я опять хочу процитировать Ларису Щасную: «С изумлением смотрю сейчас на хрупкую Элеонору Измайловну, поражаясь силе её духа: сразу же после смерти Игоря Александровича она взялась за чтение корректуры огромной и сложной книги мужа – «Русские военные моряки на Тихом океане» (больше тысячи страниц текста, насыщенного географическими названиями, специальными терминами, таблицами, фамилиями, именами кораблей!)... Мужественно, неотступно читает корректуру за корректурой, добиваясь безупречности работы. Ради своего Игоря. Такие женщины, как она, поднимаются вровень со своими замечательными мужьями».

В музее подводной лодки «Народоволец» на Шкиперской протоке в Петербурге этот памятный знак «Жене моряка» Морского литературно-художественного фонда им. Виктора Конецкого был вручён в день святых «Вера, Надежда, Любовь» Э. Мальтеевой в присутствии военных моряков и членов Союза писателей России.

Со сборником статей «Прошедшее и настоящее», изданного усилиями Элеоноры в 2012 г., я познакомилась буквально на днях. Приходится только поражаться трудолюбию Игоря Александровича. Сейчас говорят «трудоголик». Слово какое-то... – неприятное. В рифму так и напрашивается – «алкоголик». Или ещё «голик» – одревеневшими такими ветками без единственного листочка метут обычно дворы. Кому не угодило исконно русское слово? И зачем нужно было заменять русское слово «согласие» на «консенсус», которое даже в гортани застревает? Наш артикуляционный аппарат не приспособлен справляться с таким бойким наскоком согласных. Такие слова изобретают, наверное, не любящие нашу, не омываемую Гольфстримом, страну – всё больше Великий Ледовитый! Апельсины, ананасы, видите ли, не свешиваются у нас просто-напросто с веток – страну, в

которой, чтобы вырастить хотя бы картошку, нужно, ой как (!), потрудиться. Не любящие нашу историю, обзывая людей советского периода «совками», а ветеранов Великой Отечественной войны «колорадскими жуками». Много чего ещё могут придумать, чтобы оскорбить патриотов (слово это тоже оплевано так, что вышло из употребления).

Тост

*Был горизонт и глух, и нем,
Был горизонт почти жесток.
Плыл Синухет¹² в страну Кедем,
Что от Египта на восток.
Не прорицали в тех краях
Ещё ни боги, ни жрецы.
На отшлифованных скамьях
Качались чёрные гребцы.
Замах назад, рывок вперёд.
Рывок вперёд, замах назад...
Закат цеплялся за восход,
Восход отшивывал закат.
Не покорённая никем
Вода хрустела, как песок.
Плыл Синухет в страну Кедем,
Что от Египта на восток...
Минуло сорок сотен лет,
И я узнал в конце концов:
Таки доплыл он, Синухет...
Давайте выпьем за гребцов!*

Так вот, сам Игорь Александрович был именно из таких – любил работать основательно, докапываться до сути, до истины.

Эта его черта ярко проявилась ещё в работе над сборником стихов «Поэзия военных моряков Российского флота». Дополненный ещё и библиографическими данными, сборник приобрёл значение настоящей антологии. Такая же кропотливая работа над каждым рассказом ощущается и при чтении книги «Прошедшее и настоящее». Например, очерк «Забывтая песня о Цусиме». Трогательно его желание установить истинного автора, сказать о нём доброе слово.

Пожелание о создании книги воспоминаний было высказано участниками ВОВ, моряками, учёными, литераторами, друзьями, собравшимися на поминальной тризне в июне 2009 г. В предисловии к книге Элеонора пишет, что название «Исповедуя кодекс чести» предложила Лариса Щасная, а автором символа под названием на обложке – сочетание якоря и лиры – является сам Игорь Александрович. Игорь Александрович прекрасно рисовал, сам оформлял свои книги, мечтал когда-то стать архитектором, но война повернула всё по-своему...

* * *

*Причастны к заслугам морского мундира
предметы несхожие – якорь и лира.
И если подумать, пусть даже немного,
то оба дарованы морю от Бога.*

*Коварна бывает морская водица.
В ней всё, что спасает, всегда пригодится.
Ведь якорем держится корпус за сушу,
а лира – смиряет мятежную душу.*

Игорь Александрович прекрасно рисовал, сам оформлял свои книги, мечтал когда-то стать архитектором, но война повернула всё по-своему...

И. Смирнов. Чернышёв мост. Тушь.

И. Смирнов. Летний сад. Масло.

Ещё Элеонора пишет о жизнелюбии, кипучей энергии Игоря Александровича, о неизменном добром отношении к людям. Что в нём органично сочетались мужественность и сдержанность, принципиальность и редкое душевное качество – деликатность.

Именно о таких, редко уживающихся в одном человеке качествах, мы найдём подтверждение в очерках книги «Исповедуя кодекс чести».

Но хочу вернуться к монографии «Русские военные моряки на Тихом океане».

Так журналист, поэт Виктор Соколов пишет¹²:

«... Среди более двух с половиной тысяч имён, фигурирующих в исследовании Игоря Смирнова, ярко блещут такие прославленные и дорогие русскому сердцу, как Чириков, Беринг и Литке, Беллинсгаузен, Крузенштерн и Лисянский, Нахимов и Макаров, командир легендарного “Варяга” Руднев...

Следует отметить, что документально проследив становление и действия русского военного флота на наших дальневосточных рубежах с 1731-го по 1922 год, автор книги убедительно развеял бытовавшее доселе представление о его “биографии”, начинающейся якобы лишь в апреле 1932 года. Так что в нынешнем году тихоокеанские военные моряки отмечают свой новый, истинный юбилей – уже 280-летний.

К сожалению, автору книги, вписавшему в летопись отечественной воинской славы новые яркие страницы, не удалось увидеть свой труд изданным. Два месяца назад книга вышла в свет в Санкт-Петербурге благодаря подвижнической редакторской и организационной работе его верной спутнице жизни Элеоноры Мальтеевой, которой под аплодисменты участников акции был вручён почётный знак Российской комиссии по общественным наградам “Жена офицера”».

На оборотной стороне этого знака выгравировано:

**жена офицера –
опора, надежда
и вера!
жена офицера –
такие простые
слова...**

Приведу также выдержки из официально заверенной рецензии на монографию:

«Тихий океан является одним из ключевых регионов мировой политики...

Не случайно поэтому Россия создавала военно-морской флот на своих Дальневосточных берегах, начиная с XVII века... В этой связи совершенно необъяснимым, непонятным и противоестественным является отсутствие в нашей литературе добротного исторически выверенного описания создания и деятельности нашего флота на Тихом океане.

Представляется, что этот досадный пробел может заполнить рецензируемая работа профессора И.А. Смирнова...

Рукопись этой работы содержит 932 страницы текста и таблиц, набранных на компьютере и 36 страниц рисунков и фотографий... Автор приводит обширную библиографию, основой которой является «Полное собрание законов Российской империи» с 1649 г. по 1913 г...

Автор достаточно подробно рассматривает ход Японо-китайской войны 1894- 1895 гг. и действия российских военных судов в тот период, события, связанные с занятием Талиенвана и Порт-Артура, попытку создания базирования базы на о.Цусима, ход Русско-Японской войны и её последствия.

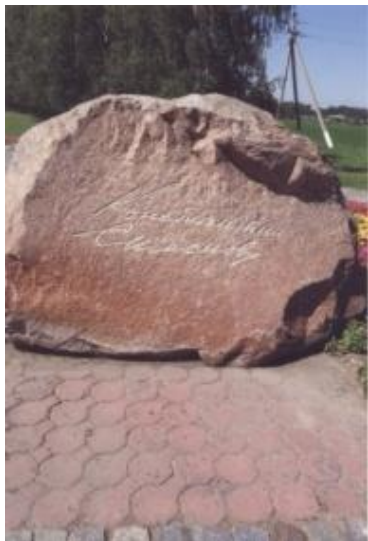
Наименее известные сведения содержат главы «Накануне» (обстановка на Сибирской флотилии и во Владивостокском порту (1911 – 1915 гг.), «Смутное время» (1916 – 1920 гг.) и «Конец Сибирской флотилии» (1921 - 1922 гг.). Эти главы содержат подробное описание событий, доселе закрытые для общества...

Следует отметить существенные достоинства работы и как литературного произведения. Читатели безусловно с большим удовольствием прочтут увлекательные рассказы о путешествиях, походах и деятельности Е.В. Путятина и А.А. Попова, И.Ф. Лихачёва и А.А. Казакевича, Г.И. Невельского, поймут где истоки таланта С.О. Макарова, поймут трагедию Цусимы...

Кроме того, известно, что до 2001 г. днём образования Тихоокеанского флота считалась дата 21 апреля 1932 г. (первого приказа командующего Морскими силами Дальнего Востока, без Амурской флотилии). Таким образом, всё, что касалось не советского, а российского флота, зачёркивалось. Остаётся неизвестным, повлияла ли публикация первой главы на решение руководства флотом, но после этого появился приказ Главкома ВМФ РФ с указанием считать днём образования Тихоокеанского флота России 21 мая 1731 г. – день основания Охотского порта... »

2008

Профессор, доктор военно-морских наук А. Л. Лифшиц

Летом 2018 г. Элеонора предприняла поездку к этому 15-ти тонному валуну, установленному на Буйническом Поле под Могилёвым. Над этим полем, где он воевал, просил развеять свой прах Константин Симонов.

Значение этой масштабной монографии трудно переоценить. У меня на столе ещё две рецензии: доктора философских наук, профессора Б.И. Иванова и зав. кафедрой «Истории военно-морского искусства» ВМА им. Кузнецова В.Н. Петросяна, также заверенные официальными организациями. Один из двух рукописных экземпляров, изготовленных самим Игорем Александровичем, принят Центральным Военно-морским архивом, и до сих эта рукопись постоянно востребована. А к очередному дню Тихоокеанского флота на памятной медали выгравирована уже дата 1731 г.

Памятная медаль с датой «Тихоокеанский флот – 1731», вручённая Игорю Александровичу в 2008 г

200 лет, можно сказать, подарил Игорь Александрович Смирнов Тихоокеанскому Флоту.

Так давайте ж – **Выьем за гребцов!**

Примечания:

¹ Рапсоды – древнегреческие странствующие певцы, одновременно часто были и поэтами (и пели, и декламировали). По преданию Гомер был рапсодом.

² И.А.Смирнов. Паруса. Л., 1984.

³ Л. Щасная. Жёны и океан. СПб., 2010.

⁴ К. Симонов. Стихотворения и поэмы. ОГИЗ. 1946.

⁵ Почему-то книги «Судьба репрессированного в письмах к жене (1933 – 1937 г.г.)» издание СПб., 2007 нет среди перечисленных основных публикаций в «Библиографическом справочнике», хотя издан он в 2011 /СПб./. Сам Игорь Александрович после издания говорил, что это самая главная книга его жизни, что *«он поставил большую свечку своим родителям»*.

⁶ Исповедуя кодекс чести. СПб., 2015.

⁷ Канцона – лирическое стихотворение, песня о рыцарской любви в средневековой поэзии трубадуров.

⁸ Здесь и далее курсивом стихи И. Смирнова из книг: Камни. СПб., 1992; Течения и ветры. СПб., 1996; Суть. СПб., 2003; Бытие. СПб., 2005; Лейтенантское плавание. СПб., 2006; Корни. СПб., 2008;

⁹ Уже не в первый раз я обращаюсь к её воспоминаниям. Л.И. Щасная, поэтесса, член СПР, жена друга И.Смирнова, капитана 2-го ранга, поэта Михаила Волкова

¹⁰ В. Конецкий. О роли женщины в творчестве мужчин..

¹¹ Хлопотами Элеоноры в С-Петербурге в 2016 г. по адресу: ул. Социалистическая, д.6, по которому жила семья Смирновых и где был арестован отец Игоря в 1933 г., была установлена табличка «Последний адрес».

¹² Синухет, египетский путешественник, совершил (около 2000 лет до н. э.) путешествие из Египта в юго-западную Азию. БСЭ, 2-е изд., т.39.

¹³ Ивановская газета, № 162, 2011 г.

Навязанный диалог писателя с критиком.

А. А. Бубнова и В. И. Чернышев

ВИ. Наконец-то я понимаю, каково это: выслушивать Приговор, когда у самого рот завязан, затем подвергаться его исполнению, иногда с отсековением головы, то есть того, что вымучено и написано, и не иметь ни права ни времени на возражения и апелляцию. Теперь-то я понимаю, что справедливость требует, чтобы писатель и критик сходились в поединке, как на турнире, и уже публика решала, кто кого, хотя бы на заседании Секции критики вызывались двое на ринг, пусть даже критик с уже написанным текстом, и начиналось бы действие, реплика критика, обвинительная, отскок, заслон щитом, удар – со стороны писателя – а еще бы лучше, чтобы нам за ними не записывать, пусть они встретятся где-то сначала вдвоем, хотя бы даже с кружкой пива, обменяются репликами – сразу на листе бумаги, подпишутся внизу и принесят готовый диалог редактору журнала или Смолителю секции, мы уж и решили бы, разыграть их диалог на секции или тиснуть в журнал, или и то и другое? Так что, дамы и господа, подвижимый отныне человеколюбием, буду принимать и печатать в журнале лишь диалоги (по части критики). Если же автор из прошлого, и уже давно отлит в бронзу, то пусть критик сочинит ответы за него, достоверно и умно.

Итак, начинаем.

Л. Л. "Новый русский журнал литературной и философской критики, прозы и поэзии" – предприятие, равное подвигу. Я так уважаю подвижников, что сразу стала с ним работать: писать статьи, эссе, отзывы о выходящих в свет новых книгах, о современных воззрениях на текущую действительность. Меня удивляли выступления его редактора, Василия Ивановича, на собраниях: то путано говорит, то довольно ясно по образному строю речи и выражению мысли. Но всё же я ещё не знала Чернышёва как следует: книги его у меня были, но читать их было невыносимо трудно из-за многословия, он пытается объять осмыслением весь мир сразу и всё шагает по известным следам. Прибавилось загадки о его личности и с добавлением новой книги "Исповедь пасынка века" – "последней читательнице от последнего писателя".

Тут уж я взяла себе в обязанность разгадать тайну творческого романтизма коллеги – прочитала книгу от начала до конца. И поняла литературный феномен Чернышёва-романтика.

Аннотация к "Исповеди..." приятно дерзка.

"Это, конечно, не Исповедь моя перед миром, а Исповедь мира передо мною... я его как весильный демиург своего собственного мира Книги к сему принуждаю и вот Мир кается в своих грехах..." Ох ты какой!

Открываю книгу, в ней 360 страниц мелкого шрифта и от страницы к странице наталкиваюсь на такие "заявочки": "В семь лет... некто сказал... что мне предстоит великое будущее... я должен снасти Россию ... высказать своё особенное понимание о мире..."

"...Мне всю жизнь казалось, что я живу не сам" по себе, а народ и Бог имеют обо мне некий Замысел... надежды мои на победу безумны... Я – особое изделие русского деревенского мессианства..."

"...Безумная мечта: стать в конце концов гением и спасти Россию".

"Смотрю на себя в зеркало... что-то во мне ещё есть, помимо того, что видно... не исключено... мы и вправду перевернём весь мир!"

"...Есть некий Замысел обо мне свыше..."

"...Чтобы на Олимпе меня заметили..."

ВИ. Ну, что ж, пока все идет хорошо, пролетая мимо всех 360 страниц, я еще не достиг земли и не разбился, читатель приводит цитаты корректно и по существу, книга моя так и была написана, как Исповедь не только пасынка, человека отвергаемого и униженного, но и как Проповедь пророка, призванного спасти Россию, человека, которому сие было **поручено** высшими силами. По крайней мере в России это никого не должно удивлять, Пушкин неоднократно заявлял, то "Душа в заветной лире мой прах переживет...", и "буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал" и, наконец, "назовет (меня) **всяк** сущий в ней язык"... то "свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды", то "и Бога глас ко мне воззвал: Восстань, Пророк! И виждь, и внемли!" – а вспомните, как гремят эти слова в исполнении Шаляпина под музыку Римского-Корсакова – и несомненно, что «без Пушкина мы бы все давно сдохли!» – как сказал Аполлон Григорьев.

Л. Л. *Представьте: я не сочла это романтической паранойей.* В самом деле бывает: вспомните наших президентов, с тех пор как таковые появились в стране. Один обещал всё в стране перестроить /"Перестройка - перестройка!"/, но пороку в характере не хватило, всех обманул..., попросту "надул" весь народ и уехал шиковать в Америку. Второй президент столкнул первого, вдрызг развалил огромную страну, вдрызг превратил народ и ушёл домой спокойно спать. Третьему досталось такое, что никому не пожелаешь! *[в этом месте бумага размокла, возможно, от умиления, и я не смог разобрать следующих слов. ВИ.]*

Вот как бывает! "Бывает, бывает, всё бывает" вторил персонаж в одном из рассказов В. Голявкина.

Правильный был внутренний посыл В. Чернышёва, а что из этого постепенно выходило, прочитаем на страницах "Исповеди..." от начала до конца как роман о русском человеке XX века с большой внутренней энергией и непомерно высокой амбицией.

О третьем президенте – это я добавила, а наш герой проходил свои муки при первых двух.

Кто он? и откуда? Родился в сибирской деревне среди сталинских лагерей ГУЛАГа. Отец погиб в карельских лесах в 1944 году, ребёнку было 2 года. Ну посмотрите дальше: прибыл в Ленинград, окончил математико-механический факультет ЛГУ, написал два учебника по математике, преподавал в школе, в институте, работал в НПО старшим инженером – талантливый человек! Себя называет "крестьянским писателем!", вынашивает великую идею

преобразовать неудачливый мир не жестокими методами Гитлера или Сталина, а интеллигентскими, начиная с просвещения неумного спивающегося народа, для чего начинает издательскую деятельность. Выпускает журналы, издаёт "Радзивиловскую летопись", "Житие Аввакума", сочинения Дионисия Ареопажита – то есть он вообще, как берётся писать, начинает с самого начала Времён, чтобы народ, во-первых, знал свою историю, а далее будет видно. Он – идеалист. Внутри "Исповеди" я нашла несколько естественных рассказов: что в действительности происходило, то и было записано, что тем более ценно. Но как написано! Так живо, интересно может написать /записать/ самый талантливый, чуткий к слову, к фразе, чувственный, умный, тонкий, одухотворённый любовью к человеку Писатель /с. 48 - 60/. В рассказах всё в строку, ни одного лишнего слова, кроме "как говорил Ухтомский" и "как сказал поэт Башлачёв" – они тут ни при чём. Но в который раз автору мешает начитанность, лезет не к месту, не хватает ему вкуса от неё отделаться. И как во всех его писаниях, подстерегают его душу и выскакивают из-под пера приобретённая за жизнь культура и православная религия. Эти две "тётки" мешают литературной талантливости автора. Этот капитальный недостаток мешает читателю дочитать авторские "жития" до конца. Талантливые словесные находки утопают в куче лишних, необязательных "культурных" слов. Да что ж это за беда такая – огорчается между прочим, соплеменник незрелостью собственной личности автора, что мешает ему написать "совершенную книгу".

ВИ. В данном месте русскому человеку возражать чрезвычайно трудно, как если бы Раскольников на страницах романа упорно продолжал вопить: «Ну и убил старушку! Да еще и Лизавету. Жаль, Сонечка не попала под руку.... Да ведь я был и беден и голоден, разве это меня не оправдывает?»

Современный русский человек – а он все еще **не русский**, а *русско-советский*, что почти противоположно в некоторых частностях **русскости** – с тех пор как заявил, что «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем!» – так и уверовал в свою новую правду, отрицающую и в прах обращающую всю трехтысячелетнюю историю человека и по крайней мере тысячелетнюю историю русского человека – эта ваша самонадеянность с вашими марксами, лениными-сталиными, брежневыми и прочими поднимателями России с колен *в миллиард раз* превосходит мою робкую надежду спасти Россию, то есть хотя бы **пробудить в ней историческую совесть и память**. Если еще нет ни капельки стыда за умершую от голода трехлетнюю Ирочку, вторую дочь Марины Цветаевой, уже полюбившую петь, и нет стыда за Ариадну, сидевшую в отместку за мать несчетно лет, и вы не сомневаетесь, что вам по-прежнему нужна одна победа и вы не постоите за ценой – значит, вы по-прежнему глумитесь над невинными жертвами, даже Пугачев покаялся, сказал, что погорячился, и Раскольников покаялся, а вы по-прежнему упорствуете и подсчитываете число загубленных жизней и взвешивает не только слезы, но и кровь – а и тех и тех **МОРЯ!!!!** – надо ли разговаривать со столь упорствующими в нераскаянии? Впрочем, это, конечно, не возражения

мои оппоненту, она, судя по всему, во многом со мной солидарна, это возражения той толще русского народа, в которой Солженицын еще хотел найти искры совести и раскаяния, но тщетно!!!!!!

Л. Л. Большую Идею всегда выдвигает ОДИН. Но для ее воплощения надо на что-то опираться.

На народ? А он бездействует, бедствует и пьёт.

На религию? Православие – религия смерти, проповедует "умерщвление плоти". Хитрые евреи: сами живут по Ветхому Завету, а нам приспособили Новый с их Иисусом, его же и "умертвили" – нашему автору смерть не подходит.

Поэтому он всечасно находит опору в писателях, музыкантах, художниках "золотого века" – девятнадцатого. Их имена заполняют его творческое существо, сбегает с его пера и его восхищают.

Творцов "критического реализма" XIX века внедрили в народ и революционеры после 1917 года – классики якобы боролись с царской властью, ее революционеры скинули, в стране установился СССР, всем стало хорошо и бороться больше не надо.

Но наш автор с этим не согласен, он организует с друзьями общество, и ведут они беседы... власти их разгоняют, автора сажают в тюрьму, в сумасшедший дом – за "антисоветскую пропаганду". В СССР, как мы помним, было строгое правило: "больше трёх не собираться".

"Конечная цель человеческих устремлений меняется как погода... Время сжигает надежду, болезни её подтачивают, разочарование ослабляет силу..."

"Поможет ли мне философия, поэзия, любовь?" /с. 109 |

"Философы уже умерли? Только зачем они смущали меня почти столетие, пытаясь соединить несоединимое..." /с.148/.

На с. 253: "Пока из меня ничего не получилось, но это ещё не вся беда: Жизнь не закончилась, надо преодолеть болезнь и писать иное и иначе".

Много ещё интересных, полезных рассуждений предстоит читателю услышать до конца книги.

Теперь я хочу поделиться своими соображениями, почему все же у нашего трогательного автора "ничего не получилось" с его ожиданиями.

Когда "несёшь" в себе громадную *идею*, надо ещё иметь много-много сиюминутных и конкретных совершенно **НОВЫХ** мыслей и сил для её воплощения. Нельзя уж только "ходить под Богом", надо ощутить себя или равным богу, или самому стать богом.

"Может быть свой Бог у человека?" – вопрошает автор.

Отвечаю: Конечно! Собственный ум и есть его Бог.

Беда нашего автора в том, что он шагает по чужим мыслям. Если апостол Павел или Игнатий Брянчанинов что-то говорили, зачем Чернышёву повторять их слова в который раз?

Русские классики XIX века все только переписывали Библию или Евангелие в лицах – вот и вся их "литература". В конце XIX-го века В. Розанов был ещё внове и за то не принят соотечественниками; В ХХI-м он уже инфантилен: все всё давно поняли и освоили. Вновь навязанное стране

православие – от растерянности – для новичков, студентов, стариков, вообще не знающих, что это такое; *новая* старая мифология – не понятно что.

Писателю прилично быть ВЫШЕ всякой религии; как быть? Куда плыть? в XXI веке видение мира писателя сформировано: он определённо понимает – холодный рассудок, здравый смысл, рациональность. А что было в прошлых веках – прошло и не вернётся.

Всё, что пишет В. Чернышёв день ото дня напоминает пьяный повторный бред. Да ещё ждет "достойного собеседника". Где его взять со старым стёртым покрывалом мыслей? – два-три случайных читателя, да я. возвышенно уважающая замечательного Человека В. И. Чернышёва, намерившегося "спасать душу мира".

Беда вот в чём: произведения классиков литературы он принимает за подлинную жизнь. Называет миф о Христе мифом, но долго и наивно разбирает его как жизненное явление, происходящее на самом деле со всеми житейскими противоречиями. Почему и зачем такая ненормальная погружённость автора в библейские тексты, если "Иисус из Назарета такой же человек...?" / с. 180/.

Мне лично ясно: не об Иисусе /мифическом персонаже/ надо думать, а о тех, кому понадобилось "*переменение всего существа мироустройства*". Миф – для убеждения мира. Христианство разрушило Римскую империю. Много загадок осталось от прошлого – нам с вами разгадать их не удастся – может стоить жизни. Потому к библейскому мифу надо отнестись как к литературному памятнику Средневековья и не налагать на жизнь 20-21 веков.

И почитаемый В. Розанов с его открытиями и мучениями по поводу христианства не может соответствовать современности и не годится автору с его высокой амбицией, / "Пересказ чужих мнений" /с. 181/ – бессмыслен. Всё течёт, действительность всегда другая, потому я провозглашаю: мысли всегда нужны НОВЫЕ. "Сидеть" на прописях прошлых веков непродуктивно.

Воистину слишком много места и слов уделено христианскому мифу. В поисках, в сомнениях, в противоречиях человек / автор/ стал болен и слаб.

ВИ. Мы, на берег выброшенные грозюю, ни одного слова не опровергли в старых марксистских бреднях, также и в домарксистских, мы все еще только Митрофанушки, не открывшие *дверь ни прилагательную ни существительную* – какие «новые слова и идеи», если мы в прошлом еще ничего не поняли? Или возможно из первого класса перескочить в университете? Нет, дальше новых кормчих и новых шизофренических снов тупое и безграмотное поколение не продвинется – или оно надеется, **не разжевав даже азбуки соль**, только слушая, как говорит вечно живой Ильич или вечно следя, как гребет неутомимый раб на галере, перескочить в счастливое будущее? **Писатель – прежде всего учитель!** Но, увы, отдадим знамя победы критике. Ибо

Л. Л. О слабости человека известно всем, и не стоит писать об этом книг, особенно "последних". Книги пишутся о том, как человек побеждает обстоятельства жизни, и тогда найдутся читатели. Таковы, по-моему, должны быть диалектика и смысл писательства. Потому ожидаемого МОДЕРНА у автора не получилось. СПб 16 апреля 2018

Анвар Абдураимов

Поэт, посещал Лито Виктора Сосноры. По профессии строитель, каменщик.

г. Андижан, Узбекистан

Налетели ветры злые...

В «брэзентухе», в кирзовых сапогах, варю арматуру для питерского метро. Скрежет, грохот, огонь! Кости мои в мясе стираются и ноют. Напарник Вася по кличке Лимон уже месяц лежит под железным шкафчиком, просветляется. Каждые полтора часа этот «бодхисатва» поднимается на могучие ноженьки наполнить два стакана водочкой, и трубит мне призыв. Глотаем разом! Лимон в слезах от своей щедрости, протягивает дольку лимона и так хорошо, так по-человечески улыбается, как бывший секретарь партийной организации. Глаголит что-то душевное: наверное, хвалит за труд. Гордый, опускаю щиток и вновь высекаю огонь! Чтобы покатили – поехали в голубом вагоне: дебелий доцент в очках; водитель милицейской машины с похмелюги и с подбитым глазом; ушлый студент с книгой Пелевина, улыбаясь презрительно и тонко. Женщин не перечисляю, пусть хоть бесплатно «ездют», люблю я их.

В центре Петербурга, в обгоревших сапогах, в остатках одежды, стою я, уйгур из кишлака под Андиганом. Там выросший до восьмидесяти трех килограммов ничем не замутненного интеллекта и, наконец-то, нашедший своё место в жизни среди таких же интеллектуалов. На всё воля Аллаха, и, если он хочет, чтобы я варил арматуру в Санкт-Петербурге, – варю арматуру. «Долгими зимними вечерами» в вагончике, где живем, рассказываю землякам о великой истории России. Особенно им нравится про «монгольское иго»: глаза горят, ноздри раздуваются. Рецидив. Многие из них, закончив «мои университеты», уходят «в люди» и больше не возвращаются. Горные аулы и древние города обезлюдели. Только старики родители да покинутые жены с желтушными детьми при свете керосиновых ламп горюют о пропавших джигитах.

– Чужбина ты, чужбинушка! – поёт пожилая женщина из племени кунгат, – что ты сделала с нашим Тулегеном? – В последнем письме подписался: «... ваш сын, Анатолий».

Иногда веду учеников к метро петь романсы под бубен: «Ой, налетели ветры злые, да с восточной стороны!» Добрые россияне бросают червонцы, полагая, что мы цыгане. Истинные цыгане не суются с конкуренцией: порежем.

Когда «табор» спит, при свете лампёшки пишу поэмы на трех европейских языках одновременно.

Работаю настойчиво, неудержимо, надеясь скоро напечатать под псевдонимом «Владимир Ленский», всё равно Пушкина уже никто не читает.

Что здесь необычного? Незакономерного? Почти на каждой лестничной площадке есть уже свои поющие узбеки, пишущие таджики, мыслящие киргизы. Русские устали и ушли в интернет. Нас туда не пускают. Когда доберемся туда, куда денутся русские? В буддизм? Вася возглавит, партийный опыт всё-таки.

Нормальному государству иммигранты не нужны, например, Туркмении. Что там делать? Кара-кумы в мешках продавать? Мы, чурки, уже не только кладем кирпичи, но и поём в опере в единственном костюме Ивана Сусанина, сшитом еще польскими захватчиками. Реставрируем иконы. Охраняем границы от самих себя, нехристей, пока и нас не увели в интернет. С нами экономика: это когда вкладываешь рубль, получаешь сто. Без нас: вкладываешь сто – получаешь... А сколько ты на таком... сэкономишь?

В. Чернышев. Расставание на лето – Редактора с журналом

Я крестьянин, работаю на своем огороде, копаю землю, иногда поднимаю голову, чтобы осмотреться, и вижу как бегут орды то с запада на восток, то с востока на запад, одни убегают, другие их преследуют.

Мне повезло: и я или был еще маленьким, чтобы убежать или преследовать, или уже старым, к тому же я жил в основном на отшибе.

«Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые: Его призвали всеблагие, как собеседника на пир» – пишет Тютчев. Я родился после Первой Мировой войны и Русской революции, но после них целое столетие было роковым, да еще и тянется эта безумная роковая эпоха, сначала была Гражданская война и изгнание бывших правящих классов, затем голод за голодом, раскулачивание, Террор... Потом началась вторая мировая война, я родился в ее разгар, но первые воспоминания относятся к осени 46 года, шел дождь, начался голод, я до сих пор думаю, что он был следствием дождя, но в России, как видно, основной дождь идет в головах, поэтому в Сибири голод начался ПОСЛЕ войны. Детство, отрочество, мои университеты пришлось на сравнительно бездождливое, даже может быть, для России благодатное время (хотя и не блаженное – по Тютчеву). Сталин умер, широко сажать перестали, целина и кукуруза бедствием не стали, окончательное искоренение церкви шло без размаха, литература, культура, наука не только прорастали, но даже поощрялись (пока без генетики и кибернетики, но зато с романтическим прорывом в Космос и с объявленным *соревнованием двух систем*).

В начале семидесятых я побывал в тюрьме и в сумасшедшем доме, как говорил мой друг Казимир, это были практические занятия по марксизму-ленинизму для закрепления изученного в университете матерьяла (к тому же, Высшие силы, возможно, все еще хотели сделать из меня писателя или философа... а, возможно, даже *мессию*...)

В целом семидесятые и восьмидесятые прошли чуть пасмурно, минут роковых не выпадало до начала девяностых ни на меня ни на страну, но в девяностые они наступили, хотя, как будто, и без стрельбы, но и без блаженства, которое обещал Тютчев. Более того, было все то же, что и в эпоху минувшей Гражданской войны, целые слои населения вымирали, кто от пьянства, кто от голода, кто от отчаяния или нежелания жить – так или иначе, но к началу нулевых страна лишилась десяти или пятнадцати миллионов человек – та страна, которой стала Россия после распада СССР.

Видимых военных действий не было, не стреляли пушки и пулеметы, не бомбили бомбардировщики, но страна оказалась завоеванной (неизвестно кем), разорванной на части и обглоданной, как рыба пиранья обгладывает свою жертву, и из промышленно развитой системы со своими заводами, своими самолетами и ракетами, своими кораблями и подводными лодками мы превратились в сырьевую базу Запада (а что ими не усваивается, разбирает остальной мир. Внутри страны страной владеет несколько семейств (впрочем, где они живут, внутри страны или вне, мы не знаем), но в целом экономически мы не являемся независимым государством, мы принадлежим владельцам, скажем так: мы вассальная территория новой Золотой Орды, которая является неким вненациональным Союзом государств.

Такое впечатление, что исполняется тайный план Тэтчер по сокращению российского населения (особенно русского) до 25 миллионов, и действительно, за последние двадцать лет мы сократились на двадцать пять миллионов или больше, но русский народ (кроме меня) этим почему-то не волнуется. Иногда мне даже говорят: *Отойди в сторону, не ной, не мешай нам жить, на наш век хватит, а дети наши будут жить на Западе* (или: *пусть дети сами думают, где им жить*), да и тебя это уже не должно волновать, все равно все мы содохнем. Но я человек другой природы, и я даже не скажу, что они все сплошь плохие, некоторые из них живут для бога, возможно, они ангелы, но все равно и в таком случае они уже не совсем люди, а я *еще человек*, притом русский, притом у меня есть родные и друзья. Я человек *почвенный*, моя почва, - это моя страна и остатки моего народа, который эту страну создал. Я думаю, что пока я еще жив, я буду отстаивать свой взгляд на мир как мир преимущественно *народный*. Более того, для меня Аксиома, что именно мой взгляд на мир и является условием и причиной существования мира, когда-то Создатель велел нам «трудиться (в поте лица обретая свой хлеб, хотя и не забывая, что не хлебом единым жив человек), плодиться и заботиться о своем народе (племени)», посему я и думаю, что по крайней мере хотя бы в намерениях я последний человек, исполняющий волю моего *Русского бога* (в представлении у меня такой бог есть, появится ли он в действительности, я еще не знаю). Возможно, я беру пример с евреев, у которых есть свой Бог, и благодаря ему они существуют как отдельный народ и не растворились в окружающих их временных племенах. Но я знаю точно, что тот, кто исполняет завет Создателя, то есть живет не только для себя, но непременно и для близких и для своего народа, а в роковые мгновения способен пожертвовать собою для них, тот *подлинный человек*, остальные лишь скорлупки людей, может быть, даже не имеющие вечной души.

Я даже надеюсь, что я еще буду жить и тогда, когда остатки моего народа образуются и прислушаются к моим словам и мы попытаемся спасти Россию, а те, кто сегодня на Россию плюют, думая лишь о себе и живя лишь для себя, те как раз раньше всех поумирают, от страха, что уже Россию они до конца оглодали, все съедобное в ней съели и теперь придется работать.

Теперь я скажу о своеобразной русской черте, которая состоит в том, что хотя мы состоим из двух частей, то есть из лучших людей и из худших (как и у всех), но самые большие усилия к тому, чтобы подняться вверх, захватить власть и богатства, чужих жен и чужую землю, совершают люди худшие, алчные, жестокие, агрессивные, именно они составляют в итоге класс богатых и власть имущих и направляют развитие народа и страны только в соответствии с своими интересами, но не в соответствии с интересами народа (вопреки идее Дарвина о совершенствовании рода в результате эволюции). В экспериментах на крысах биологами показано, что вожаками становятся обычно какие-то совсем не выдающиеся и не очень развитые крысы, но способные к тому, чтобы загрызть не только врагов, но и друзей и даже сородичей (как Иван Грозный, Ленин, Троцкий, Сталин.) В Европе *соревновательная система* способна вытолкать вверх сравнительно более

выдающихся людей, чем средний европеец, у нас же класс управляющих формируется из людей чаще всего подлых и бесталанных. Но почему же страна не гибнет? Только потому, что ниже высшего слоя тоже идет соревнование, и там и способные люди подчас делают карьеру, я даже таких немало встречал. Но кроме того, Развитие и жизнь не подчиняются одному какому-то закону, но сочетанию их, и царствуют вместе или попеременно *основной Закон причинно-следственных связей*, направляющий движение Материи, ее механическое движение (совокупно с физикой, химией и отчасти Природой в целом), *История* (то есть сумма культурных влияний, внешних воля и воздействий и наследственной *памяти*, иногда можно сказать: прежде сложившийся ход вещей (ну, скажем, автомобиль на дороге подчиняется прежде приобретенному направлению, скорости и количеству движения, внешним обстоятельствам в виде ветра, дождя, тумана, гололеда, препятствий и предметов, коими являются например, камень на асфальте, выбоина или пуля снайпера, и повелениям водителя, движениям его руки); **Воля** отдельных, групп, сословий и воля Народа (почти мистическая «*Воля народа*», которая непостижима для него самого), **Воля Бога и чудо** – разные миры предстают нашему сознанию, допускаем ли мы существование чуда или нет; и *Случайность*. Итак, вот **Силы, управляющие миром: Непосредственные причинно-следственные связи; История и память; Воля человека и групп людей; Случайность; Воля Бога и чудо.**

Для пояснения приведу пример: летит космический корабль на Марс, на него действуют силы притяжения земли, солнца, планет (естественные силы), заданный курс и история (заданное вначале направление движения, количество движения и т.п.). управляющие сигналы с земли (воля людей и компьютеров), влетающая вдруг в солнечную систему комета (случайность), и чудо – случается оно редко, и существует ли оно, мы спорим, но когда на меня летела стропила с крыши сарая с заостренным концом (длинное бревно), и я не успевал отпрыгнуть, только **чудо** меня спасло: что-то произошло, я взлетел вверх, развернулся в воздухе и грохнулся плечом оземь, размозжив его (сие тоже оказалось чудом, ибо в результате плеча выяснилось, что мне необходимо сделать еще более важную операцию, промедление – без бревна и падения я об этом бы не узнал, а когда бы узнал, стало б поздно). Ну а Франция была спасена от гибели, раздираемая на части Англией и Бургундией и обираемая католической церковью и безответственной знатью не в результате ли чуда – Явления Орлеанской девы? Вот так же, быть может, Россия ждет чуда для своего спасения, брошенная своим одичавшим и забывшим родину (по существу, ее предавшим) народом.

Итак, я крестьянин. От меня зависит, вырастет ли картофель и овощи у меня в огороде, ни христианская церковь ни ее бог за моим огородом не присматривают, поэтому чудеса на огороде по существу излишни – да и не совершает бог чудес почем зря. Мало от меня зависит, не будет ли мой огород принадлежать татаро-монголу (или *жидотатарину*, как в гневе называет своего мужа одна моя старая знакомая, не имея в виду ни «жидов» ни татар), но все же, при совокупных усилиях значительной части народа есть надежда

отстоять нам и свои огороды, и своих жен и детей от супостатов – а главными супостатами являются свои собственные русские злодеи, относящиеся к родине как к агнцу для заклания. Никакие крепостники 19-го столетия, даже николаевские жандармы и чиновники не были таким злом для России, ибо они тогда уже в значительной степени *обрусели* (увы, *русскость* не дается с рождением как пол, но *приобретается: трудом, любовью, заботой.*)

От меня зависит, сумею ли я написать вторую книгу Исповеди, в которой изложу свои взгляды на мир, народ, соединение отношения личности и народа.

Я начал писать о воле к власти и к богатству. В особенности же отношение к власти является роковой чертой, разделяющей русский народ надвое. Во-первых, из русских только худшие стремятся к власти, и не менее худшие власть и властителей превращают в объект поклонения. В 9-м еще веке мы увидели, что *достойные* люди правителями быть не хотят, а те, кои хотят, являются для населения обузой, они не достойны возлагаемого на них бремени. И тогда выборные от нас люди обратились к варяжским князьям, охраняющим торговые пути из варяг в греки, с просьбою за льготы и оплату охранять от чужих местные земли. Не все складывалось и с варягами хорошо, но славянское культурное влияние соединилось с варяжской отвагой ко благу, и пока не пришли злополучные татары, Русь процветала. Под властью татар почти все были худшими, князья вели себя как разбойники, собирая дань для Орды, и когда с конца 13-го века уже татарские князья стали проситься под власть русских князей, сие только приветствовалось, так что русские князья и цари во многом наследовали татарскую кровь, как духовенство греческую и малороссийскую.

Но благодеянием для России оказался приход на петербургский трон немецких принцесс и принцев, Россия в 18-м и 19-м веках расцвела (сравнительно с веками смутного Московского времени).

К сожалению, в начале 20-го столетия появились самозванцы, то есть евреи. Они совершили в России революцию и захватили Россию силой, а в 90-е годы Ельцин окончательно изгнал из России немцев, (даже бывших поволжских, которых перед тем выселил в Казахстан «отец народов»).

Что же теперь делать? Не знаю. От меня зависит только намерение написать сию книгу, будет ли она интересна российскому читателю, уже от меня не зависит, должно вмешаться чудо, то есть *воля Бога* (русского бога!). Возможно, обрусеют евреи, как обрусели варяги, татары, немцы, вот они уже стали «новыми русскими», осталось немного: стать просто русскими. Обрусеют гастарбайтеры? Особенно если окончательно вымрут крестьяне из русских провинций, а правительство делает все возможное, чтобы они вымерли, по крайней мере работу им не дает. Ну и остается уповать на **чудо**, первое же чудо состоит в том, чтобы хотя б мы сами **обрусели**, последние «этнические» русские в этой странной стране, ненавидящей народную (национальную) Идею. И я создам Дружину из потомков Ермака и Разина, Юрика, «Батихана», Репина и Антокольского, Надсона, Блока и Пастернака, русских во Франции, русских в Финляндии, «новых русских»... и при помощи русского топора мы построим обновленную Россию.

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики

(для всех, кто любит отечество)

на правах рукописи

№ 13

Подписано в печать 27мая

Формат 60x90 1/16 17 п.л. = **272**

Печать по требованию

Редакция не несет ответственности за мнения авторов

Почта редакции
Email: mvnch@mail.ru

СПб
2019